

Зримо
в
Тенях

НИЯМАР

18+

Ния Мар

Золото и пепел

«Автор»

2026

Мар Н.

Золото и пепел / Н. Мар — «Автор», 2026

После таинственного исчезновения главы бремя власти легло на Адмета – вампира, чьи чувства давно покрыла пелена цинизма. Чтобы сохранить наследие и предотвратить хаос в Совете Извечных, ему придется искать следы пропавшего лидера и разбираться с теми, кто готов предать его. Его единственная надежда – Анисса. На первый взгляд ее жизнь состоит из модных показов, встреч с друзьями и семейного уюта, но она с рождения переплетена со сверхъестественным. Когда привычная картина мира дает трещину, а странности, которые близкие умело скрывали, становятся очевидными, Анисса уже не может игнорировать правду – какой бы пугающей та ни была. Адмет врывается в ее мир, не считаясь ни с планами, ни с друзьями, ни со страхами. Но то, что начиналось как холодный расчет, превращается в опасную игру, заставившую забурлить его давно остывшую кровь. Финал дилогии «Извечные», где древние клятвы и кровавые долги сталкивают две враждующие стороны. Исправить ошибки прошлого – единственный путь к будущему.

© Мар Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Ния Мар Золото и пепел

Глава 1

НИЯ МАР

Золото
и
Пепел

2026
М

Дилогия «Извечные»:

Кровь и медь
Золото и пепел

М

Пролог

Т

вои встречи с лучшими друзьями. Путешествия в различные страны. Ужины с родителями. Бесконечная вереница кастингов. Занятие любимым хобби...

Я видел каждую твою улыбку. Знаю, сколько раз в день ты репетируешь походку перед зеркалом и как потом подавляешь волнение перед выходом на подиум. Мне известно о тебе все, Анисса Барлоу. А ты даже не подозревала об этом.

Слишком долго я позволял тебе оставаться в неведении. Но время вышло. Миру грозит война, причина которой росла вместе с тобой. И теперь ты должна узнать правду.

Обманываться не буду – ты возненавидишь меня за нее.

Но с какой стати меня это должно трогать? С чего бы мне волноваться о том, что ты почувствуешь, когда рухнет твой привычный мир?

Ты – ключ к спасению. И я не упущу тебя.
Ни за что.

До скорой встречи, моя *Вызволительница*,
Адмет.

Глава 1. Анисса

Л

уч восходящего солнца нагло накрыл мои веки и безжалостно выжег своей яркостью прекрасный сон, оборвав его на самом интригующем моменте.

Я выдала гамму недовольных звуков и натянула плед по самую макушку. Если выбирать что-то одно между ослепляющим солнцем и духотой под пледом, сопровождаемой крошечной тьмой, то я без раздумий выберу второе, чтобы насладиться хотя бы еще несколькими минутами сна.

Однако не успела я провести в позе эмбриона и минуты, как мой слух прорезал звук будильника на телефоне, что лежал прямо за моей спиной, на второй половине кровати.

«Ну уж нет. *Ничто* не помешает мне досмотреть сон».

Нехотя я откинула с лица плед и перевернулась на левый бок. Убедившись, что меня больше не потревожит эта противная мелодия, приготовилась и дальше нежиться в теплой и мягкой кровати. Но мой план мигом уничтожил стук в дверь номера, в котором и провела всю прошедшую ночь.

Я тяжело вздохнула, прекрасно зная: стоящий в коридоре ни за что не отстанет, ведь окажется, как всегда, прав – не время дремать, у меня сегодня по горло дел.

– Одну минуту! – крикнула я своему телохранителю и, зевнув, медленно поднялась.

Интерьер, где буквально все – от пола и потолка до декора с мебелью – было выполнено из белых, бежевых и коричневатых материалов, в союзе со слепящим солнцем заставил меня проснуться окончательно. У двери стояло зеркало в полный рост, обрамленное витиеватой позолоченной рамой.

«Вполне себе сносно», – подумала я, оценив себя с ног до головы. Тушь, которую я не смыла вечером из-за усталости и желания поскорее воссоединиться с кроватью, лишь слегка сделала меня похожей на енота. А светлые волосы, еще недавно искусно завитые в прекрасные волны, выпрямились и растрепались – я сильно ворочалась во сне.

Прочесав пряди пальцами и придав им более-менее нормальный вид, я подошла к двери, приложила подушечку большого пальца к сенсорной панели рядом – да здравствуют современные технологии! – и, когда раздался тихий писк, означающий разблокировку замка, отворила дверь.

– Доброго вам утра, мисс Барлоу, – отчеканил Винсент, сохраняя приевшуюся профессиональную физиономию с выражением полной отрешенности. Он почти никогда не одаривал меня даже скромной улыбкой, про большее вообще молчу.

– Обязательно соблюдать субординацию, даже когда вокруг ни души? – Я сложила руки на груди, скукаясь всматриваясь в его бесстрастное квадратное лицо.

Мужчина провел ладонью по своим коротким пепельно-белым волосам, убирая назад выбившуюся прямую прядь, и тяжело вздохнул, прикрыв веки всего на долю секунды.

Я не удержала легкой улыбки. Винсент весьма хладнокровен и во всех ситуациях выбирает разум вместо эмоций и льющегося через край тестостерона. Однако в случае со мной ему не всегда удается вытерпеть мой сложный характер, и то небольшое, что позволяет ему абстрагироваться от «проблемного подростка», – пара секунд наедине со своими мыслями.

– А как еще мне следует здороваться с дочерью моего нанимателя? – вскинул он темно-русую бровь, контрастирующую со светлой кожей. Он был значительно бледнее меня.

Я закатила глаза, не переставая улыбаться.

– Банальное «привет» подойдет для начала, – парировала я. – А чуть позже, надеюсь, у меня получится уговорить тебя произнести мое имя не в совокупности с фамилией или дополнительным «мисс».

Винсент одарил меня взглядом своих васильковых глаз, в которых читался вопрос: «Ты сейчас это всерьез?»

– Тебе всего тридцать три, еще не время вести себя как ворчливый пенсионер, – попыталась пошутить я, но и эта попытка улыбнуть его увенчалась провалом.

Я прекрасно осознавала, почему он так ведет себя при моих родителях, начальнице и коллегах. Но ведь сейчас мы здесь одни. Никто не посмотрит с осуждением и не отчитает его за «некорректное поведение».

– Рад, что хоть кто-то из нас ведет себя на свой возраст, – неприкрыто намекнул он на меня.

Я фыркнула, покачав головой.

«То, что мне девятнадцать, не означает, что я глупый и ничего не осознающий ребенок».

– Напомню, что я в первую очередь не твой друг, а телохранитель, – продолжил Винсент. – Если твои родители или начальница не досчитаются хоть волоска на твоей прекрасной головке, последствия для меня будут, мягко говоря, плачевными.

– Почему мой телохранитель не может быть и моим другом?.. – невольно вырвалось у меня.

Я быстро прочистила горло, уловив нотки грусти в своем тоне. Пусть я сама решила стать моделью и лично подписалась на предложение выступать на подиумах в других странах, а не только в родной, но из-за нехватки времени я безумно редко виделась с друзьями. В особен-

ности с Энтони и его старшими кузинами – Аделой и Катрине. Да, мы периодически переписывались в мессенджерах, но все же живое общение не заменит ничто.

Винсент, которого приставили ко мне еще во времена средней школы, – единственный человек, который не оставлял меня практически никогда. Каждая поездка, не важно, в школу это или в другую страну, сопровождалась им. И слова о том, что за восемь лет, сколько он рядом со мной, мы не можем считаться друзьями, кольнули сердце.

Телохранитель шумно набрал в легкие воздух и быстро выдохнул. К тому моменту я опустила голову и смотрела лишь на пол, выложенный плитками молочного керамогранита с бежевыми прожилками, однако тут же вздрогнула от неожиданности и поймала взгляд мужчины, стоило ему положить свою широкую ладонь мне на плечо.

– Я не утверждал обратного, мисс... – Он резко прервал свои слова и немного повертел головой. Мне даже показалось, что Винс на секунду ухмыльнулся. – ...Анисса. Я всего лишь хотел сказать, что моя первостепенная задача – оберегать тебя. А соблюдение определенного порядка и субординации помогают мне лучше сосредоточиться на этом. Но это не значит, что я отношусь к тебе только как к работе, за которую твой отец платит мне неплохие деньги.

– Вот теперь утро в самом деле можно считать добрым, – усмехнулась я, гордо вскинув подбородок. – Я заставила улыбнуться самого Винсента Валля.

– Не было такого. – Мужчина вмиг одернул руку, отвернул голову и притворно покашлял в сомкнутый кулак.

«Пусть он и пытается казаться ледяной глыбой, но я знаю, что глубоко внутри он тот еще душка».

– Как скажешь, – подмигнула я, а через мгновение осознание наконец меня настигло: Винсент, в отличие от меня, уже был полностью готов к началу дня. – Мне нужно привести себя в порядок. Буду скоро, а то не хочу опоздать на шведский стол.

Телохранитель коротко кивнул и, когда я развернулась в поисках неразобранного чемодана, прикрыл дверь, оставляя меня наедине с самой собой.

– Да не торопись ты так, жуй как следует, – мягко причитал Винсент, поглядывая исподлобья за тем, с какой скоростью я поела венские вафли с джемом и взбитыми сливками, запивая едва остывшим латте.

Он не сумел спрятать ухмылку за поднесенной к его губам чашкой эспresso, когда в один момент я шикнула и высунула ошпаренный язык.

– Предупреждал же... – выдохнул он и пододвинул мне стакан холодной воды, которую ему принесли вместе с эспрессо.

Я с благодарностью улыбнулась и в несколько глотков осушила полстакана. Язык жечь перестал, лишь неприятно ныл.

– Тебе легко говорить, не ты же опаздываешь к Полю на примерку платья.

Винсент взглянул на часы, поблескивающие серебром на его левом запястье.

– Учитывая, что моя работа в буквальном смысле этого слова заключается в сопровождении тебя куда бы то ни было, – телохранитель поймал мой взгляд, – то можно считать, что мы оба опаздываем.

Я прожевала последний кусочек вафли, промокнула губы салфеткой и решительно встала из-за стола.

– Mon problème, notre problème¹, – подмигнула я. Эту фразу я впервые употребила здесь же, в Париже, и повторяла каждый раз, как выпадал подходящий момент. Винсента она знатно подбешивала, но при этом ничего против не говорил. Все же в моих словах имелась истина: он всегда приходит ко мне на выручку, какой бы абсурдной ни была ситуация, вдобавок не прописанная в договоре найма.

Мужчина вскинул бровь, продолжая держать сосредоточенное выражение лица.

– Твоему отцу пора бы уже начать доплачивать мне за весь тот моральный ущерб, что ты мне ежедневно наносишь.

Я показала ему язык, на этот раз намеренно, и решила проверить телефон. Так спешила со сборами и завтраком, что включила его только сейчас (будильник не в счет). И конечно же за это время Поль прислал мне чуть ли не сто сообщений.

– Вот же черт! Забыла, что он перенес время примерки! – Я в панике сняла со спинки стула свой черный пиджак с вышитыми на нем красными цветами и лихорадочно пыталась натянуть его на себя. – Винс, почему ты не напомнил?

Телохранитель, подобно исполнителю пантомимы, сделал движение, будто не спеша достает из-под столика кипу бумаг, так же неторопливо пролистывает воображаемые страницы, не забывая через раз облизывать кончик пальца, чтобы лучше «поддевать» их, после чего ткнул куда-то в пустоту и уставился на мое озадаченное лицо.

– Здесь не прописано, что я, помимо всего прочего, обязан еще отслеживать все твои договоренности со стилистами, визажистами, модельерами и кто знает с кем еще.

Я отрывисто вздохнула и зарыла пальцы в волосы, словно пытаюсь придать им объем у корней.

– Знаю, прости... – примирительным тоном пробормотала я и медленно опустилась на свое место. Винс даже не успел толком свой завтрак доест, и я только сейчас обратила на это внимание. И как я могу претендовать на звание подруги? Правильно, никак, если не возьмусь за голову (не в буквальном смысле, как несколько секунд назад). Лучше мы опоздаем к Полю, но мой телохранитель будет полон сил, чем если мы все равно опоздаем, но Винс будет голодный как волк. – Я обязательно исправлюсь и налажу тайм-менеджмент, – уже вслух заверила я его.

Винсент после очередного глотка эспрессо приподнял уголки губ.

– «Или просто найму персонального менеджера и спихну все на него», – саркастично продолжил он мою фразу.

– Или просто найму персонального менеджера и спихну все на него... – согласилась я с умным видом, устремив взгляд вверх, но, невольно взглянув на такого серьезного Винса, качающего головой с видом «ох уж эта подростковая легкомысленность», не удержала себя и тихо посмеялась.

День обещал быть чудесным.

¹ Моя проблема – наша проблема (фр.).

Бульвар Сен-Жермен тянулся вдоль Левобережья на несколько километров, маня своей перспективой, теряющейся в легкой дымке. Величественные платаны выстроились вдоль него нескончаемым караулом. Их густые кроны, насыщенно-зеленые, почти изумрудные, сплелись где-то высоко в небе, создавая спасительный полог от ослепительного солнца.

Стены зданий по обе стороны бульвара были выдержаны в светлых, благородных тонах – от кремового и песочного до цвета слоновой кости. Неповторимый почерк парижского дизайна. Воздух здесь наполнен особой атмосферой: смесью крепкого кофе, бензина проезжающих машин и духов проходящих мимо парижанок.

Первые этажи занимали бесчисленные уютные лавки с домашним декором, где в витринах красовались винтажные вазы и ароматные свечи; модные бутики с последними коллекциями; и, конечно, кафе с ресторанами, предлагающими блюда, которые не оставят равнодушным даже самого дотошного гурмана. Их открытые террасы, заполненные плетеными стульями, были полны народа.

Чтобы выделиться среди бежевого камня стен, графитово-черных перил маленьких балкончиков, что возвышались на верхних этажах, и серой тротуарной плитки, вход в ателье Поля украшал ярко-алый козырек. На нем, словно корона, красовалась каллиграфическая золотая надпись: «L'Atelier de Paul Girardot»².

Но от изучения вывески меня отвлек дразнящий, лакомый аромат свежееиспеченного хлеба – на углу располагалась небольшая хлебопекарня. Хрустящие багеты, которые так и хочется сломать прямо у входа; пышные круассаны с шоколадом, миндалем и разнообразными начинками; канеле в твердой карамелизованной корочке... Всегда после похода к Полю мы с Винсентом обязательно доходили до этого угла и набирали к обеду чуть ли не гору булочек. Мы не были во Франции больше месяца, и эти знакомые запахи вмиг накрыли меня волной ностальгии, напомнив о нашей небольшой традиции.

Я обернулась в Винсу с задорной улыбкой и кивнула в сторону пекарни, намекая, что наш путь после примерки платья продолжится не по оговоренному за завтраком маршруту. Он в очередной раз ухмыльнулся и одобрительно кивнул, читая мои мысли.

² «Ателье Поля Жирардо» (фр.). Название является авторским вымыслом и не имеет отношения к реальным объектам.

– Ах, мадемуазель Анисса! Ma belle!³ – раздался из резко распахнутой двери голос Поля с неподражаемым, ярким французским акцентом. Мужчина, чья аккуратная борода на момент нашей последней встречи еще не была так сильно тронута сединой, энергичным жестом зазывал нас скорее заходить. – Dérêche-toi!⁴ Еще столько всего нужно скорректировать! On y va, on y va!⁵

Поль скрылся в ателье, но дверь так и не успела захлопнуться – Винс ловко ухватился за ручку, что-то ворча себе под нос про стремительно исчезающее понятие «джентльмен» и «этого напыщенного француза».

Проходя мимо телохранителя, внешне такого спокойного и равнодушного ко всему, кроме моей безопасности, я мельком коснулась его плеча, безмолвно благодаря за то, что он есть. Винсент не раз напоминал, что просто делает свою работу и не нуждается в моих ежедневных тысячах «спасибо». Но иначе я просто не могу. Он и моя начальница, мисс Эмер Валль, которая к тому же является его законной опекуной, – не последние люди для моих родителей, как и для меня самой. И этот факт не позволяет мне относиться к Винсенту как к кому-то постороннему.

Многолетний опыт месье Жирардо позволил ему быстро понять, что в моем вечернем платье стоит подшить, добавить, а что и вовсе убрать. Пробыв в его мастерской всего около часа, где царил творческий полумрак, наполненный манекенами с заготовками нарядов для элиты Парижа и высочайшими стеллажами, уходящими под самый потолок и хранившими рулоны разнообразнейших тканей, мы с Винсом отправились в пекарню.

Лишь несколько часов этого дня принадлежали нам, потому что совсем скоро начнется привычная суэта: в отель придут визажисты, парикмахеры и Поль с готовым нарядом. Все это для того, чтобы вечером блистать на открытии новой галереи современного искусства. Конечно, я далеко не главный гость сего мероприятия, но начальница посчитала, что пора бы мне отдохнуть от бесконечных кастингов и подиумов, а заняться чем-нибудь менее энергозатратным.

В принципе, в этом есть доля правды. Цель моей командировки сюда – походить по залам, рассматривая картины, фотографии, статуи и инсталляции, с бокалом чего-нибудь игристого в

³ Красавица моя! (фр.)

⁴ Поторапливайся! (фр.)

⁵ Идем, идем! (фр.)

руке. Возможно, пару раз промелькнуть еще на глазах фотографов или ответить на дежурные вопросы журналистов вроде: «Как вам атмосфера?» и «Что вас больше всего тронуло?». Работа мечты, не иначе.

Следуя вверх по бульвару Сен-Жермен, мы вышли к набережной, и перед нами показался Бурбонский дворец – величественное здание из неизменного светлого камня, похожее на античный храм. Его монументальный портик с двенадцатью коринфскими колоннами, увенчанный скульптурным фронтоном, отражался в спокойных водах Сены. Прямо напротив, за мостом Согласия, угадывались очертания церкви Мадлен, и эта архитектурная перекличка двух берегов создавала удивительную гармонию.

От созерцания этого архитектурного шедевра меня оторвал звонок телефона, донесшийся из кармана светло-голубых джинсов.

– У меня есть несколько предположений, кто это может быть, – произнес Винсент и закинул в рот очередной крошечный профитроль. Белая коробочка в нежно-розовую полоску забавно смотрелась в руках крупного серьезного мужчины в черных брюках и приталенной футболке с V-образным вырезом.

Я остановилась, тяжело вздохнула и медленно прикрыла веки.

– Это мама... – выдохнула я. – Забыла написать ей после прилета. Представляю, как она успела испереживаться...

Мне захотелось стукнуть себя по лбу. Готовая к потоку упреков и причитаний, я уже потянулась к экрану, чтобы принять вызов, как вдруг меня остановил уверенный, бесстрастный голос телохранителя. Он снял легкую панику, как рукой.

– Я предупредил миссис Барлоу вчера, что как только ты поднялась к себе в номер, сразу же провалилась в сон. А утром, после завтрака, написал ей короткое сообщение про наши дальнейшие планы.

Наверное, впервые в жизни я ощутила одновременно и ком в горле, и предательские слезы на глазах, и жар на щеках. Во мне смешались облегчение, благодарность и смущение. Винс в который раз уберег меня от родительских нравоучений, хотя совершенно не обязан был этого делать.

– *Тон problème, notre problème*⁶. Ведь так? – приподнял он бровь, и в его глазах мелькнул старый знакомый сарказм.

Я усмехнулась в ответ, смахнув слезу, невольно покинувшую предел век.

– Вообще-то правильно будет *«ton problème»*... – с наигранной обидой поправила я.

– Обязательно скажу так, когда выпадет подходящий момент. – Винс кивнул на телефон, намекая, что мне пора бы уже ответить, и отошел в сторону дожевывать свою порцию лакомств, давая мне пространство для разговора.

⁶ Твоя проблема – наша проблема (фр.).

Глава 2. Анисса
О

кутанный ночной загадкой, Париж позволял забыть обо всех проблемах. Чего стоила одна Эйфелева башня, увенчанная тысячами, если не сотней тысяч, мерцающих огней. Подобно ей сияли и пирамиды Лувра, и Триумфальная арка, и мосты через Сену... Да буквально весь город, куда ни глянь, переливался в темноте!

Галерея, к которой мы с Винсентом подъехали, ничуть не уступала столичному антуражу. Нежно-оливковые стены, витиеватая лепнина, меловые колонны и огромные арочные окна – свет из них мягко разливался по брусчатке, освещая нам путь. Стеклоанный купол здания улавливал отблески городских огней, и все вокруг выглядело дорого и со вкусом.

О важности сегодняшнего события – открытия галереи – красноречиво свидетельствовала толпа фотографов и журналистов. Они собрались со всех возможных изданий: от недавно основанных блогов до самых известных мировых журналов. Понять это можно было по бейджикам с разнообразными логотипами, что болтались на их шеях, поблескивая в свете вспышек.

Если бы не плотная стена охраны и ограждающие ленты, то, думаю, направляющихся в галерею гостей просто задавили бы еще на подходе. Ослепленные яркими вспышками фотоаппаратов и оглушенные нескончаемым потоком вопросов, мы с Винсентом наконец добрались до двойных стеклянных дверей. Предъявив охранникам приглашение, мы спокойно зашли внутрь, оставляя всю эту нервную суету за порогом.

Без счета времени мы бродили по залам. Одни пространства были сплошь увешаны картинами, написанными яркими, почти кричащими красками – от них рябило в глазах. Другие помещения, напротив, встречали нас абсолютной пустотой. Лишь одна диковинная скульптура или авангардная инсталляция одиноко выделялись в центре на фоне оливковых стен, светлого паркета и белоснежного потолка со встроенными лампами.

Проходя мимо очередного шедевра современного искусства, мы с Винсом краем уха улавливали обрывки диалогов гостей. Собравшиеся напряженно искали смысл, который пытался донести до зрителя тот или иной художник, и спорили о том, насколько он гениален.

В этом море интеллектуальных бесед изредка попадались официанты с подносами. У одного из них мне удалось перехватить две тарталетки с черной икрой, украшенные пищевым золотом, и бокал брютта.

– Мне не положено, – тактично отказался Винс, когда я протянула ему угощение.

Он даже не взглянул на меня, продолжая сосредоточенно «сканировать» зал своим взором. Мой телохранитель не отступал от своего привычного, ежедневного списка действий ни на йоту: изучать обстановку и людей, считывать их язык тела и эмоции, примечать пути эвакуации, мысленно держать в голове план здания и обращать внимание на любые подозрительные предметы. И это далеко не все, что входило в его обязанности.

Я искренне восхищалась его профессионализмом, но иногда не могла удержаться от искушения. Бывало, я сперва подначивала его расслабиться и повеселиться вместе со мной, а потом краснела от осознания, что его ответ всегда будет одним и тем же: вежливым и, разумеется, отрицательным.

В конце концов, на публике мы в первую очередь не друзья, а «клиент» и «телохранитель», верно?

– Когда вернемся домой, я попрошу папу пересмотреть кое-какие пункты в твоём договоре, – заявила я, а после быстро прожевала тарталетку и сделала глоток брютта. От резкой, совсем не сладкой кисловатой нотки я чуть поморщилась.

Винсент ухмыльнулся, слегка покачав головой, а затем неожиданно для меня забрал вторую тарталетку прямо с моей ладони и бесцеремонно, но с явным удовольствием, отправил ее в рот.

– Это не его решение, а мое, – ответил Винсент, как только дожевывал угощение. – Но позволю себе сегодня небольшое исключение.

Я усмехнулась, разглядывая его невозмутимое лицо:
– Что за повод?
Винс пожал плечами.
– Как придумаю – обязательно расскажу.

С каждым последующим полчасом количество людей медленно, но уверенно растворялось, как сахар в теплом чае. Гул голосов стихал, сменяясь приглушенным шепотом, и даже дышать, казалось, стало проще.

– Останемся на прощальную речь владельца или незаметно ускользнем отсюда? – подначивала я Винса, всем своим видом намекая, чтобы он согласился на второй вариант.

Но телохранитель будто не услышал меня. Обычно Винсент реагировал моментально, пусть даже едва заметным кивком. Сейчас же он был полностью сосредоточен на оставшихся в зале людях.

Нахмуренный лоб прорезали глубокие морщинки, кулаки сжались до побеления костяшек. А взгляд... Зрачки его глаз сузились до размеров острия шариковой ручки.

– Винс? – мягко окликнула я и осторожно коснулась его плеча, пытаясь привлечь внимание. – Все хорошо?

I. Винсент

В

ампиры.

Одно слово, которое моментально вызывало отвращение и лютейший гнев. Если бы чувства Винсента в эту секунду можно было запечатлеть на холсте и повесить на всеобщее обозрение посетителям этой галереи, люди до окончания времен ставили бы эту картину в пример. Пример того, до какого уровня, оказывается, способен ненавидеть человек.

От вида этой кровососущей нежити, явившейся на мероприятие и снующей среди простых смертных, мужчина впал в тихую ярость.

Нет, он не собирался действовать необдуманно. Пусть его опекунша – альфа лисьей стаи Валль – признавалась, что всегда шла на риск, в особенности ради любимых, самого Винсента, своего бету, она настоятельно просила в первую очередь думать головой, а не полагаться на животные инстинкты, толкающие вперед на врага.

Если есть выбор между бегством и поединком, лучше предпочесть первое.

Особенно когда твой враг – невообразимо старый упырь.

Таким и был тот, за кем неотрывно следил Винсент. Слегка заостренные уши и глаза цвета бездны не позволяли сомневаться: этому рыжеволосому мертвецу минимум тысяча лет. И он еще столетия назад был скован проклятием, из-за которого загорался на солнце и обжигался о серебро.

Быстро вернувшийся самоконтроль позволил Винсенту наконец обратить внимание на Аниссу. Едва ее ладонь коснулась его плеча, как мужчина глубоко вздохнул, разжал кулаки и расслабил лоб.

– Я в порядке, – отозвался он глухо.

– Было не похоже, – нахмурила брови девушка.

Анисса метнула взгляд на толпу, которая, как она полагала, и заинтересовала Винсента, а затем снова уставилась на своего телохранителя.

– Так как ты смотришь на мой вопрос? – вернулась к первоначальной теме она. – Мне важно узнать твоё мнение.

Винсент до крови прокусил внутреннюю сторону щеки, когда в поле зрения на другом конце огромного зала заметил: вампир уводит от толпы одну гостью. Эта молодая женщина в пестром платье и с гладким пучком, явно пребывающая подшофе (Винсент чувствовал аромат алкоголя, исходящий от нее, даже за столько метров благодаря своему нюху), часто смеялась, спотыкалась, но ее вовремя подхватывал этот упырь, уводя все дальше. В сторону еще не открытого крыла здания. Там не успели докрасить стены, но желание владельца устроить церемонию открытия галереи на неделе празднества Дня города подтолкнуло его к идее просто закрыть проход лентой и поставить пару охранников.

Конечно, Винсент находился здесь только ради защиты Аниссы – единственной дочери своих нанимателей. Но мысль о том, что на его глазах, возможно, закончились последние мгновения жизни одурманенной алкоголем посетительницы, заставляла его стоять на месте, а не немедленно увести Аниссу отсюда.

– Могу я отлучиться на несколько минут? – спросил он, не сводя глаз с парочки.

– Конечно, – мигом ответила Анисса, кивнув. – Где мне тебя ждать?

Винсент со стремительностью в движениях накрыл плечи девушки своими ладонями и, внимательно всматриваясь в ее округлившиеся от удивления карие глаза, на свету проблескивающие янтарем, коротко бросил:

– Здесь же.

А затем быстро направился в противоположный конец зала, лавируя между гостями и не сводя взгляда с рыжей макушки древнего убийцы.

Глава 3. Анисса
Н

е успела я моргнуть – а Винсент уже скрылся в арочном проходе без двери. Да, на моей памяти он всегда был резвым и быстрым, но порой я словно впервые замечала его выдающиеся физические данные и удивлялась им заново.

Мне безумно захотелось побежать вслед за ним, чтобы узнать, что или кто так сильно привлек его внимание. Но здравый смысл, голосом Винсента, твердил: «Стой на месте и жди здесь».

Я стояла как истукан с почти допитым бокалом брютта, третьим по счету, кажется. Взгляд застыл на темном проеме, в котором исчез Винс.

Прошла минута. Другая. Я принялась бесцельно расхаживать туда-сюда, ненароком подслушивая тихие разговоры гостей и шелест подола моего атласного изумрудного платья.

А затем накатил легкая паника, которую я пыталась подавить весьма справедливым, как мне казалось, аргументом: Винсент с подросткового возраста пропадал в тренажерных залах. Он состоит из одних мышц, силы и тестостерона. В обиду себя не даст, и мне нет причин переживать. Но аргумент не работал.

Глубоко вздохнув, решила занять себя тем же, что и остальные гости: найти «посыл», спрятанный в море красок какого-нибудь современного художника. Однако уже после просмотра первой работы я потеряла концентрацию. Из того самого арочного прохода не доносилось ни звука. Волнение пересушивало горло лучше шампанского.

– Mesdames et Messieurs, je vous prie de me suivre pour le mot de la fin⁷. – Обращение помощника организатора гулко отразилось от стен просторного зала, неожиданно выведя меня из тревожного оцепенения.

Гости неспешно потянулись на зов, и я, подгадав момент, шустро улизнула в противоположный проход. Я совершенно не думала о том, как выгляжу сейчас на записи камер видеонаблюдения: пытаюсь не издавать стука каблуков, я неуклюже семенила на носках. Важно было найти Винсента. Меня заботил лишь он один.

Я вышла в длинный коридор. Справа проход был закрыт знакомой бархатной лентой, но меня настораживало отсутствие какой-либо охраны. Неужели организаторы настолько верили в добропорядочность гостей, что решили не тратить на лишних людей?

Пожав плечами, повернула голову налево.

Эта сторона была открыта, но назвать ее освещенной язык не поворачивался. Одна-единственная лампа тускло горела в самом конце, и ее фотоны света до меня почти не доходили. В полумраке угадывались очертания ступенек лестницы на мансарду со стеклянным куполом (это место еще не объявляли открытым), несколько закрытых дверей подсобных помещений и еще один арочный проход.

Брови непроизвольно сдвинулись к переносице: ради чего эту часть коридора оставили открытой? Но вопрос тут же отпал, когда я опустила взгляд на пол.

Идентичная велюровая лента была просто сорвана вместе с металлическими креплениями и бесформенной грудой валялась возле осыпавшейся бетонной стены. И если сюда за прошедшие часы не заходили люди, значит, ленту сорвали только что. Когда Винс отлучился. Но мог ли он один повернуть такое? Просто взять и вырвать металл из бетона голыми руками? Как это вообще возможно? И главное – зачем кому-то это делать?

Покачивая головой, я отбросила лишние мысли и целенаправленно зашагала вперед.

Цоканье моих туфель гулким эхом разносилось по пустому коридору. По пути я дергала ручки дубовых дверей, надеясь застать Винса в одном из подсобных помещений, но все проходы оказались заперты.

⁷ Дамы и господа, прошу вас проследовать за мной для произнесения заключительного слова (фр.).

Конец коридора встречал меня новой развилкой: слева широкая арка вела в очередной зал с картинами, а справа наверх уходила мраморная лестница с изящными коваными перилами.

Я застыла в нерешительности, разрываясь между двумя вариантами, как вдруг тишину нарушил приглушенный звук из зала, похожий на стук каблучков. Я незамедлительно направилась туда.

На пороге я ожидала увидеть темноту, но невольно вздохнула от удивления. Зал не был во власти сумрака благодаря люминесцентным краскам. На многих полотнах они проявляли вторую, скрытую часть задуманной художником истории. То, что при обычном свете казалось очевидным, с появлением светящихся штрихов и акцентов обретало иной, глубокий смысл, заставляя зрителя замереть в раздумье.

– Cette salle est entièrement tapissée des œuvres d'un seul et même artiste⁸, – раздался где-то впереди завораживающий и мелодичный женский голос, отвлекая меня от созерцания.

Я посмотрела в сторону, из которой он донесся, и увидела статную молодую девушку. Она стояла ко мне спиной, рассматривая одну из картин. Все в ней казалось идеальным: фигура «песочные часы», густые каштановые волосы крупными кудрями спадающие до середины спины. В одной руке она держала бокал с шампанским – тем самым «брютом», который подавали на приеме, другой придерживала локоть.

Обтягивающее черное платье с открытыми плечами выгодно подчеркивало длинные изящные ноги. Вес тела она грациозно перенесла на правую ногу.

– Un jeune génie a peint tout ceci en moins d'un an de carrière⁹, – продолжила незнакомка, по-прежнему не оборачиваясь. В ее голосе слышалась гордость, словно она была хозяйкой этой галереи. – Impressionnant, n'est-ce pas?¹⁰

Я сделала несколько шагов в ее сторону, параллельно выуживая из памяти все известные мне французские слова и грамматические конструкции. Этот язык я начала учить не так давно, чуть больше полугода назад, когда и начала активно посещать эту страну. Да, я без запинки, с идеальным произношением могла выдать из себя дежурные «bonjour», «merci» и «au revoir», но в ситуациях, требующих глубокомысленного диалога, всегда пасовала, боялась ударить в грязь лицом.

– Oui, impressionnant... en effet¹¹, – наконец ответила я, поравнявшись с француженкой.

Девушка чуть приподняла уголки пухлых губ, обведенных коричневым карандашом, и повернулась ко мне.

Отвести взгляд было невозможно. Меня поразила ее шарм, та аристократичность, что сквозила в каждой черте лица. Высокие округлые скулы, гладкая фарфоровая кожа, изящный очерченный подбородок и темные глаза... Думаю именно из-за полумрака зала они и казались такими бездонными, абсолютно черными. Говорят, не одежда красит человека? Так вот, это был именно ее случай. Незнакомка выглядела в разы дороже своих золотых украшений, которые тускло поблескивали при каждом ее плавном движении.

– D'où êtes-vous?¹² – с вежливым интересом осведомилась она.

– De New York¹³.

– Я свободно говорю по-английски, – тут же перешла на другой язык девушка, и ее улыбка стала чуть шире. – Можем продолжить на нем.

⁸ Этот зал полностью увешан произведениями одного-единственного художника (фр.).

⁹ Юный гений написал все это менее чем за один год карьеры (фр.).

¹⁰ Впечатляюще, не правда ли? (фр.)

¹¹ Да, впечатляюще... в самом деле (фр.).

¹² Откуда вы? (фр.)

¹³ Из Нью-Йорка (фр.).

Думаю, по моему лицу легко можно было прочитать степень моего облегчения и одновременно замешательства. Ее английский был безупречным, с легким британским акцентом, словно она всю жизнь провела в Лондоне. Весьма редкое и приятное явление для Франции.

– Клодетт, – коротко представилась она и, вместо рукопожатия, протянула свой бокал, слегка наклонив его в мою сторону.

– Анисса, – ответила я, также обойдясь без фамилии, и чокнулась своим бокалом с ее. Легкий хрустальный звон растаял в воздухе.

Допив остатки брют, я краем глаза заметила, что на бокале Клодетт не осталось следов помады. Значит, она даже не пригубила шампанское. Странно, но мой слегка одурманенный алкоголем мозг быстро нашел оправдание: возможно, бокал служил просто элегантным аксессуаром, дополняющим образ. Однако мозг все еще был способен напомнить мне о цели моих поисков.

– Скажите, Клодетт, – я подняла ладонь над головой, примерно показывая рост Винсента, – вам случайно не попадался на глаза высокий мужчина? Белые, почти платиновые волосы, в черном костюме. Он должен был проходить здесь.

Француженка чуть заметно нахмурилась, но это не оставило на ее лбу даже малейшей морщинки.

– Не припоминаю, извини, – после долго тянувшихся секунд ответила она и вновь обернулась к светящейся картине.

– Ничего, значит, скорее всего он ушел наверх, – предположила я неизменным дружеским тоном. – Поищу там. Надеюсь, еще увидимся с вами, Клодетт.

Она кивнула. Ее взгляд был прикован к переливающимся оттенкам на полотне.

«Она же наверняка не слышала об окончании вечера», – осенило меня, когда я уже была в нескольких шагах от выхода.

– Мадемуазель Клодетт... – начала я, но остаток продолжения исчез с языка. Как и сама француженка.

Зал был пуст.

Лишь десятки картин на стенах продолжали мягко светиться в тишине, бросая блики на пустой паркет.

Глава 4. Адмет

—Р

од де Лекён всегда потакал моей сестрице, – ядовито заметила Клодетт.

Соратница сидела напротив меня на темном кожаном диване в салоне тонированного лимузина. За темными стеклами мелькали огни вечернего города, но для меня эта иллюминация давно потеряла всякую новизну. Слишком много лет я наблюдаю, как люди зажигают свои свечи, сменяя их на газовые фонари, а затем и на эти электрические лампы.

– Они славились своей осторожностью, Братство не имело даже косвенного подтверждения их связи с кланом Вильруа. Однако за последние десятилетия эта семья расслабилась. Сама мадам Жад де Лекён с недавнего времени является на публику с никакой охраной...

Голос Клодетт звучал где-то на периферии моего сознания. Я почти не вслушивался в ее рассказ про этих фамильяров. Потому что важная информация уже была известна: эти де Лекён – прямой путь к Колетт Вильруа.

Почти три десятка лет прошло с тех пор, как исчез Деметрий. *Тридцать лет.* Для человека – весомая часть жизни. Для нас же – лишь миг, короткая вспышка, досадная помеха в череде столетий. И все же впервые за долгое время эта помеха стала непривычно осязаемой.

Достаточно было дать слабину, позволить памяти прокрутить недавнее ежевечернее собрание Совета Извечных, как в теле тут же напряглась каждая мышца, оживая от древнего, первобытного ража. Я вновь ощутил ту ледяную ярость, что сковала внутренности, когда Колетт – старшая сестра сидящей напротив Клодетт – посмела оклеветать мой клан.

Эта наглая девчонка, впервые переступившая порог зала заседаний, осмелилась перед лицом старейших упырей и передо мной, вынужденной заменой главы, заявить, что слова о Деметрии как о единственном хранителе защиты от солнца и серебра – подлая ложь. Яд, выдуманный нашим кланом, чтобы веками принижать всех: от малых кланов до членов самого Совета. Она вопрошала, где же Деметрий, и я видел, как в глазах присутствующих мелькал тот же вопрос.

А точкой невозврата стало то, что сотворила эта бестия. Убийство оборотня-лиса. В тот момент сверхъестественной части мира стало ясно: раз Деметрий молчал и не обрушил кару, значит, он пал, а все им обещанное – вымысел. Миф о «карающем за лис спасителе от недугов» рассыпался в прах. Главы кланов, которые со стиснутыми до скрежета клыками услуживали Деметрию, по примеру Колетт сорвались с цепи. Если раньше нам, вампирам, не было дела до ликанов, кроме одного железного правила: лис трогать запрещено, – то теперь упыри, алчущие крови и мести за «века гнета», целенаправленно травили лисий подвид. И все это кровавое действо, вся эта вакханалия – по вине Колетт.

Нет. Я тут же одернул сам себя. Это слишком просто – винить одну Колетт. Вампириша – лишь закономерное следствие.

Истинный виновник – тот, кто убрал Деметрия, кто выдернул стержень, на котором держался порядок. Именно он положил начало всему этому. Но мы не имели ни единой зацепки. Лишь одно оставалось нерушимой истиной: раз солнце и серебро все так же не трогают нашу плоть, значит, глава не пал окончательно. Деметрий не уничтожен, как считает большинство. Он где-то есть. Но какой детали не хватает в этом проклятом пазле? Что случилось тридцать лет назад, когда Деметрий самолично отправился уничтожать двух предателей рода – Тристана Барлоу и Доминика Хансена?

Я зажал переносицу пальцами и откинул голову на подголовник. Бесконечный поток домыслов выматывал похлеще войн, участником которых я был при человеческой жизни и после смерти. Но позволить себе расслабиться сейчас значило проиграть. Я заставил себя собраться, отбросить эмоции и проговорить вслух наш короткий план:

– Найдем эту Жад де Лекён и допросим ее о местонахождении твоей сестры. Затем немедленно отправимся за ней.

Я уловил движение рядом. Лениво приоткрыв веки, увидел, как Клодетт грациозно поднялась и пересела ко мне, плавно закинув ногу на ногу. Аромат ее духов сильнее ударил в нос.

– Либо Колетт в сговоре с кем-то из Совета, либо заручилась поддержкой не менее сильного упыря, решившего скрываться от Извечных. Других вариантов я не вижу. Не новообращенный же мальчишка сверг Дема. – Я позволил себе кривую усмешку, складывая руки на груди и встречаясь взглядом с Клодетт. – Потенциал у Хансена был немал, я не спорю. Молодой, дерзкий, сильный. И все же разница в возрасте, в опыте, в той самой тысячелетней мудрости, которую не купишь и не выучишь по книгам, играет ключевую роль. Барлоу, Хансен... даже вдвоем они не равня Деметрию. – Я сделал паузу, позволив себе редкую роскошь – почти человеческую эмоцию. – Знаешь, мне даже отчасти жаль, что Дем казнил парня. Из него мог бы выйти толк, служи он нам, а не собственным амбициям. Впрочем, как и из Тристана.

Клодетт с презрением скривила губы.

– Предателям господина Деметрия одна дорога, – отчеканила она.

– Как угодно, – отрезал я, не желая распалать эту тему.

У меня не было ни малейшего желания обсуждать моральную сторону вопроса с этой женщиной. В моем возрасте начинаешь понимать, что слова «предательство» и «верность» – лишь монеты, которыми платят по счетам, и ценность их зависит только от того, кто держит кошелек. Сейчас мне нужна была не философия, а результат.

– Но если... – возобновила диалог Клодетт, когда мы уже подъезжали к галерее. – Если ни одна из теорий не подтвердится... что тогда? Мы расспросили всех друзей господина. Даже тех, кто присутствовал на последнем мероприятии, которое он посетил незадолго до исчезновения.

Я медленно расстегнул верхнюю пуговицу бордовой рубашки. Жест сам по себе бессмысленный – из-за своей вампирской природы я не ощущаю температуры, да и телесных неудобств не испытываю. Но иногда позволяю себе подобные ритуалы, чтобы выиграть мгновение. Чтобы собраться с мыслями, пока пальцы заняты этой возней с тканью.

– Всех, кроме одной персоны, – отметил я.

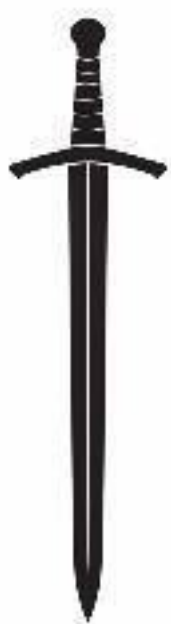
– Ты о той лисице? – вскинула бровь Клодетт, а затем надменно рассмеялась, элегантно прикрывая рот кончиками пальцев. Золото колец тускло блеснуло в полумраке салона. – Осмелюсь заметить: оборотни не настолько глупы, чтобы объявлять войну старым вампирам. Их предел – это новообращенные и гули. На более крупную рыбу им коготков не хватит.

Водитель остановил машину. Я лениво повернул голову, скользнув взглядом по очередному зданию. Безликая архитектура, безликий фасад, безликая толпа у входа. Сколько их было за эти столетия? Тысячи? Десятки тысяч? Все они сливаются в один бесконечный ряд каменных коробок, внутри которых люди тешат себя иллюзией, будто их искусство или их жизни что-то значат.

– Ничего нельзя исключать, – твердо произнес я. Вновь повернувшись к Клодетт, я дал ей время осознать сказанное. – Та лисица, Бьёр, может оказаться последней ниточкой. И я очень надеюсь, что твоя сестра или кто-либо другой не добрались до нее раньше нас.

Я выдержал паузу, давая весу моих слов осесть в тишине салона.

– Быть может, она расскажет что-то занятное, – добавил я, берясь за ручку двери. – Идем. На сегодня наша цель – мадам де Лекён.

Первые несколько часов были потрачены впустую. В списке приглашенных Жад значилась, но прибыла с непозволительным опозданием. Да еще и в нетрезвом виде.

Внушение на подвыпивших работает хуже. Их затуманенное сознание, полное этанола и праздничной эйфории, становится скользким, как мокрая галька – зацепиться за него трудно.

К тому же, за всю свою бессмертную жизнь я прибегал к этому грязному трюку от силы несколько раз. Он был дарован мне после восстания из мертвых, и пользоваться им я не любил. А значит, работа предстояла пыльная.

Но выбора не было. Если кто и может промыть мозги тому, кого подчинил один упырь, то это другой упырь – постарше и посильнее. И из нас двоих для этой роли подходил только я.

– Проклятье, – выплюнул я, резко отводя взгляд от женщины в платье, от пестроты которого буквально жгло в глазах.

Я уставился на одну из не менее ярких картин, висящих передо мной.

Клодетт, чья рука покоилась на моем сгибе локтя, лениво вращала бокал с шампанским, наблюдая за игрой пузырьков.

– Всесокрушающий Адмет боится женщин подшофе? – не поднимая глаз, саркастично проронила она.

Я приставил указательный палец к ее подбородку и резким движением приподнял ее голову. Наши взгляды встретились. Мой – тяжелый и раздраженный. Ее – с показным равнодушием, под которым, впрочем, таилась схожая усталость. Мы едва терпели друг друга. Слишком много взаимных претензий, слишком много крови пролито за эти годы, чтобы между нами осталось место для простого уважения. Еще пару столетий назад я без колебаний называл ее вторым по значимости человеком для себя в клане. Теперь же мы – вынужденные союзники, скрепленные лишь очевидной причиной и невысказанными обязательствами перед прошлым. Времена, как ни иронично, меняются. Вместе с ними меняется и цена преданности.

– Сейчас не время для твоих шуточек, – процедил я сквозь зубы.

Клодетт фыркнула, дернула головой, высвобождаясь из моего захвата, и сделала полшага назад, убирая ладонь с моего локтя.

– Забыла, что мужчины вроде тебя ждут от женщин одной лишь беспрекословной покорности. – Она скользнула по мне взглядом, холодным и острым, как лезвие стилета. – Вот почему я в свое время с превеликой радостью выбрала третий путь¹⁴.

Клодетт помолчала, и в уголках ее губ мелькнула горькая складка.

– Mais putain de destin¹⁵.

Она развернулась и быстрым шагом, цокая высокими каблуками по паркету, прошла сквозь толпу гостей. Я смотрел, как ее минималистичное иссиня-черное платье мелькает среди пестрых, многослойных нарядов, пока она не скрылась в боковом проходе, ведущем, насколько я знал, в еще не открытые для публики помещения.

Глупая, импульсивная выходка. Но, сама того не желая, Клодетт дала мне подсказку. Именно там, в тишине и полумраке коридоров, будет удобнее всего попытаться подчинить отравленный алкоголем разум мадам де Лекён. Подальше от любопытных глаз. Я усмехнулся про себя: забавно, как случайная вспышка женской обиды порой оказывается полезнее хитроумных планов.

Не желая и дальше тратить время впустую, направился напрямик к одной из групп. Фамильяр болтала в окружении трех женщин, чьи платья были словно созданы одним кутюрье – та же безвкусная роскошь, та же кричащая вычурность. Они заливали пространство смехом, похожим на предсмертное карканье ворон, и нелепо размахивали руками, рискуя каждую секунду расплескать содержимое своих бокалов на паркет и соседей.

¹⁴ Третий путь (от фр. tiers état) – состояние женщины, которая осознанно выбирала безбрачие, но при этом не уходила в монастырь, оставаясь жить в миру. Обладая безупречной репутацией и наличием церковного одобрения, такая женщина посвящала себя благотворительности, молитве и добрым делам, фактически ведя светскую религиозную жизнь, оставаясь при этом в своих владениях.

¹⁵ Но судьба та еще сука (фр.).

– Je suis désolé de vous interrompre, mesdames...¹⁶ – только и успел произнести я, как одна из женщин, бесперемонно поддев де Лекён плечом, выдала:

– C'est ton neveu, Jade? Il te ressemble tellement!¹⁷

Мадам де Лекён сощурилась и пробежала по мне взглядом.

– Je crains que vous vous soyez trompées¹⁸, – с вежливой улыбкой ответил я.

Казалось, я выучил наизусть, при каких обстоятельствах нужно задействовать ту или иную мышцу лица. Утомительно. Я уже не помню тех мгновений, когда яркие эмоции были для меня не фальшью, не вынужденной игрой, а частью меня самого настоящего. А было ли это вообще?

– Ce n'est pas grave, nous nous contenterons d'admirer votre charmante personne aujourd'hui¹⁹, – с легкой игривостью произнесла другая и глупо хихикнула. Гости рядом с ней тоже сочли эту плоскую шутку верхом остроумия.

Не подавая вида, до какой степени мне хотелось закатить глаза, я оставил уголки губ приподнятыми. Это выражение легкой, ни к чему не обязывающей благожелательности я оттачивал десятилетиями. Взглянув на фамильяра, я обратился к ней:

– Vous êtes Madame de Lekeun, je présume?²⁰

– Oui, c'est moi²¹, – с гордостью отчеканила она и поправила тугой пучок на затылке.

Я протянул ей руку, согнутую в приглашающем жесте.

– Pourrions-nous nous parler en tête-à-tête?²²

Ее подруги вновь захихикали и принялись перешептываться, бросая на меня масляные взгляды. Я почти не вслушивался в их шепот, ожидая ответа Жад.

– Tu diras au beau gosse que je ne demanderais pas mieux que de faire un brin de causette avec lui, s'il est partant²³, – шепнула одна из женщин ей на ухо. Это не могло пройти мимо моего слуха. Слова были настолько же предсказуемы, насколько и скучны.

Жад подавила смешок, допила остатки брюты и протянула пустой бокал одной из подруг. Затем приняла мою руку.

Мы направились в сторону, куда недавно ушла Клодетт. Мадам де Лекён без умолку болтала о какой-то ерунде – о фасонах, о приглашениях, о чьих-то изменах – и почти не смотрела под ноги. Из-за этого мне приходилось буквально волочь ее к проходу, бережно, но настойчиво поддерживая под локоть, и при этом продолжать делать вид, что ее пустая болтовня меня хоть сколько-нибудь интересует. Я кивал в нужных местах, изображал вежливое любопытство, но думал совсем о другом. О тишине, которая ждет нас за тем проходом. О том, как проникнуть в ее захмелевший разум.

Но кое-что отвлекло меня от мадам, заставив мгновенно сконцентрироваться. Среди гула голосов, звона бокалов и приторных запахов парфюма возник он – резкий, дикий запах зверя, перебивающий французские духи. Ноты шиповника и снега. Я не позволил себе оплошности. Ни один мускул на лице не дрогнул, я не повернул головы, но краем глаза уже видел того, кто сейчас внимательно следил за мной. *Оборотень*. Этот вечер, вопреки моим ожиданиям, набирал обороты и обещал продолжиться весьма интересно.

¹⁶ Извините, что прерываю вас, дамы... (фр.)

¹⁷ Это твой племянник, Жад? Уж больно похож! (фр.)

¹⁸ Боюсь, вы ошиблись (фр.).

¹⁹ Ничего страшного, мы ограничимся тем, что будем любоваться вашей очаровательной персоной сегодня (фр.).

²⁰ Полагаю, вы мадам де Лекён? (фр.)

²¹ Она самая (фр.).

²² Могли бы мы поговорить с глазу на глаз? (фр.)

²³ Передашь красавчику, что я с удовольствием поболтала бы с ним, если он не против (фр.).

Глава 5. Адмет
К

оридор, окутанный полумраком, с переменным успехом был преодолен. Стены этого узкого помещения, казалось, впитали в себя букет запахов – шерсть, снег и терпкий шиповник – едва мы с мадам де Лекён приблизились к лестнице. Беловолосый оборотень, следовавший за нами, оказался смел, но, увы, столь же малоумен, сколь и самонадеян.

– *Lâche-la*²⁴, – приказал он мне бесстрастно.

Я медленно обернулся. Мои движения были плавными, даже ленивыми. Бровь слегка приподнята, на губах – спокойная, почти дружелюбная улыбка. Мадам Жад, напротив, повернулась к мужчине резко, издав икающий звук, и еще крепче вцепилась в мою руку.

– *Ne t'avise pas de leur commander, garçon*²⁵, – отрезала де Лекён тоном, не терпящим возражений. Она подняла голову, ища моего взгляда на себе, но я не отводил его от нахмуренного оборотня. Кажется, он лис. – *Allons, mon cher*²⁶, – уже мягче, почти ласково, попросила меня мадам.

«Пойдем... Разумеется, мы пойдем. Но прежде я позволю себе маленькое увеселение – напомним этому хвостатому недоумку, что времена изменились. Большая часть вампиров ведет открытую охоту на таких, как он, не утруждая себя древними догмами. Наш же клан – один из последних немногих, кто еще следует приказу Деметрия, не трогая лисий подвид. Однако шанс для этого оборотня встретить вампира подобного мне, а не подобного той же Колетт, ничтожно мал. И раз он до сих пор не познал этого, то охотно стану тем, кто поведает ему».

Лис медленно двинулся к нам, сжимая кулаки, но резко остановился. Как только я слегка склонился к уху Жад, позволив своему притворному дыханию коснуться ее кожи холодом, он замер.

– *Veillez m'attendre dans cette pièce, madame*²⁷, – я качнул подбородком в сторону двери подсобного помещения за ее спиной. – *Les conversations d'hommes, en général, ne sont pas pour les oreilles féminines*²⁸.

Жад на мгновение замерла, переводя взгляд с двери на меня. В ее глазах мелькнуло понимание, смешанное с иронией.

– *Ah, vous parlez comme mon arrière-grand-père, bien que vous ayez l'air d'un si jeune homme fraîchement débarqué...*²⁹ – шутливо произнесла она. – *Eh bien, d'accord – mais souvenez-vous qu'il n'est pas convenable de faire attendre une dame longtemps*³⁰.

Как только щеколда за мадам ле Лекён щелкнула, я позволил себе то, на что был способен. Мгновение – и я уже далеко отсюда. Не из страха перед оборотнем. Это абсурд. Просто мадам не следовало слышать того, что произойдет дальше. Да и этому лису ни к чему было застать Клодетт. Наши с ней отношения нельзя было назвать теплыми, но я знал ее историю, печально переплетенную с оборотнями, и не желал тревожить девушку лишними тенями прошлого. Ее парфюм – тонкий аромат, доносившийся из галереи, где светились люминесцентные краски, – лишь подтвердил правильность моего решения подняться выше.

Путь на мансарду занял не больше пяти секунд. Вампирская природа открывает перед нами почти безграничные физические горизонты. И все долгие годы своего существования я посвятил тому, чтобы оттачивать тело, познавать его новые, доселе неведомые грани. Мне нравилось это чувство – стальная крепость мышц, эта пьянящая скорость, когда рывки сменяют друг друга с бешеной быстротой, наполненные силой, дарованной кровью живых. Это единственная константа в мире, где все остальное обращается в прах.

²⁴ Отпусти ее (фр.).

²⁵ Не смей им командовать, мальчик (фр.).

²⁶ Пойдем, мой дорогой (фр.).

²⁷ Подождите меня в той комнате, мадам (фр.).

²⁸ Мужские разговоры, как правило, не для женских ушей (фр.).

²⁹ Ах, вы говорите как мой прадед, хотя на вид такой прилетный юноша... (фр.)

³⁰ Ну хорошо – только помните, что заставлять даму долго ждать не комильфо (фр.).

Я поднял голову. Многосекторный купол мансарды открывал вид на глубокое, чернильно-синее небо. Вечность, усыпанная звездами. Но созерцать ее пришлось недолго.

Лис обрушился на меня с быстротой, которую я никак не ожидал встретить у оборотня.

Вот это уже было интересно. Я знал, конечно, что ликаны, связанные с альфой, получают особые дары. Но чтобы *такую* скорость? Не уступающую моей?

Нет... Она была *аналогичной*.

Что-то новенькое. За долгие годы меня уже трудно чем-то удивить, но подобное стечение обстоятельств почти забавляло. Уголок моих губ непроизвольно дрогнул в полуулыбке – скорее рефлекс, нежели эмоция.

– Предположу, что ты не здешний. Я тоже долгое время боролся с акцентом, – ровно обратился я к нему, без особого труда уворачиваясь от ударов, предназначавшихся моему лицу.

Мы оба двигались сверхбыстро. Если бы здесь были свидетели, то для них мы были бы двумя размытыми тенями, случайным порывом ветра в пустом помещении, сквозняком, что колышет шторы. Я уходил от его атак легко, подгадывая момент, когда лис выдохнется. Мнелюбо дыхание толку не давало: легкие давно служили лишь для речи и изредка для наслаждения тонкими ароматами, что люди не способны различить.

– Чего ты пытаешься добиться? – продолжил я спокойным, даже участливым голосом, не сбавляя темпа. – Что выиграешь песчинку времени, мадам наскучит меня ждать, и она просто вернется к остальным?

Я видел по глазам, полным концентрации, что ликан рассчитывал именно на такой исход. Но замешательства не выдавал – продолжал вспарывать воздух, тщетно пытаясь задеть меня. Он резво сменял удары кулаками на взмахи скрюченных когтей в зависимости от представленного шанса. Опытный боец, без сомнения. Жаль только, что его опыт – против людей, против себе подобных, против неопытных вампиров, но не против таких, как я.

Наше подобие поединка только разгоралось, как слой хвороста в костре, но находиться в одной оборонительной позиции быстро наскучило мне. Поигрались – и хватит. Как бы оборотень ни пытался, я улавливал медленно истекающие из него силы, видел, как чаще и глубже стала подниматься его грудная клетка, жадно хватая кислород. Его сердце колотилось где-то в горле, разнося по телу адреналин и усталость. Мое же – молчало, храня ледяное спокойствие.

Очередной кулак летел к моей скуле. Теперь, обладая безоговорочным преимуществом в скорости, я увернулся, лишь чуть отклонив корпус назад ровно настолько, чтобы костяшки его пальцев скользнули в миллиметре от моей кожи. Лис не успел сменить руку – мой ответный удар пришелся ему под дых. Силу я сдерживал настолько, насколько вообще мог сдерживать свою природу – даже ребра не сломал, только легкий треск сопровождал выпад. Но и этой частицы моей практически безграничной мощи хватило, чтобы оборотень отлетел к стене. Глухой стук лопаток о стену – и он сполз на пол. В сознании лис пытался опереться на ладони, но тело пока не слушалось.

«Думаю, с него достаточно».

Непринужденно поправив небрежные складки рубашки, спрятал руки в карманы брюк и отвернулся, направляясь к лестнице обычным шагом.

– Оставь этот вечер... людям, мертвец, – раздался за спиной прерывистый голос лиса.

Я неторопливо повернулся, демонстративно вскинув брови. Остальная часть лица оставалась нетронутой эмоциями. Ликан стоял ровно, не сутулился, преодолевая боль. О травме свидетельствовало лишь легкое подергивание нижнего века, когда он прислонил ладонь к центру грудины. Силен. Через пару минут он сможет увереннее двигаться, через час – забыть об этом ударе. Оборотни весьма живучие создания.

– Неужели за столько лет... сколько ты паразитируешь в этом мире... не пытался хотя бы день не искушаться своей гнилой природе? – Он шагнул вперед, и я не сдержал усмешки.

Я подошел к нему, чеканя каждый шаг, и остановился на расстоянии вытянутой руки. Лис никак не отреагировал – только смотрел с отвращением мне в лицо. Таких взглядов я видел более чем достаточно, но сколько точно – понятия не имел. Сбил с счета.

– Почему же? Пытался, еще как, – выдал ему то, что он желал услышать. Из уст вампира даже наичистейшая правда покажется оборотню сущим бредом. Так есть ли смысл распалиться перед ним, кичиться своей выдержкой к виду крови? Сомневаюсь. – Но знаешь, ничто так не перебивает «гниль» моей природы, как сладкая женская кровь. – Я демонстративно облизнул клыки, проведя языком по острию.

Это вывело лиса из себя. Ожидаемо.

Молниеносным движением я остановил попытку оборотня выказать всю степень омерзения. Мой удар пришелся по его челюсти – на этот раз чуть сильнее. Не смертельно, разумеется, но достаточно, чтобы отключить сознание. Он рухнул на пол, из разбитой губы потекла тонкая дорожка крови.

Не успел я отойти от бессознательного тела, как ощутил аромат Клодетт, бесшумно проникнувшей на мансарду.

– Я была уверена, что он последует за мной, а не за тобой... – пробормотала она, разглядывая беловолосого мужчину.

Я пожал плечами и направился к лестнице. Мадам де Лекён, верно, уже заждалась. Но только моя нога коснулась первой ступени, голос Клодетт остановил меня:

– Лисенок здесь не один.

Я сделал полуоборот, ловя взгляд ее темных глаз.

– Да пусть с целой стаей, – с вызовом бросил я. – Не проблема.

Клодетт отрицательно покачала головой.

– С девушкой. И она собиралась сюда.

Бороться с лисом было проще, чем с замешательством. Не из-за самого факта – я прекрасно слышал шаги, направляющиеся к спиральной лестнице, мягкие, торопливые, человеческие. Дело было в другом. В том, как Клодетт это сказала.

– Она оборотень?

– Нет... – нахмурилась Клодетт так, будто сама не понимала, почему это важно.

– Сирена? Банши³¹? Дриада³²? – продолжал перечислять я, не давая соратнице и слова вставить. – Может, фея?

– Я не понимаю...

– А я не понимаю, в чем тогда проблема, – тут же ответил я и двинулся вниз, перешагивая через ступеньку-две.

На середине спуска я и столкнулся с той, о ком упоминала Клодетт.

Сама же вампирша хмыкнула где-то позади меня и прошла мимо, приостановившись лишь на миг, чтобы одарить легкой улыбкой эту юную блондинку в изумрудном платье с туго перетянутым корсетом, и тут же направилась дальше вниз.

Девушка на секунду остоленела, пробежавшись по мне слегка изумленным взглядом, но быстро собралась и приподняла уголки губ в вежливой дуге.

– Bonsoir³³, – пропела она, а затем продолжила с уловимым акцентом: – Dites-moi, vous n'avez pas vu un homme en haut?³⁴

³¹ Банши – дух-предвестник смерти в ирландской мифологии.

³² Дриада – нимфа, обитающая в дереве и связанная с ним жизнью.

³³ Добрый вечер (фр.).

³⁴ Скажите, вы не видели наверху одного мужчину? (фр.)

Я сделал вид, будто задумался. Блондинка от этого занервничала: прикусила нижнюю губу и мелькнула взглядом на верхние ступеньки. Оборотня позади нас не было – он еще не пришел в себя. Пульс и дыхание улавливались с того же места, где я его оставил.

– Je vais quand même vérifier³⁵, – решила она, не дождавшись от меня ответа, и стремительно зашагала вверх по ступеням.

– Подождите...

Мой голос прозвучал резче, чем я намеревался. Я схватил ее за предплечье, вынуждая остановиться и обернуться. От моего жеста она сначала вскинула брови, затем слегка насупилась. Я тут же одернул руку. Прекрасно понимал: касание вышло неприятно-холодным. Да и подобная грубость попросту уничтожает доверие до начала разговора.

– Неужели я настолько ужасно говорю по-французски, что почти каждый, кого встречаю, сразу же переходит на английский? – иронично спросила девушка.

Я усмехнулся. Впервые за этот вечер – по собственной воле, а не из необходимости поддерживать маску. На лице блондинки спустя мгновение отразилась насмешливая и, не буду врать, чарующая улыбка. За всю свою долгую жизнь я встречал подобную лишь у одной... Но это воспоминание пришлось отсечь, едва оно начало обретать форму. Я давно дал себе слово: больше не позволять теням давно минувших эпох отвлекать меня от дел и нарушать сосредоточенность. Слабость, допущенная из-за сантиментов, здесь оплачивается кровью. Чаше всего – собственной.

– Что вы, еще немного практики – и вас будет не отличить от парижанки.

Я медленно приближался, не разрывая зрительного контакта – важная деталь для того, чтобы внушение сработало. Взгляд должен поглотить ее сознание целиком, не оставляя лазеек для рефлексов. Ее карие глаза, в полумраке казавшиеся шоколадными, расширились, зрачок дрогнул, подстраиваясь под ритм моего внушения. Момент настал.

– *Спуститесь лучше вниз. Будьте уверены, ваш сопровождающий скоро вернется.*

Пусть я в последний раз вынужденно прибегнул к этому навыку чуть менее полутора веков назад, но знал: после приказа вампира разум человека мигом должен был подчиниться, если только он не огражден кровью охотников. Однако эта девушка даже не посмотрела вниз. Ее взгляд остался осмысленным, а дыхание – ровным. Раз она в компании оборотня, ее связь с Братством Охотников исключена. Значит, дело в другом. Алкоголь? Нет. Слишком трезвый взгляд. Ее случай существенно отличался от мадам де Лекён.

И пока я в смятении перебирал варианты, блондинка повернула голову направо и посмотрела на верхние ступеньки. Мне и смотреть не стоило: запах лиса стал в разы ближе.

– О, Винсент! – воскликнула девушка. – Наконец-то тебя нашла!

Она приподняла подол и зашагала вверх навстречу. Лис не сводил с меня раздраженного взгляда. Дуэль взглядов не продлилась и минуты, потому что мне быстро наскучило это состязание. Что меня действительно заинтересовало – его спутница. Но с ней придется повременить.

И вот уже готовый направиться вслед за Клодетт к мадам, услышал звук. Сначала – предательский скольз каблука по камню. Затем – сорванный вздох и звон разбивающегося бокала. Я развернулся и преодолел разделявшие нас ступени быстрее, чем человеческий глаз успел бы зафиксировать движение. Время замедлилось до тягучего сиропа: я видел, как разлетаются осколки хрусталя, как девушка подается назад, инстинктивно вскидывая руки.

Я подхватил ее за мгновение до того, как спина ударилась о ступени.

На долю секунды ее тело напряглось в ожидании боли, но вместо острого края ступеней она ощутила лишь то, как припала спиной к моей груди, а мои руки сомкнулись вокруг ее талии, окутанной атласом, уверенным кольцом. Я чувствовал биение ее сердца – частое, испуганное, – и жар живой крови, которая так близко пульсировала под тонкой кожей.

³⁵ В любом случае, я проверю (фр.).

– Merci...³⁶ – пробормотала она.

Я вернул ей равновесие. Когда она ощутила под ногами твердость, то развернулась ко мне. В ее взгляде читалось еще много невысказанных слов – удивление, благодарность, страх, смешанный с любопытством. Но к нам уже подскочил этот Винсент. Он поравнялся с ней и бросил, обращаясь ко мне:

– Не загораживай проход.

Молча отступив к краю, пропустил этих двоих. Девушка шепотом спрашивала, что произошло, почему ее, как оказалось, телохранитель такой нервный, знает ли он меня, но тот не отвечал, а уводил ее все дальше от лестницы, уверенно приобнимая одной рукой за плечо.

За мгновение перед тем, как скрыться, блондинка обернула голову и на секунду посмотрела на меня. Ее лицо не выражало страха. Напротив – интерес.

Не сомневайся, ma chérie³⁷. Ты заинтересовала меня ничуть не меньше.

³⁶ Благодарю... (фр.)

³⁷ Моя дорогая (фр.).

Глава 6. Анисса

–Ч

то случилось с твоим лицом?! – воскликнула я, как только мы вышли из-под арки и тьма рассеялась под холодным искусственным светом галерейного зала. Именно он безжалостно высветил разбитую губу моего телохранителя и зарождающийся синяк, который уже успел расплзтись едва ли не на пол-лица.

Винсент молчал. Он шел вперед, глядя прямо перед собой, и его упрямство только подливало масла в огонь моего негодования. Я не собиралась сдаваться.

– Ты... подрался с тем мужчиной? – Неверие сквозило в каждом произнесенном слове. – Серьезно? В таком-то месте? И это *ты* постоянно намекаешь мне про мой «глупый подростковый возраст»? А сам позволил какому-то качку хорошенько пройтись по твоей физиономии?

Я бы, наверное, продолжала причитать, но от запредельного негодования и собственного же потока вопросов в легких закончился воздух. Пришлось остановить свой праведный гнев и перевести дыхание, пока мы шли к выходу.

– Не беспокойся, на мне все заживает как на собаке, – наконец заявил Винс, когда мы вышли на холодный ветер парижской ночи. Однако его тон... Он показался мне каким-то отстраненным, будто мысли витали где-то далеко, за горизонтом. – Я предупреждал, что вынужден отойти, и настоятельно просил оставаться на месте...

– Хотел, чтобы тебе и вторую щеку украсили для симметрии? – саркастично бросила я, перебив его.

Винсент невозмутимо продолжил после секундной паузы, словно и не слышал моих слов:

– ...А теперь... – Он устало вздохнул. В его голосе промелькнуло едва различимое, но такое живое переживание, которое он пытался скрыть за маской абсолютного безразличия. – Я полностью признаю свою вину, Анисса. Ты права во всем... кроме решения пойти искать меня.

Всю дорогу до отеля мы провели в звенящей тишине. Свежий воздух, поступающий через приоткрытую форточку, наконец-то отрезвил меня. Я лихорадочно перебирала версии, ища логичное объяснение поступкам Винса. На ум упрямо лезли кадры из фильмов, где главный герой застает тот самый момент, когда злодей подсыпает яд кому-то в бокал. Но это явно был не наш случай: простой дракой подобные разборки не заканчиваются. Может, они знакомы? Что-то не поделили много лет назад и решили выяснить отношения по-мужски? Но какая причина могла заставить двух взрослых мужчин вести себя как мальчишки, воспитанные улицей?

К концу поездки я махнула на этот вопрос рукой. Винсент не даст ответа, сколько бы я ни просила. Да и есть ли в этом смысл, когда все уже позади? Синяк пройдет, губа заживет, а незнакомец из галереи так и останется безликим «незнакомцем из галереи». Так я думала ровно до того момента, пока через полчаса после возвращения в номер в мою дверь не постучали.

– Знаешь, этот чудесный пластырь гармонично сочетается с твоими волосами, – сказала я Винсу, впуская его, и пальцем коснулась своей щеки, намекая на ту сторону его лица, где теперь, вместо роскошного синяка, красовался квадратный кусок лейкопластыря. – Seriously, очень идет.

– Благодарю за комплимент, – ответил он с неизменным невозмутимым видом. – Специально искал в аптеке оттенок точь-в-точь под стать им.

Усмехнувшись, я отошла к зеркалу и продолжила заниматься тем, чем занималась до его прихода: расчесывала почти высохшие волосы после душа. Вода смыла всю усталость, но не вопросы.

В отражении я заметила, как по лицу Винса прошлись желваки, хотя в остальном его выражение не изменилось. Тянуть время телохранитель не стал.

– Как закончишь – собирай вещи. Мы немедленно уезжаем.

Я чуть не выронила расческу. Медленно обернулась, взглядываясь в его лицо, не понимая, не пошутил ли он в ответ.

– А как же моя запланированная программа? – вскинула бровь я. – Мисс Валль сегодня днем сказала, что поручит мне еще одно...

– Все отменяется, Анисса. – Его тон не терпел возражений. – Я говорил с Эмер сразу после возвращения. Собирайся, а я пока найду машину.

Винсент развернулся и ускоренно направился к выходу.

– Но куда мы едем?

Мой вопрос не остановил его. Винсент, уже закрывая за собой дверь, лишь бросил через плечо:

– В Страсбург.

Сон откатывался от меня мягкими, ленивыми волнами, нехотя отпуская из своего плена. Первое, что я осознала, – прикосновение к левому плечу и легкое, настойчивое потрясывание. Затем, будто сквозь толщу сонной воды, донесся шепот. Спросонья я почти не вслушивалась, но сразу поняла: это Винсент.

– ...лучше внутри.

Наконец, приоткрыв тяжелые веки, я устала в лобовое стекло. За ним мелькала неровная полоса дубового леса, а в просветах между черными стволами проявлялся первый предвестник рассвета: полуночно-синее небо разбавлялось будто бы бензиновыми разводами – малиновым, лиловым, охристым.

Путь до Страсбурга – столицы Гранд-Эста на северо-востоке Франции – занял около пяти часов, если верить крохотной зеленой панельке с временем посередине торпедо.

– М?.. Что ты говорил?.. – вяло спросила я.

Винсент потер ладонями лицо и повернулся ко мне, параллельно отстегивая свой ремень безопасности. Взгляд у него был замученный. Мне, как пассажиру, представилась отличная возможность отдохнуть после вчерашнего активного дня. Что не скажешь про Винса...

– Что мы приехали. – Он кивнул подбородком вперед, намекая посмотреть направо. Но я не спешила, еще не до конца проснувшись. – И отоспаться лучше внутри.

Винсент нажал на кнопку «Start Stop Engine»³⁸ справа от руля. Двигатель заглох с тихим, усталым вздохом, а сам он вышел из автомобиля.

Пока телохранитель без промедлений забирал мой чемодан и свою небольшую дорожную сумку (его практичности нужно поучиться) из багажника, я с любопытством осматривала трехэтажный дом, к которому мы подъехали.

Перед своей самой первой поездкой во Францию я трепетно изучала о ней буквально все. Особое внимание привлекла архитектура, в том числе стиль этого дома, который заметно отличался от увиденного в Париже. Старинные готические формы, переплетенные орнаменты на фасаде, похожие на застывшее кружево. Он и оконные проемы отделаны панелями, имитирующими грубый, необработанный камень. На крыше просматривались чердачные окна с коваными украшениями и башенками конической формы.

³⁸ Кнопка запуска и выключения двигателя.

Появившаяся перед лицом рельефная фигура Винса прервала меня от исследования. Он открыл дверь, впуская в салон прохладный утренний ветерок с запахом влажной листвы и земли, и протянул руку.

– Нормандский стиль, – произнесла я, принимая его теплую ладонь и выбираясь наружу. – Самое оно для *потомков викингов*. Сурово и красиво.

Мужчина молча нажал на ручке двери кнопку блокировки и машинально потянулся за моим чемоданом. Но тут я взбунтовалась. Больше не желая мириться с его странным молчанием и делать вид, что произошедшее просто стерлось вместе с прошлым днем, я первая схватилась за ручку чемодана и впиалась взглядом в его лицо.

– Что на самом деле произошло в галерее? – твердо спросила я.

На мгновение я отвлеклась от его потухших васильковых глаз и скользнула взглядом по пластырю на скуле. А потом посмотрела чуть ниже. Сердце пропустило удар. Его губа, которая еще вчера была разбита в кровь, выглядела абсолютно целой. Идеальной. Не было ни припухлости, ни следа от ранки. О такой скорости заживления позавидовала бы даже упомянутая Винсентом собака.

Голова неприятно загудела, и я прикрыла веки. Может, это волшебное исцеление мне банально почудилось со сна? Еще минимум несколько часов отдыха катастрофически не хватало моему телу и разуму.

– Поговорим об этом позже.

Я вздохнула, раздосадованная этой очевидной ложью, и, пройдя мимо него, направилась ко входу в дом. Позади тут же услышала шарканье Винса, сопровождаемое мерным стуком колесиков моего чемодана по дорожке, выложенной из грубых камней разного размера.

– Этот дом принадлежал деду Маркусу, – вкрадчиво пояснил Винсент, вынимая из своей сумки связку ключей.

Я сочувственно коснулась его руки, когда он вставил нужный ключ в замочную скважину, но не спешил проворачивать. Пусть мистер Валль и его дочь Эмер не были Винсу родными по крови, он любил, уважал и ценил их. И кончина Маркуса, с момента которой вот-вот должен был пройти год, до сих пор не отпускала эту небольшую семью... Вот почему мне никогда не упоминали об этом месте. Ведь оно – молчаливое, великолепное и беспощадное напоминание о том, кого больше нет.

Винс шумно выдохнул и повернул ко мне расслабленное, наконец-то живое лицо.

– Все хорошо, Анисса.

Кивнув, отпустила его руку и отошла на шаг. Снова загудели виски, и неприятная от них рябь уходила к самому затылку. То ли от усталости, то ли от вьевавшихся вопросов: так кем же был тот рыжеволосый незнакомец? Что за угрозу он в себе нес? И точно ли из-за этого мы буквально сбежали из Парижа в место, о котором, думаю, я никогда бы не узнала?

Эти размышления заслонило новое замечание: дом, окруженный густым лесом, не казался заброшенным. А войдя внутрь, я убедилась в этом еще больше. Лампы исправно работали (Винс щелкнул выключателем сразу же, как мы переступили порог), на полу из темных массивных досок не было ни пылинки, воздух пах сухим деревом и лавандой – не затхлый, как в склепе. Впереди, в конце коридора, красовалось огромное окно с округлым верхом, впускающее серый утренний свет. Около него стояли два глубоких кресла и низкий журнальный столик. Справа угадывались очертания лестницы из мореного дуба.

Разбувшись, Винсент пошел вперед, бесшумно ступая по красному ковру с замысловатыми желтыми узорами и белоснежной бахромой по краям. Я, не мешкая, последовала за ним, разглядывая по пути все вокруг: начиная от фактуры очередного деревянного элемента и заканчивая тяжелыми кольцевыми люстрами. Каждая окружность была шире предыдущей, из-за чего они издали походили на причудливые железные рождественские ели.

Завернув к лестнице, я замерла и обернулась, изучая помещение по другую сторону журнального столика. Это оказалась гостиная. За пару секунд я успела подметить лишь часть грубого каменного камина, край лакированного стола с резными креслами да одну из массивных декоративных балок (хотя не отрицаю, что их функция была аналогична несущим стенам).

Догнав Винса и поравнявшись с ним на середине подъема, я невольно вспомнила вчерашнее падение. Алкоголь, дурацкие каблуки и спешка – поистине адское сочетание. Тело обдало холодными иглами. Что бы со мной было сейчас, не поймай меня вовремя тот незнакомец, с которым дрался мой телохранитель?..

Я мотнула головой, прогоняя наваждение. Пусть этот «качок» и спас меня от травм, чутью Винса я отдам большее предпочтение. Всегда.

– О чем задумалась?

Голос Винсента застал врасплох. Пусть головой я осознавала, что нахожусь в полной безопасности и рядом тот, кому без тени сомнений готова доверить свою жизнь, сердце все равно больно ударило о ребра. Оно тоже таило воспоминание о падении, а затем таких странно-холодных объятий того незнакомца...

– Кто ухаживает за этим местом? – задала я первый безобидный вопрос, что пришел в голову.

– Наши с Эмер общие друзья, – не мешкая, ответил он. – Здесь мы далеко не частые гости, вот и просим их присматривать за домом. Тем более они здешние, летать с континента на континент им не нужно.

На втором этаже Винс провел меня в одну из гостевых спален. Небольшую, но невероятно уютную. Стены выкрашены в успокаивающий, акварельный светло-зеленый. Слева у окна – широкая кровать с горой подушек. Справа – туалетный столик на тонких, изящных ножках с потускневшими от времени позолоченными элементами. На нем стоял хрустальный вазон с живыми, еще свежими гипсофилами.

– Располагайся и отдыхай, – только и сказал Винс, уже взявшись за дверную ручку, чтобы оставить меня одну. Но я не позволила.

– Нет. Сначала отдохнешь ты.

Винсент улыбнулся краешком губ – едва заметно, но я увидела. И не только движение. Губа была целой. Мне *не показалось*. От этого по спине побежали мурашки.

«Как такое возможно?» – этот риторический вопрос, который я уже задавала себе в галерее, прозвучал в моей голове снова.

– Вы предлагаете охранять мой сон, мисс Барлоу? – насмешливо, но тепло спросил он, чем вернул меня в реальность.

Я утвердительно кивнула, отгоняя странные мысли про «магию». Конечно, мечта самой рухнуть в постель терзала меня не меньше, но я больше не могла смотреть на это изможденное лицо. Я открыла рот для едкого, приправленного сарказмом ответа, но Винс опередил меня мягким, уставшим голосом:

– Не стоит. Скоро приедут те, о ком я говорил. Дождусь их, а после со спокойной душой позволю себе вздремнуть пару часов.

Такой расклад меня вполне устроил. Мы пожелали друг другу спокойной ночи – вернее, уже утра. Я, даже не переодевшись, рухнула в прохладную постель, утопая в запахе лаванды и старого дерева. Новая волна сна накрыла меня с головой, утягивая все глубже и глубже... На самое темное, тихое дно сновидений.

аккрытие галереи пришлось совсем некстати. От мадам я не добился ничего толкового, а нас уже настойчиво, хотя и с безупречной вежливостью, попросили удалиться.

Жад, все еще пребывая навеселе, рассыпалась в благодарностях за компанию, затем попрощалась и направилась к выходу в сопровождении скудного количества личных охранников. За неимением других вариантов мы с Клодетт сошлись на том, что следует отправиться вслед за фамильяром и продолжить попытку внушения уже в ее коттедже. Так мы и оказались менее чем через час в западном пригороде Парижа – Сен-Клу.

Вязкая ночная тьма, переплетенная в пышных кронах деревьев, надежно укрыла наши фигуры. Прежде чем заявляться на порог, который просто так не переступить вампиру, требовалось оценить обстановку.

Вот мадам выходит из автомобиля. Тот был настолько отполирован, что походил на черное зеркало. Охранники сопровождают ее к двухэтажному коттеджу с чердаком – стены сложены из камней невзрачного оттенка. Слева, окруженная объемными кустами и деревьями, отдаленно напоминающими пальмы, угадывались стеклянные стены оранжереи. Под стать экстравагантному вкусу хозяйки над окнами тянулись вставки простых геометрических форм. Бирюзовый, коралловый, совершенно не вписывающийся в палитру салатовый декор... Как выяснилось позже, эклектика досталась не только окнам, но и всему дому по периметру.

Улицу пронзил негромкий щелчок закрывшейся двери – и вновь стрекотание насекомых возобладало вокруг, словно нас и не было.

– Здесь только люди, – констатировала Клодетт очевидный для меня факт почти скучающим тоном.

Я молча двинулся ко входу. Чтобы войти в жилой дом, нужно получить позволение от того, кто там официально проживает. Из известных нам представителей рода де Лекён в этом смысле фигурировали лишь Жад и ее племянник. Вот только мальчишки сейчас здесь не было.

Я постучал по двери ровно три раза, затем немного отошел, чтобы камера под козырьком запечатлела меня целиком, и сунул руки в карманы брюк. Внутри звучали голоса, но я не особенно прислушивался – пустая трата чувств, ведь за стенами нас ждала лишь обычная человеческая суeta.

Только рядом со мной успела встать Клодетт, как дверь открыла молодая женщина в сером костюме с брюками. Русые волосы были гладко зачесаны от лица, и потому ее недоумение предстало перед нами во всей красе.

– *Vous voulez quoi?*³⁹ – с ходу ошетичилась она.

Впрочем, ее поведение казалось вполне уместным. У таких людей, как Жад де Лекён, все встречи расписаны на недели вперед, а тут посреди ночи на пороге объявляются двое незнакомцев. Та еще дерзость. Клодетт быстро шагнула вперед, встала передо мной и уперлась ладонью в дверной косяк. Она почти нависала над невысокой горничной, демонстрируя свою хищную грацию.

– *Fais venir ta maîtresse*⁴⁰, – приказала союзница. – *Et vite*⁴¹.

Горничная замерла на секунду в оторопи, затем развернулась и энергично зашагала вглубь дома. Девушка усмехнулась, глядя ей вслед:

– Забавно, что внушением мы можем добиться чего угодно, – но только не того, чтобы хозяева домов приглашали нас войти. – Она обернулась ко мне. – Если Жад не захочет впускать нас, то ее решение никак не изменить.

Я промолчал, задумавшись о другом.

³⁹ Вам чего? (фр.)

⁴⁰ Позови сюда свою хозяйку (фр.).

⁴¹ И поживее (фр.).

Та блондинка, сопровождаемая оборотнем, – бесспорно человек. Судя по их отношениям, лис работает на нее не первый день. Она волновалась за него слишком лично, слишком остро. Такую тревогу невозможно сыграть. Значит, вряд ли лис допустил бы, чтобы эта юная леди якшалась с охотниками. А если нет охотников – нет и защиты от нечисти. Но она устояла против моего внушения. Ее разум будто бы оберегал невидимый порог.

Я не ощущал азарта – эта горячая эмоция давно иссохла во мне. Но холодное, острое любопытство опытного игрока, который наконец нашел достойную партию – да, оно проснулось. И покалывало где-то под ребрами. Я просто *обязан* взять это дело в свои руки. Эта загадка, не поддающаяся правилам нашего мира, – единственное, что еще способно развлечь мертвеца моего возраста. Когда существуешь веками, новизна становится редчайшим сокровищем, а отказываться от нее – непростительная роскошь.

Клодетт явно заметила мою отвлеченность, но посчитала нужным не акцентировать на этом внимание. Лишь фыркнула и уставилась на входную дверь.

Спустя несколько минут напряженного молчания, которое разбавляли голоса в доме, дверь распахнулась снова, но на пороге стояла уже не горничная. Жад де Лекён собственной персоной – с распушенным пучком (теперь ее темные волосы волнами обрамляли скуластое лицо), без макияжа и в шелковом халате оттенка выдержанного вина. Но от образа в галерее ее отличала еще одна деталь – взгляд. Он не был веселым или расслабленным, а, напротив, стальным и отстраненным. Алкоголь отпустил эту женщину в неподходящий момент.

– *C'est vous*⁴², – только и сказала она низким, равнодушным голосом, будто давно знала, что мы явимся.

Уже радовало, что моя физиономия сохранилась в ее памяти. Я сделал шаг вперед, не забывая изображать вежливость на лице, но не успел сказать и слова, как мадам, сложив руки на груди и прикрывая тем самым вызывающий вырез, продолжила:

– *La mort, sans doute, a les yeux noirs...*⁴³ – Жад вздохнула, прикрыв ненадолго веки, оттого и не заметила, как на мгновение Клодетт вопросительно вздернула бровь и метнула на меня не менее вопрошающий взгляд. – *Je suppose que nous devons parler?*⁴⁴

– *Oui, madame*⁴⁵, – кивнул я.

Не долго думая, Жад развернулась, направляясь вглубь коттеджа неторопливым шагом, и небрежно махнула рукой:

– *Entrez et suivez-moi*⁴⁶.

Пока мы проходили анфиладу комнат, увешанных картинами и уставленных замысловатым декором, я все яснее осознавал, что фамильяр заслуживает не столько похвалы, сколько холодного уважения. Она безошибочно уловила нашу с Клодетт истинную природу, но ни единым жестом не выдала страха. Ее пульс оставался ровным – ни ускорения, ни сбоя. Более того, по пути она то и дело останавливалась, словно мы были старыми друзьями, и с пафосной любезностью указывала на очередную безделушку: то на скульптуру из меди и мрамора, привезенную, кажется, из Флоренции, то на вазу в форме настоящего сердца, работу известного керамиста. Я вежливо кивал, но уже через шаг забывал и страну, и имя творца – такая информация не стоила места в моей многовековой памяти.

Мы оказались в гостиной, почти утопленной во тьме. Ее плотная вуаль скрадывала очертания мебели, и лишь камин в дальнем углу да торшер у стены позволяли Жад ориентироваться в пространстве. От моих обостренных чувств не ускользнуло присутствие еще одного

⁴² Вы (фр.).

⁴³ У смерти, без сомнения, черные глаза... (фр.)

⁴⁴ Полагаю, мы должны поговорить? (фр.)

⁴⁵ Да, мадам (фр.).

⁴⁶ Проходите и следуйте за мной (фр.).

человека. Я повернул голову к торшеру – там, в старом кресле-качалке, укутанный шерстяным пледом, посапывал пожилой мужчина. Почти прозрачные седые волосы, дряблая кожа с глубокими морщинами и возрастными пятнами. Навскидку – лет восемьдесят, не меньше.

Этот месье приковал мое внимание куда сильнее, чем я сам ожидал. От истины не бежишь: сколько раз я представлял себя на месте таких, как он. Позади – прожитая жизнь, и каждое напоминание о ней обретает вес, подтверждает смысл. Родной дом, любящая семья, теплые воспоминания, которые согревают даже в самые холодные ночи. Ничего из этого мне не доступно. И этот старик, мирно спящий в кресле, вызывал во мне не зависть – лишь глухую, привычную горечь.

Жад обошла широкий овальный стол, отделявший нас от старика. Тот что-то пробормотал во сне. Фамильяр тепло улыбнулась ему, поправила сползший плед и поцеловала в лоб. Я продолжал наблюдать за ней, а Клодетт перевела взгляд на левую стену, где в камине оранжевый огонь с аппетитом пожирал поленья. Пока девушка не отрывала глаз от безжалостной стихии, Жад отошла от своего пожилого родственника – или давнего друга семьи – и направилась к низкому столику, уставленному гранеными бутылками с напитками всевозможных оттенков. Она налила на дно бокала бренди и отвернулась к окну, выходящему на боковую часть здания с оранжереей.

– Ne me prenez pas pour une impolie, mais je sais parfaitement que rien de ce que j'ai dans mon bar ne saurait vous convenir⁴⁷. – Де Лекён слегка повертела бокал, затем отпила небольшой глоток. – Vous n'êtes pas des vampires de la lignée des Villeroi – je les connais tous, sans exception⁴⁸. – Она обернулась, поймав мой взгляд. – Dites-moi enfin ce qui vous amène chez moi?⁴⁹

Союзица не произнесла ни слова, продолжая созерцать танцующие языки пламени. О чем она думала, оставалось лишь гадать. Я же сделал паузу, собирая воедино подмеченное за эту короткую встречу. Годы наблюдательности отточили мою способность избегать поспешных выводов, и в случае с Жад все было как на ладони.

– Simplement vous demander si vous savez où se trouve votre maîtresse, Colette Villeroi⁵⁰. – Я прищурился, заметив, как на мгновение участилось сердцебиение женщины. Весьма странная реакция: мне казалось, фамильяров обычно настраивают радушно по отношению к хозяевам – как минимум, они не должны вздрагивать при упоминании имени. У Деметрия, к примеру, с этим проблем почти не бывало. Случались, конечно, исключения, но тогда на помощь приходило внушение. Однако чаще целые семьи боготворили его – за возможности и защиту, которые он им дарил.

– Адмет, – одернула меня Клодетт, схватив за предплечье. Несмотря на ее обычно сдержанный тон, в голосе проскользнула нотка паники. Она продолжила почти шепотом, чуть ли не шипя, как дикая кошка: – Ты думаешь, фамильяр спокойно расскажет потенциальной угрозе своей госпожи такую информацию?!

Пожилой мужчина в кресле резко закашлялся – тем старческим, сухим кашлем, который рвется из глубины истощенных легких. Мы с союзицей одновременно посмотрели на него, а Жад тут же засуетилась: буквально за несколько секунд налила воды и протянула мужчине, присев рядом с ним на корточки.

– Ты еще не поняла, что Жад ненавидит ее? – спросил я, повернувшись к Клодетт.

Та нахмурилась, уставилась на меня и задала встречный вопрос недоверчивым тоном:

– С чего ты так решил?

⁴⁷ Не сочтите меня грубой, просто я прекрасно знаю, что ничто из моего бара не придется вам по вкусу (фр.).

⁴⁸ Вы вампиры не из рода Вильруа, я знаю их всех поголовно (фр.).

⁴⁹ Расскажите наконец, зачем пожаловали ко мне? (фр.)

⁵⁰ Всего-навсего спросить, известно ли вам месторасположение вашей госпожи, Колетт Вильруа (фр.).

– Видно невооруженным взглядом, – произнес я с ледяной уверенностью. – Если бы она доверяла и уважала волю Колетт, ни за что в жизни не пустила бы неизвестных вампиров на порог, да еще и реагировала бы на ее имя столь болезненно.

Союзица вновь погрузилась в размышления, а Жад, напоив старика, двинулась ко мне, неспешно огибая стол и скользя пальцами правой руки по столешнице – словно проверяла, не осталось ли на ней слоя пыли.

– Veuillez m'excuser, nous avons perdu le fil⁵¹. – Она встала в нескольких шагах от меня. – Pourriez-vous nous dire à quoi vous sert cette information?⁵²

Я сложил руки на груди и ответил с вежливой, но непроницаемой улыбкой:

– Je crains que cela ne relève pas de vos soucis⁵³.

Женщина окинула меня медленным взглядом с головы до ног – оценивающим, почти сканирующим.

– Mais dans les vôtres, oui⁵⁴, – без труда догадалась она.

Тяжело вздохнув, де Лекён присела на ближайший стул и подперла лицо ладонью, пряча за ней верхнюю часть.

– Faites de moi ce que vous voulez. Je n'ai pas la moindre idée de l'endroit où se trouve actuellement cette diablesse⁵⁵. – Голос мадам звучал слабо, словно после недавнего плача. – Colette a enlevé mon neveu, Maël, pour le contraindre à intégrer son armée, et a ainsi mis fin à notre lignée. Elle a jugé que les familiers de Lekeun ne lui étaient plus utiles, et elle voulait se débarrasser de moi et du parrain de Maël⁵⁶. – Жад коротко взглянула на седого мужчину в углу, имея в виду его. – Mais mon neveu a promis de la servir en toute loyauté, si elle nous permettait de mourir... à notre manière. Depuis, seuls un bon alcool coûteux et les soins apportés à Monsieur Petit soutiennent mon goût pour la vie⁵⁷.

Месье Пети вновь закашлялся. Жад мигом сорвалась с места и понеслась за очередной порцией воды.

Я посмотрел на Клодетт. Выражение ее лица можно было описать слегка измененной поговоркой: «Игра не стоила свеч». Впрочем, я испытывал нечто схожее. Но у Колетт остается полно других фамильяров, и рано или поздно мы добудем нужные сведения – вопрос лишь времени и терпения.

Клодетт едва заметно кивнула в сторону выхода, намекая, что пора убираться, но что-то удерживало меня на месте. Я снова взглянул на старика. Он не унимался – в промежутках между приступами кашля его губы шевелились, выдавая бессвязное бормотание.

– Qu'est-ce qu'il y a, Monsieur Petit?⁵⁸ – обеспокоенно спросила Жад, наклоняясь к нему.

Она не могла разобрать ни слова. Я, признаться, даже со своим обостренным слухом не уловил ни одной членораздельной фразы – лишь хриплый шепот, похожий на шорох сухих листьев.

Де Лекён приблизилась к старику почти вплотную. Тот, словно ласковый родитель, провел дрожащей ладонью по ее смоляным волосам. Из его горла все еще рвались хрипы – и вдруг все произошло в один неуловимый миг.

⁵¹ Прошу прощения, мы отвлеклись (фр.).

⁵² Не поясните, зачем вам нужна эта информация? (фр.)

⁵³ Боюсь, это не входит в список ваших тревог (фр.).

⁵⁴ Однако в ваш входит (фр.).

⁵⁵ Делайте со мной что хотите. Не имею ни малейшего понятия, где сейчас обитает эта дьяволица (фр.).

⁵⁶ Колетт забрала моего племянника, Маэля, насильно сделав частью своей армии, и тем самым оборвала наш род. Она посчитала, что фамильяры де Лекён больше не нужны ей, хотела избавиться от меня и крестного отца Маэля (фр.).

⁵⁷ Но племянник пообещал служить ей верой и правдой, если она позволит нам умереть... своим путем. С тех пор мое влечение к жизни поддерживают только дорогая выпивка и забота о месье Пети (фр.).

⁵⁸ Что такое, месье Пети? (фр.)

Его пальцы сжались в железный захват. Жад взвыла – не столько от боли, сколько от внезапности, когда Пети рванул ее голову назад, обнажая шею, и впился длинными, острыми клыками в мягкую плоть. Клыки были не только верхними – нижние тоже выдвинулись вперед, превратив его челюсть в подобие капкана дикого зверя. Я услышал влажный хруст разрываемой кожи и мышц, а затем – булькающий крик, захлебнувшийся кровью.

Я рванулся через стол одним прыжком, но вместо старика в кресле, обмякнув, лежала Жад без сознания. Часть ее гортани была просто откушена; из зияющей раны бил почти фонтанирующий поток темно-алой крови, заливая кружево халата и полированное дерево пола.

Клодетт метнулась ко мне, и я, не раздумывая, приказал:

– Дай ей своей крови!

Я опустил на колени, уложил мадам на спину и зажал рану оторванным куском собственной рубашки, изо всех сил прижимая ладонями. Но я чувствовал, как ее пульс угасает – редкие, слабые толчки, которые становились все глуше. Она умирала. Единственный шанс – обращение. Многие фамильяры тайно мечтают о такой участи. Но хотела бы этого Жад? Я не знал. Но второй раз умереть она сможет, если не смирится с вампирской природой.

Клодетт опустилась на пол рядом, но даже не пошевелилась, чтобы исполнить приказ.

– Клодетт!

– Я не могу... – пробормотала она, отводя взгляд. – Ты забыл? Это было одним из условий господина Деметрия, когда он позволил мне остаться в вашем клане – никого не обращаться. Чтобы род Вильруа не разрастался...

– Но Деметрия здесь нет! – прорычал я, с трудом сдерживая ярость, которая поднималась во мне вопреки всем годам выдержки. – Пока глава я, выполняться будут мои приказы!

Вампирша зло уставилась на мое искаженное лицо, но через несколько секунд ее плечи поникли, и она выдохнула:

– Можешь не держать рану. Де Лекён ушла.

Я медленно перевел взгляд на лицо мадам. Правда оказалась на стороне Клодетт – сердце Жад остановилось, кровь больше не сочилась из раны. Обращение теперь невозможно.

И тут я уловил отдаленное сердцебиение и запах свежей крови – но не той, что заливала пол, а совсем иной, чужой, горячей. Я резко вскочил, развернулся и просканировал затемненную часть комнаты.

У стены, облокотившись на книжный шкаф, стоял месье Пети. Он медленно слизывал с губ темно-красную жидкость – она пятнала его рот, подбородок, стекала по шее и пропитывала тонкий свитер, оставляя влажные разводы. Но самое поразительное было не в этом. Его морщины разглаживались, словно мятая ткань под горячим утюгом; седина таяла как снег, уступая место густым каштановым волосам; сутулость выпрямилась. Передо мной стоял крепкий мужчина лет тридцати, широкоплечий, с хищным прищуром и глубокими глазами, в которых застыло что-то волчье, голодное и вместе с тем насмешливое.

Незнакомец улыбнулся – широко, почти дружелюбно, хотя на его окровавленном лице эта улыбка выглядела зловещей, как оскал социопата.

– Я слышал, вы болтали по-английски, – произнес он на чистом, слегка раскатыстом английском. – Не против, если я немного попрактикуюсь? – Он подмигнул, будто мы были старыми друзьями.

«Он что, собирается нас заболтать?» – мелькнула мысль, но я уже медленно двинулся вперед, руки сами собой сжались в кулаки, и под бледной кожей проступили вены, наполненные темной кровью и древней силой.

– Спокойно, вампир, – усмехнулся он, поднимая ладони в притворном жесте капитуляции. – Мы на одной стороне.

– Неужели? – Я остановился в паре шагов от него, изучая каждое движение.

– Мне не выстоять в бою с тобой, – сказал он уже серьезнее. – Вы сильнее и быстрее. Но я и не собираюсь бежать или драться. Позвольте мне кое-что рассказать – и, держу пари, в конце вы сами предложите союз.

Я скептически приподнял бровь, а он перевел взгляд на Клодетт, вскочившую с пола у меня за спиной.

– Поскольку вы не спешите отрывать мне голову, позвольте представиться. – Он снова посмотрел на меня. – Меня зовут Оберон. Но никакой я не Пети. Оберон Де ла Фор.

«Проклятье».

Я обернулся к Клодетт – она стояла с широко раскрытыми глазами, прикрыв рот ладонью, и в ее взгляде застыл не просто шок, а животный ужас. Она не могла отвести глаз от того, кто носил имя волчьей стаи, члены которой столетия назад, по вине Колетт, едва не уничтожили ее саму...

Глава 8. Адмет

Д

о самого рассвета мы внимали рассказу Оберона, пока горничные бесшумно наводили порядок в гостиной этого коттеджа. Внушение далось на удивление легко – их разум принял мою волю, как губка впитывает воду, без малейшего сопротивления. Остальное, как самоуверенно заявлял этот месье Де ла Фор, он брал на себя. Будто меня хоть каплю волновали последствия для него.

Периодически в монолог оборотня вмешивалась Клодетт, и тогда прошлое этих двоих обретало новые детали.

Колетт и Клодетт родились с разницей в два года около пяти столетий назад в семье представителей высшего дворянства. Их род владел обширными территориями и многочисленными имениями по всей Франции, что, впрочем, стало для отца семейства скорее обузой – он бесконечно тянул с выданьем дочерей замуж, не желая дробить наследство. В качестве странной компенсации он дал им достойное для той эпохи образование и nepoзвoлительную роскошь – право самостоятельно распоряжаться собственными жизнями.

Все было безмятежно, пока не исчезла двадцатилетняя Колетт. Горе от потери дочери подкосило мать девушек: она слегла и скоропостижно скончалась, не перенеся разлуки. Спустя несколько лет отец последовал за ней – причиной стало поражение легких, усугубленное тоской. Клодетт осталась одна. Она единолично управляла унаследованными имениями, продолжала выезжать в свет, скрывая под маской аристократической невозмутимости глубокую скорбь о родных.

И вот, когда Клодетт исполнилось двадцать три, на пороге ее дома появилась Колетт – ни капли не изменившаяся со дня своей пропажи. Тогда-то и выяснилась правда: сестра сбежала из города с мужчиной, который оказался упырем. Он обратил ее, желая превратить в

покорную «игрушку», но Колетт, привыкшая, что именно мужчины стелются у ее ног, не собиралась мириться с участием марионетки. Избавившись от создателя, она решила основать собственный клан. И своим первым кандидатом выбрала человека, рожденного в стае оборотней, – Вайота-Магнуса Де ла Фора, дядю Оберона.

Магнус был первенцем вожака, но, вопреки самой природе, не унаследовал дара обращения. Подобное считалось немислимым. Альфа, его отец, попросту забросил сына, даже не удостоив его внимания в виде укуса или царапины. Считал, что сама природа сочла его первенца обреченным. Позже у вожака родились другие дети – сын Эберульф и дочь Беренис. О старшем все забыли, словно его и не существовало.

По иронии судьбы, тот, кого не захотели сделать оборотнем, пошел по пути, который ему предложила обворожительная Колетт. Однако нечто человеческое все еще теплилось в его душе, раз он не выбрал путь классического кровопийства и стал энергетическим вампиром.

За этой парой открыли охоту все оборотни стаи Де ла Фор под предводительством нового альфы – Эберульфа. Младший брат на старшего. Весьма поэтично.

Следуя по нюху, оборотни добрались до замка семьи Вильруа, однако опоздали: Колетт и Магнус сбежали, оставив новообращенную Клодетт на растерзание. Но она выжила. Ее тело, вопреки всем ожиданиям, противостояло яду ликанов. Раны затянулись, вскоре появились союзники в лице клана Деметрия, и с тех пор Клодетт движима одной целью – отомстить сестре. За нежеланное обращение, за предательство, за все, что ей пришлось вытерпеть.

Оберон и вся его семья желали Колетт того же. Брат альфы примкнул к нежити. Позор обрек стаю Де ла Фор на изгнание и всеобщее презрение. Оберон стал личным свидетелем того, как с каждым новым десятилетием его стая рушилась, раздираемая изнутри распрями. Все это – от начала до конца – он видел благодаря своей врожденной способности. Она досталась ему, как племяннику альфы, и была могущественной, но требовала жертв.

Он оборотень, однако людская плоть и кровь омолаживают его, делают на время схожим по природе и силе с не слабым вампиром. Оберон действительно походил на симбиоз этих двух видов, что подтверждало прозвище, которое он сам себе присвоил. «Ликанпир».

– Устав от поисков Колетт и дяди, я решил пару десятков лет пожить. Просто пожить. Волею судьбы я неплохо преуспел в одном деле, и тогда познакомился с дедом Маэля. Мы так сдружились, что он чуть ли не на коленях умолял меня стать крестным отцом его внука, чтобы я по праву стал членом его семьи. – Взгляд Оберона стал задумчивым, устремленным в глубину веков. – За долгие годы мне удалось вновь обрести семью. Я даже позабыл о мести и добровольно решил состариться, не прибегая к своей способности обращать годы вспять...

Мы с Клодетт, сидящие на диване напротив кресла, в котором раскинулся Оберон, переглянулись.

– Из-за количества людской крови, что я успел испить за эти сотни лет, мой звериный аромат улетучился. Поэтому во мне, дряблом старике, приспешники Колетт не уличили сущность оборотня. Они забрали Маэля. Я притворился глубоко спящим, хотя на деле слышал их разговор, прикинул, что к чему, и понял: с этим нужно заканчивать. Долго не решался восстановить тело, и тут объявляетесь вы.

Оберон поднял граненый бокал с виски, взятый из бара покойной Жад, и сделал глоток.

Я нехотя усмехнулся, и ликанпир с прищуром и легким недопониманием уставился на меня.

– Забавно, как ты разглагольствуешь о семейных ценностях, пока слуги отмывают пол от крови этой самой семьи.

Парень равнодушно пожал плечами.

– Не я, так печень. В последнее время рацион Жад состоял из одного алкоголя. Даже привкус крови показался мне чересчур... этиловым, что ли.

Я закинул руки на спинку дивана и уставился в окно. Пока утро набирало обороты, разгоняя предрассветный сумрак, я решал, что делать с этим ликанпиром. Как бы он себя ни называл, по природе он чистокровный оборотень. Он правильно подметил, говоря, что и близко по силе ко мне не стоит. Но при этом не дал ни единой зацепки, которая доказала бы его полезность и помогла в поисках Колетт.

Клодетт, будто прочитав мои мысли, обратилась к Оберону напрямую:

– Знаешь, *Рони*, и так достаточно тех, кто желает смерти моей сестре. Одним больше, одним меньше... – Ее обсидиановые глаза больше не были полны страха. В них плескалось нечто угрожающее, первобытное. В такие моменты я отодвигал на задний план мысли о том, как невыносимо терпеть ее общество, оставляя лишь восхищение этой хищной грацией пантеры. – Хорошенько подумай, чем согласишься нам, иначе...

Дверь в комнату отворилась, и в проеме показалась голова горничной с собранными в строгий пучок русыми волосами. Почти весь персонал, включая эту женщину, я внушением попросил спокойно привести все в порядок, а после забыть об этом, как о дурном сне.

– *C'est fait, monsieur*⁵⁹.

Оберон молча показал пальцами «окей» и «одну минуту», а затем повернулся к нам.

– Нужно все проверить. Нюх у меня получше вашего будет.

Он быстро поднялся и направился к выходу.

– Смотри только не потеряйся по пути назад, песик, – язвительно бросила Клодетт ему в спину.

Как только дверь закрылась, Клодетт, чтобы занять себя, встала с дивана и принялась медленно расхаживать по комнате, изучая расставленные здесь произведения искусства. Я же закрыл глаза и потер переносицу, лихорадочно строя дальнейший план. В него никак не вписывались ни ликанпир, ни человек, устоявший перед моим внушением.

Из памяти никак не желала исчезать та блондинка в изумрудном платье с глазами цвета шоколада, вкус которого, увы, мне уже не суждено было познать. Я родился еще задолго до того, как эта сладость стала доступна всему земному шару.

– Ты была знакома с той блондинкой? – поинтересовался я скучающим тоном, стараясь придать вопросу вид небрежного любопытства.

Клодетт обернулась ко мне, вопросительно вскинув брови, но через секунду во взгляде вспыхнуло озарение.

– Ты про ту, из галереи? Совсем нет. Обменялись парой слов и представились друг другу, а что?

Я снова перевел взгляд в окно, будто надеясь, что там сами собой появятся ответы на мои вопросы.

– Мне нужно найти ее. – Я посмотрел на Клодетт. – Имени будет достаточно. Она приезжая, значит, остановилась в одном из отелей.

Союзница задумалась, затем в мгновение ока переместилась к клатчу, принесенному горничной из нашей машины, и извлекла из него телефон. Что-то полистав и понажимав на экране, она протянула его мне.

Я принял телефон и увидел название файла: «*La liste des convives*»⁶⁰.

– Получила это от PR-директора одного из известнейших журнальных издательств. Отсюда и узнала, что на открытии будет Жад. Заинтересовавшую же тебя девушку зовут Анисса. Фамилии не спрашивала, – пожала Клодетт плечом и вернулась к прежнему занятию.

В официальных списках здесь сначала пишется фамилия, и лишь затем имя. На удивление, поиски первой Аниссы не составили труда, но на всякий случай я перепроверил все

⁵⁹ Готово, месье (фр.).

⁶⁰ «Список приглашенных» (фр.).

имена. Да, девушка с этим именем была одна. Переведя взгляд на фамилию, меня охватило нечто схожее с параличом. Казалось, все, на что я способен, — перечитывать раз за разом: «Барлоу Анисса». Вспомнился и ее сопровождающий. Его имя на давние воспоминания не наталкивало: «Валль Винсент». Я лишь подметил, что фамилия написана с уклоном в скандинавскую версию, а не европейскую. Лис из Скандинавии и юная Барлоу... Любопытно.

От размышлений меня отвлек вернувшийся Оберон. Не менее интересная личность.

– Пока прогуливался, вспомнил главную причину, зачем Колетт понадобилось больше вампиров. Подслушал, когда ее приспешники думали, что все строго между ними, – с порога заявил он.

– Мы во внимании, – бесстрастно ответила Клодетт, листая старую фолиант с пожелтевшими страницами.

– Колетт было мало мести одному лису за предательство, случившееся около тридцати лет назад. Она желает уничтожить всех и вся, с кем он был связан. – Оберон стал расхаживать ко комнате, сложив руки за спиной. Клодетт тем временем захлопнула фолиант и сосредоточилась на ликанпире. – И тут я вспомнил кое-что. Ненадолго позже был провозглашен Альянс Ликанов.

– Как Совет Извечных, только состоит из оборотней? – уточнил я, хотя сомнений в своей правоте не возникало.

Оберон кивнул:

– До меня дошел такой слух, потому что одними из первых, кто вошел туда, были две французские стаи: рысей и бурых медведей. А создали этот Альянс три другие: волчья Бьоргульв из Норвегии, еще одна волчья – Варгманн из Швеции и лисья, кажется, тоже исконно норвежская, – Валль.

«Вот и сложилось дважды два. А я и забыл, какие необыкновенные совпадения порой случаются в жизни», – саркастично заметил я про себя.

– Не знаю, насколько это правда, но Колетт желает убить *трех* зайцев одним выстрелом, – продолжил Оберон. – Каким-то образом она прознала про день, когда первые три объединенные стаи собираются все в одном месте. Подозреваю, нашлись шпионы, которых не засекли гаммы.

Сопоставив это все, я произнес краткое заключение:

– Выходит, Колетт и ее клан планируют покушение сразу на три стаи. Для нас же это прекрасная возможность неожиданно атаковать их, предотвратить кровопролитие оборотней и, как мы того изначально хотели, обезвредить Колетт.

Оберон свел брови к переносице и сощурил глаза. Они блеснули желтым.

– Не обезвредить, а *уничтожить*.

Клодетт не позволила решать судьбу сестры без своего участия:

– Обезвредить. Подать на блюде ее признание Совету: что все, что она наговорила про клан Деметрия, – ложь. И только после этого – казнь.

Оберон молча всматривался в ее глаза. У обоих были серьезные, непроницаемые лица. На фоне мертвенной бледности ярко-окрашенные губы Клодетт презрительно кривились, показывая неприкрытое отвращение. Ликанпир же сильнее сощурился, изучая вампиршу взглядом волка, оценивающего свою потенциальную добычу.

– Так и быть. Уступлю даме. Я ждал этого шанса более четырехсот семидесяти лет. Что такое несколько недель в сравнении с этим?

Ликанпир подошел к креслу, рядом с которым на журнальном столике стоял бокал с недопитым виски. Парень поднял его над собой, обведя нас с Клодетт цепким взглядом, и залпом допил, словно скрепляя этим немой тостом наш шаткий союз.

II. Винсент

О

чередные тонкие косы, собранные в высокий хвост, просвистели у самого лица Винсента, когда он резко ушел в сторону от выпада их обладательницы – оборотня-рыси. За время, равное короткому вдоху, мужчина уже оказался у нее за спиной. Он намеревался перехватить руку соперницы, заломить ее и, воспользовавшись мгновенной болью, лишить рысиху возможности сопротивляться, а следом перевести в партер⁶¹.

Но девушка не собиралась сдаваться – рысья кровь давала о себе знать. Едва пальцы Винсента коснулись ее оливковой кожи, как ликанша мощным рывком оторвалась от земли, в воздухе исполнила винт⁶² и приземлилась на прямые ноги, словно заправская гимнастка, – на безопасном расстоянии от лиса. Легкая пыль взметнулась из-под ее подошв, а в глазах сверкнула довольная искорка.

– Так держать, Реня! – прогудел Вейлр, единственный зритель этой схватки. В нем все кричало о принадлежности к стае бурых медведей: даже черты лица – щетина, крупный нос и маленькие, будто прорезанные глаза, обрамленные сеточкой морщин.

Девушка послала ему воздушный поцелуй, а затем перевела внимание на Винсента – как раз в тот миг, когда он вытирал со лба испарину тыльной стороной ладони.

– Неужели выдохся, Полярный Лис? – поддразнила рысиха, чуть склонив голову набок.

– Я только разогрелся, – холодно усмехнулся Винсент, хотя в груди уже начинало саднить от учатившегося дыхания.

Он сам попросил старых друзей устроить ему спарринг. Свежий воздух заднего двора, где он сначала состязался с Вейлром, а теперь с Ренеей, бодрил, но истинным источником сил служил вовсе не ветер – вчерашний вечер все еще терзал его разум.

Винсент прокручивал альтернативные исходы того происшествия в парижской галерее снова и снова, и злость не утихала. Он ненавидел себя за излишний альтруизм, за недально-

⁶¹ Партер – положение, при котором хотя бы один из борцов находится на коленях, сидит или лежит на полу.

⁶² Винт – вращение тела вокруг своей продольной оси на 180, 360 или более градусов.

видность, за проявленную слабость. Да, именно это – *слабость* – он презирал в данный момент больше всего на свете.

Тот упырь лишь игрался с ним, как со щенком, и этот мерзкий, снисходительный взгляд... Кровопийца даже близко не считал его соперником. Не более чем камнем, застрявшим в подошве ботинка.

Кроме того, перед глазами вставляли слова приемной матери. Эмер, узнав обо всем, даже голоса не повысила, но Винсент кожей чувствовал: простым выговором дело не ограничится. Единственной песчинкой облегчения служило то, что она пока решила не рассказывать эту историю родителям Аниссы. Винсент понимал: за такой проступок мистер Барлоу, несмотря на давнюю дружбу, непременно задумается об отстранении его от должности личного телохранителя дочери. А этого мужчина допустить не мог. Восемь лет – немалый срок; он относился к подопечной как к младшей сестре с первого же дня и не доверял ее защите никому другому. Лишь скрепя сердце и зубами он уступал, когда того требовали Эмер, родители Аниссы или приближающееся полнолуние.

Погруженный в тягучие мысли Винсент действовал на автомате. Тело само среагировало на очередную атаку Ренеи: он молниеносно уклонился, встал в боковую стойку, перехватил ее запястье и с глухим щелчком заломил руку за спину. Только когда девушка жалобно заскулила, а Вейлр рванулся к ним и его крепкие, как стальные браслеты, пальцы сомкнулись на предплечье лиса, Винсент очнулся.

– Винс, отпусти ее! – рявкнул медведь.

Винсент моргнул, словно выныривая из тумана, затем с отрешенным видом отпустил соперницу, сделал два шага назад и, отворачиваясь, запустил пальцы в платиновые, влажные от пота волосы.

– Прости, – бросил он тихо, почти неслышно, и мысленно одернул себя: «Нужно взять себя в руки».

Он резко развернулся к друзьям, но Ренея уже сократила расстояние и мягко положила ладонь ему на плечо. Ее пальцы чуть сжались, вынуждая Винсента сосредоточиться на ней и ее голосе.

– Все в порядке, – мягко произнесла она. – Прошу, расслабься хоть немного. Пока ты спал, мы не засекли ни одного кровососа. В Париже для них осталось полно других деликатесов.

Винсент разочарованно выдохнул – в памяти тотчас всплыла та самая посетительница галереи, которой изначально заинтересовался рыжеволосый упырь. Он уже хотел что-то ответить, но внезапно резкий, как удар хлыста, голос разорвал тишину.

– Винсент?

Мужчина мгновенно обернулся. На террасе, прищурившись от солнца, стояла Анисса – его названная сестра. Она с любопытством оглядывала троицу в промокших майках и спортивных штанах. Винсент слегка нахмурился, заметив, что в ее руке был зажат небольшой листок бумаги.

Вейлр, всегда умевший разрядить обстановку, широко улыбнулся, помахал девушке рукой и жизнерадостно крикнул:

– Bonjour!⁶³

Затем он встал между Винсентом и Ренеей и, подталкивая обоих к дому, продолжил уже обычным тоном:

– Наконец, когда все уже проснулись, я с радостью объявляю начало завтрака.

– Только после душа, – с насмешкой ответила Ренея.

⁶³ Доброе утро! (фр.)

Глава 9. Анисса
И

вновь яркое солнце привело меня в чувство. Из-за скромных размеров комнаты многолетнему огненному шару было несложно высветить каждый ее закоулок – от ажурного торшера до серебристого узора на ручке шкафа. Я немного понаблюдала за ленивым танцем пылинок у окна, затем приподнялась на локтях и обвела помещение взглядом в поисках чемодана. Его нигде не было, и я, с досадой цокнув языком, вновь откинулась на подушку, уставившись в потолок с перекладинами.

В голове – ни единой зацепки: я никак не могла припомнить, оставила ли телефон в чемодане, в машине или где-то еще. Оставалось лишь гадать, сколько часов я проспала – и не пропустила ли чего-то важного.

Я подумывала о том, чтобы еще немного подремать, но эта идея не понравилась пустому желудку. Решив, что пора разыскать Винса и, заодно, кухню, я не спеша поднялась с кровати и, прежде чем выйти, захотела хотя бы мельком взглянуть на себя в зеркало.

Бесполезное занятие, когда под рукой нет даже расчески. Однако окинув взглядом комнату, я вдруг ощутила странную уверенность: эта гостевая спальня определенно раньше принадлежала женщине.

С надеждой найти хоть что-нибудь полезное, я принялась выдвигать ящики столешницы. Первые два оказались солидарны с моим желудком – совершенно пусты, лишь легкий запах старого дерева. Открывая последний, я уже не ждала сюрпризов, но мой взгляд наткнулся на белый гляцевый прямоугольник, резко контрастировавший с древесиной.

«Фотография?»

Я неторопливо перевернула ее, словно боясь спугнуть момент. Первые секунды просто не могла осознать, кто же изображен на этом снимке. Слева – молодой брюнет с безупречно правильными чертами лица и, не стану лукавить, впечатляющим телосложением, которое даже сквозь простую майку проглядывало уверенной статью. Он фамильярно, но бережно обнимал за талию девушку с медным отливом волос – та кокетливо позировала, чуть склонив голову набок, в легком летнем сарафане. На заднем плане угадывался тот самый дом, где я сейчас нахожусь. На секунду я перевернула карточку и изучила дату: девятнадцать лет назад – немного позже дня моего рождения.

Я подняла глаза на висящее напротив зеркало и встретила с собственным растерянным отражением. Брови сведены, губы чуть приоткрыты – я явно не ожидала наткнуться на чужую историю в этом ящике. Затем снова перевела взгляд на фото.

Ну конечно. Стоило сразу догадаться: эта изящная девушка с огненным характером во взгляде – моя начальница, Эмер Валль. Дочь Маркуса, которому когда-то принадлежал дом. Мисс Валль, бесспорно, была прекрасна тогда... да что там – даже сейчас ей ни за что не дашь ее пятьдесят пять.

Она не спешит уступать молодой себе; все та же подтянутая фигура, все тот же задорный огонек в серо-зеленых глазах. Но отличия, конечно, есть: тонкие морщинки у глаз и губ стали чуть глубже, да и таких длинных, почти до пояса, локонов я не заставляла вживую – Эмер всю мою память носит либо удлиненное каре, либо собранный на затылке пучок. Однако та врожденная статность, та дерзкая складка бровей – они никуда не делись и сейчас.

А вот кареглазый парень рядом с ней... Один взгляд на него – и у меня начинало пульсировать в висках, будто после бессонной ночи в душном клубе. Неужели я и правда ничего о нем не знаю? Как так вышло, что ни Эмер, ни родители, ни Винс – никто даже мельком не обмолвился о нем за все наши бесконечные разговоры? Я вглядывалась в его лицо, пытаюсь уловить хоть искру знакомства – но вместо этого чувствовала лишь липкую тревогу и необъяснимое сожаление, будто упустила что-то важное много лет назад.

Наверное, я могла бы просидеть над этим фото несколько часов, перебирая смутные образы, но вдруг из-за дома донесся глухой, вибрирующий звук – похоже, чьи-то голоса смешивались с утренным шумом ветра. Я встрепенулась.

«Точно! Винс ведь говорил о своих знакомых».

Я взяла фото с собой, твердо решив расспросить обо всем при первой же удобной минуте, и поспешила вниз.

Пока Винс и его друзья переодевались, я решила взять инициативу по накрытию стола на себя. Погода стояла чудесная: солнце золотило кроны дубов, а из леса доносилась переливчатая трель зябликов – так что завтрак на террасе, в окружении этой живой зелени и свежего воздуха, казался превосходной идеей. Я расстелила льняную скатерть, расставила тарелки и уже вовсю колдовала над нарезкой.

– Как же я соскучился по кофе, – раздался у меня за спиной низкий, чуть хрипловатый голос Винса.

Я ухмыльнулась, не отрываясь от своего занятия: аккуратно накладывала из банки добротные, с горкой, порции клубничного джема на ломтики багета, предварительно щедро смазанные сливочным маслом.

Помимо кофейника и горки бутербродов на столе красовалась миска с нарезанными фруктами – персиками, виноградом и дольками яблока – а рядом высился кувшин свежесжатого апельсинового сока, на стенках которого уже выступили прозрачные капли холодного конденсата. Я как раз заканчивала последние штрихи, когда Винсент бесцеремонно выхватил из моей руки недомазанный ломоть и с хрустом откусил от него едва ли не половину.

– Эй! – воскликнула я, резко обернувшись к нему и вскинув ложку с остатками джема.

Но гнев, уже готовый выплеснуться упреком, вмиг испарился – как и та часть багета, – когда я наткнулась на его лицо. Винс улыбался! Редчайшее зрелище, от которого я, кажется, потеряла дар речи на пару ударов сердца: уголки губ приподнялись, в зрачках мелькнул задорный свет, и даже морщинки у глаз стали глубже. Но, сама того до конца не осознавая, я решила проучить наглеца за дерзость: ловко хлопнула ложкой по самому кончику его носа, оставив липкую кляксу джема.

– За что? – спросил он, посмеиваясь, и принялся вытирать нос тыльной стороной ладони.

«Это отличный шанс спросить о той фотографии. Неизвестно, когда еще представится возможность застать его таким расслабленным и непосредственным».

Мы уселись за стол, дожидаясь Вейлра и Ренеи. Винс протянул мне чашку кофе, но я отрицательно качнула головой и взяла высокий стакан с апельсиновым соком – ледяная кислинка приятно освежила горло. Тянуть время больше не имело смысла.

– Я тут нашла кое-что... – протянула я, негромко, и вынула из кармана пиджака ту самую глянцевую фотографию.

Винсент моментально посерьезнел, и его лицо будто захлопнулось – как дверь, за которой больше нет просвета. Он все же принял снимок из моих рук, но пальцы сжались на нем с излишней, почти болезненной силой.

– Это мисс Валль, не так ли? – продолжила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – А кто этот парень?

Телохранитель не ответил. Он уставился на фотографию так, будто видел ее впервые в жизни – или, наоборот, хотел забыть.

Его глаза ни разу не моргнули, взгляд остекленел, и на долгие тягучие секунды мне показалось, что передо мной не живой человек, а мраморная статуя, искусно изваянная мастером. Он не шевелился, не дышал – только смотрел в прошлое, которое отказывался открывать мне.

А затем стеклянная дверь с грохотом распахнулась, и на задний двор хлынул оживленный гомон: Вейлр басил что-то про утреннюю тренировку, Реня звонко смеялась, перебивая его шутками. Винсент вздрогнул – словно его окатили ледяной водой, – и с облегчением перевел дыхание. Он положил фотографию рядом со мной, на угол скатерти, даже не взглянув в мою сторону, и с головой нырнул в шумную перепалку друзей, подхватывая их веселый разговор с неестественной живостью.

«Что за чертовщина?!» – вскипела я изнутри. Кровь прилила к вискам, пальцы невольно сжались в кулаки под столом. Я чувствовала, как внутри закипает глухая, колючая злость, смешанная с обидой и жгучим любопытством. Он что, думает, я не заметила его реакции? Что я поверю в эту небрежную улыбку?

При Вейлре и Ренее я не собиралась устраивать скандал – это было бы и глупо, и бесполезно. Вместо этого изо всех сил старалась поддерживать непринужденную беседу: кивала, смеялась над шутками, задавала дежурные вопросы. Но внутри меня просто распирало от одного и того же вопроса, который эхом отдавался в каждой фразе, в каждом жесте Винса, в каждой уклончивой улыбке. Да кто же *эти незнакомцы*?!

Глава 10. Анисса

III

естнадцать часов перелета – и мы в Нью-Йорке. Прощаться с Вейлром и Ренеей совсем не хотелось, как и с Францией. Слишком мало времени я провела там, толком и не впитав в себя ее чарующую атмосферу – утренний латте с круассанами, шепот ветра в платанах и уютные улицы. Однако улететь требовали и билеты, и Винс.

Я смирилась, глубоко в душе надеясь, что недоразумение в парижской галерее затеряется в недрах памяти и Эмер будет не против поручить мне еще работу в Европе.

Без особых хлопот миновав контрольный пункт, мы с Винсентом вышли из главного выхода аэропорта. Автоматические двери за нами еще не успели закрыться, как на всю округу раздались приветственные гудки. Взглянув налево, я тут же узнала одну из папиных рабочих машин – белый седан с затемненными стеклами. За рулем сидел наш давний охранник, Марк, а второй, Роджер, стоял неподалеку и докуривал сигарету, прищурившись от яркого света прожекторов. Заприметив нас, он сделал последнюю глубокую затяжку, кинул бычок на асфальт и притоптал его носком ботинка.

– Добрый вечер, мисс Барлоу, – дежурно отчеканил Роджер, открывая мне заднюю дверцу. – Винсент, – коротко кивнул он мужчине, когда я уже устроилась на мягком кожаном сиденье.

Хоть мы и попали в час пик, путь от аэропорта имени Джона Кеннеди до Сентрал-Парк-Тауэра⁶⁴, где мы проживали с родителями, занял всего сорок минут. Обычно эта дорога отни-

⁶⁴ Сентрал-Парк-Тауэр (англ. Central Park Tower) – жилой небоскрёб, расположенный на 57-й улице на Манхэттене.

мает час, а то и полтора. Но в этот раз пробки расступились, будто город тоже устал ждать моего возвращения. Нью-Йорк сегодня просто баловал нас!

Охранники высадили меня и Винса у самого подножия башни, верхние этажи которой почти терялись в темных облаках, и уехали на парковку неподалеку. Здесь, в этом здании, было все: и частный клуб с театром, и ресторан с панорамными окнами, и бальный зал, и даже бассейн с подсветкой. А вот собственный паркинг сочли лишним: статус обязывал держать машины отдельно.

Моя квартира занимала целый этаж прямо под родительским пентхаусом, который, словно елочная звезда, венчал пик небоскреба. Можно ли считать жест родителей, которые и купили мне эту резиденцию, одним из признаков гиперопеки? Пожалуй, задумаюсь об этом позже.

– Напоминаю, что мистер и миссис Барлоу ждут тебя на ужин, – сказал Винс, указательным пальцем показав на потолок.

– Почему только меня? – нахмурилась я и подошла ближе, уперев руки в бока. – Только намекни – и я быстро сделаю так, что ты будешь сидеть с нами за одним столом, как обычно.

Телохранитель усмехнулся.

– Все в порядке, твои родители пригласили меня, как и всегда. Просто... – Винсент выдохнул. – Просто мне нужно заехать к Эмер.

Я помолчала, пожевав губу, прежде чем ответить.

– Тебя ждет... неприятный разговор с ней? – Невольно взглянула на пластырь, все еще приклеенный на щеку Винсента. – Давай я поеду вместе с тобой? У меня нет к тебе никаких претензий! Все хорошо!

Уголки его губ и веки приподнялись, и от этого вида у меня в груди разлилось тепло. Хмурым людям, вне всяких сомнений, улыбки идут больше всех остальных.

– Это тот самый момент, когда я должен был сказать «mon problème, notre problème», но проблем никаких нет. Просто нужно поговорить с мисс Валль наедине.

Ложь... снова ложь. Кажется, я уже скоро смогу узнать, какова она на вкус. Но вместо упреков просто улыбнулась в ответ и мимолетно приобняла Винса – легко, по-дружески. Он до мозга костей мой телохранитель: оберегает даже от информации, которая, как ему кажется, может меня шокировать. Ничего. Я еще в самолете, пролетая над Атлантическим океаном, окончательно решила, что про одного «незнакомца» я обязательно что-нибудь выведаю – у Эмер, у ее близких или даже у мамы с папой. Подсознание требовало этого, будто только после раскрытия этой тайны я смогу обрести покой.

Мы попрощались (конечно, ненадолго), и, приняв душ с дороги и разобрав чемодан, я отправилась к родителям на ужин.

Ожидая лифт в частном вестибюле, я похлопала по карману пиджака, в который раз перепроверяя, не забыла ли найденную фотографию. Мысленно я прокрутила все лица папных деловых партнеров и охранников, работников маминой частной клиники, общих друзей и окружение мисс Валь... И ни в ком не угадывались черты того брюнета. Выходит, с ним прекратили общение. Но Винсент его узнал – значит, это случилось не так уж давно. Где-то между моим рождением и тем моментом, когда Винсента усыновили, а ему тогда было лет шестнадцать.

Двери лифта бесшумно разъехались, и я оказалась на следующем этаже. Меня встретил точно такой же вестибюль: узкое пространство с серыми стенами, белый свет потолочных ламп, отражавшийся в черно-белых плитках пола, и строгая черная дверь по левую руку.

Я постучала – и долго ждать не пришлось. Дверь распахнулась, и с порога на меня налетела мама, сжав в объятиях так крепко, будто я вернулась из кругосветки, а не из Франции.

– Ах, Анисса, милая моя! С возвращением! – Она, все еще не отпуская меня, повернула голову через плечо. – Тристан, где ты ходишь? Дочь после такой долгой дороги, а он не торопится!

Было невозможно сдержать улыбку от этих мягких маминых причитаний. Ни разу не заставляла их за серьезной ссорой – в нашей семье царила любовь, и это была не та показная гармония, а настоящая, глубокая.

Пока мама закрывала дверь, я мельком оглядела ее. Темные волосы, отливающие медовым оттенком, волнами спускались до лопаток и контрастировали с ярко-красным брючным костюмом. Похоже, она ушла с работы пораньше, чтобы встретить меня минута в минуту.

– Если бы мы оба оставили рагу без присмотра, то нечем было бы угощать дочь, – раздался из глубины квартиры насмешливый папин голос.

Я мгновенно развернулась и бросилась обнимать отца. Он пах знакомым одеколоном, сочетающим свежие и цитрусовые нотки. Мы прошли в просторную гостиную, три стены которой состояли из сплошных панорамных окон. Открывавшийся вид на мерцающий огнями город и распластанный внизу Центральный парк захватывал дух даже после стольких лет жизни здесь. Где-то в воздухе уже витал легкий аромат тушеных овощей и пряных трав.

– Спасибо, дорогой, а то наш ужин ждала бы участь моего самого первого рагу, – шутливо сказала мама, поцеловала папину щеку, покрытую аккуратной щетиной, и скрылась за углом кухни.

Мама не раз признавалась, как тяжело ей давалась готовка поначалу, но теперь, когда в ее плотном графике случался просвет, она с удовольствием доставала старые рецепты и колдовала у плиты. Наверное, у нее проявился дар бабушки Фреда – сколько раз я заворуженно слушала его истории о днях, когда он был известным шеф-поваром...

– У вас там ничего не случилось? – ненароком спросил папа, отвлекаясь на открытие бутылки с вином, чтобы не встречаться со мной взглядом.

Я на мгновение остолбенела. Не знаю как – это одна из тех загадок, ответа на которую мне никак не узнать, – но папа всегда догадывался, когда меня что-то беспокоило. Настоящий эмпат.

«Вряд ли Эмер рассказала им о происшествии... Хочу в это верить».

– А что-то должно было? – максимально непринужденно спросила я, несмотря на предательский ком в горле, который я судорожно сглотнула.

Папа ловко вкрутил металлическую спираль штопора в пробку и резким движением вынул ее. Раздался глухой хлопок, от которого дрогнуло сердце. Почему-то мне показалось, что отец знает обо всем – и злится на Винсента, и на меня.

Но он обернулся с совершенно спокойным лицом. В его голубых бездонных глазах читалось лишь легкое недопонимание.

– Просто Винсент сначала предупредил, что вы задержитесь в Париже, а ненадолго позже сообщил, что вы все же прилетите в изначально запланированный день, то есть сегодня.

Папа снова обернулся к столу, чтобы разлить вино по бокалам.

«Они ничего не знают... Какое облегчение», – мысленно выдохнула я, прикрыв глаза на секунду.

Из кухни вернулась мама с глубоким блюдцем, доверху наполненным рагу с мясом. Полупрозрачный пар клубился до самого потолка и таял, едва касаясь его.

– Да, изначально у меня было еще одно дело, но в последний момент оно отменилось, – сказала я, присаживаясь за стол. Мама тут же принялась накладывать свой кулинарный шедевр. – Поэтому решила не задерживаться и не скитаться без дела.

Папа вскинул бровь, но промолчал, пододвигая каждой из нас бокал с красным сухим вином. Мама же саркастично проронила:

– Скитаться без дела – в Париже?

Я не нашла, что ответить, лишь глупо улыбнулась. Мама решила не наседать. Когда еда была разложена, родители сели по обе стороны от меня, лицом друг к другу.

После классических вопросов про погоду, о том, где мне удалось побывать, и просмотра фотографий из новой галереи родители переключились на какую-то свою тему.

Но я почти не вслушивалась, пробуя на языке насыщенный привкус спелой вишни и кедра, который оставляло вино, и пытаюсь сформулировать внятный вопрос о фотографии. Незаметно достала ее из кармана и положила на колени. Ладони вспотели, и я судорожно вытерла их о джинсы.

«Почему так страшно? Чем вообще вызван этот страх? Ведь не этот же человек разбил половину лица Винсента».

– Анисса? – Голос мамы заставил меня оторваться от снимка.

– Я что-то пропустила? – неловко спросила я и решила логично оправдаться: – Плохо на мне сказываются долгие перелеты...

– Тебе бы отдохнуть, а мы тут со своими расспросами... – мягко произнес отец, покачив головой. – Можешь остаться у нас.

– Не беспокойтесь, я в состоянии добраться до своей квартиры, – ласково улыбнулась я и заметила, как от облегчения расслабились папины морщинки на лбу.

«Если они в ссоре с парнем на фото, лучше не портить им этот хороший и спокойный вечер».

Витая в мыслях, я поднялась из-за стола и опомнилась только тогда, когда фотография соскользнула с моих колен и упала возле маминого стула.

Я быстро нагнулась, схватила снимок и прижала его к груди, прежде чем родители успели задать вопросы. Затем бодро поблагодарила за ужин, пожелала доброй ночи и энергично зашагала к выходу.

Но мамин взгляд... Она *тоже* узнала этого парня.

Глава 11. Анисса

—А

где мой обещанный багет из самого Парижа? – с наигранным удивлением спросил Энтони, мой самый близкий друг не только в Нью-Йорке, но и на всем белом свете.

Иначе сложиться никак не могло: наши мамы – лучшие подруги с юности, и растили нас, погодков, вместе. Хоть Энт и старше, но зачастую казалось, что все наоборот.

Но я любила его за шутки – пусть и банальные, зато искренние, и за ту легкую открытость, которая редко встречается даже у старых друзей.

– У меня возникает ощущение, что его ты ждал с большим нетерпением, чем меня, – ответила я с ухмылкой.

Энт усмехнулся и жестом позвал меня заходить в магазин, где подрабатывал во время каникул перед очередным семестром в колледже. Будущий юрист, которому по наследству светила юридическая компания дедушки, с радостью помогал и в еще одном семейном деле – чайном бизнесе.

Когда-то, десятки лет назад, все начиналось с небольшой лавки «Herbs & Traditions»⁶⁵ в каком-то маленьком городке на северо-западе, а теперь это была целая сеть. Семья Энтони проделала колоссальную работу, чтобы добиться таких высот.

Тем не менее в Мидтауне они обосновались не так давно – ароматы чая, специй и сушеных ягод еще не перебили запах новой мебели и свежей краски, витавший в просторном помещении. Высокие окна открывали вид на широкий перекресток.

День только начинался, но улицы уже утопали в пестрой толпе прохожих, а движение на дорогах стопорило пробки – утренний Нью-Йорк дышал своей обычной суетой. Сквозь стекла пробивались солнечные лучи, блики танцевали на светлой плитке и высвечивали каждую деталь: аккуратные банки на высоких стеллажах, живые лианы, вьющиеся по стенам, и яркие вазоны с цветами.

Этот магазин казался островком зелени среди бетона и билбордов – местом, где хотелось задержаться.

– Куда Винсент подевался? – Энтони прошел мимо меня и уставился на один из стеллажей. Его голубовато-оливковые глаза – единственная яркая черта, унаследованная от отца-норвежца, – скользили по названиям в поисках нужного сорта. И, между делом, добавил: – Тебе как обычно?

– Да, на твое усмотрение. – Признаться, я не питала такой любви к чаю, как мои родители, предпочитая кофе, но когда его предлагал Энт или кто-то из его родных – не могла отказаться. Их смеси были настоящим искусством: каждый глоток раскрывался постепенно, оставляя послевкусие, о котором хотелось говорить. – Винс паркует машину. Сам знаешь, как сложно найти место в это время, вот он и высадил меня прямо у входа. Хотела увидеться с тобой побыстрее.

– Я польщен, – Энт достал банку с зеленым чаем, сушеной клубникой и черникой, подмигнул мне и направился к прилавку.

Пока друг заваривал чай, в магазин наконец зашел Винсент – бесшумно, как лучи солнца, но сразу заполнив своим присутствием пространство.

– Утро, Полярный Лис, – поприветствовал телохранителя Энтони, протягивая ему чашку с горячим напитком.

Я машинально закатила глаза – в который уже раз услышав этот позывной. По рации строго запрещено использовать настоящие имена, но меня всегда интересовало: почему у тех же Марка и Роджера прозвища «классические», привязанные к территории («Паркинг» и «Периметр»), а у моего личного телохранителя – какая-то северная хищная зверушка?

Странно, но я, наверное, за эти дни уже привыкла к тому, что загадок становится только больше. Они копились, как снежный ком, и я не знала, с какой стороны подойти, чтобы хоть немного его растопить.

Утром мама ни словом не обмолвилась о фотографии. От Винса ответа я тоже не добилась. Оставалась мисс Валль. Кстати, о ней...

– Как прошла ваша вчерашняя беседа? – Я впилась взглядом в телохранителя. Он понял меня – я видела это по тому, как едва заметно напряглись его скулы, пока он медленно отпивал глоток чая.

– Раз я до сих пор не отстранен, значит, нормально.

Энтони нахмурился, медленно переводя взгляд с Винса на меня и обратно.

– Я о чем-то не знаю, Нисси? – все же решил вмешаться он.

В переглядываниях Винсенту не было равных. Его глубокая синева поглощала, как пучина океана, – и я, вздохнув, оторвалась от его лица и посмотрела на друга, стараясь скрыть раздражение, которое никуда не исчезло, а лишь притаилось где-то под ребрами.

⁶⁵ «Травы и Традиции» (англ.). Название является авторским вымыслом и не имеет отношения к реальным объектам.

– Не ты один, Энт.

– Анисса, пожалуйста, – ровно произнес Винсент. – Я думал, мы уже прошли это.

Я сделала вид, что задумалась, потом утвердительно кивнула:

– Что было в Париже, осталось в Париже, хорошо. Но мне *нужно* узнать, кто этот второй человек.

Винс зажал переносицу пальцами – жест, который я знала слишком хорошо, чтобы не понять: он раздражен. Только поздно до меня дошло, что проболталась при Энтони. Я судорожно повернулась к лучшему другу, готовясь к допросу похлеще сериальных.

Но Энт лишь провел пальцем по губам, словно застегивая их на замок, и молча кивнул.

Эти подозрения омрачили разум настолько, что я уже начала сомневаться даже в лучшем друге... Я заставила себя выдохнуть. Наверное, мне правда стоит отложить вопросы о брюнете до лучших времен.

– Какие планы у вас в этом месяце? – решил сменить тему Энтони.

Я пожала плечами:

– Зависит от мисс Эмер. Пока она не предлагала новых кастингов, поездок и показов.

Пухлые губы Энты растянулись в улыбке на его смуглом лице – и сразу стало теплее.

– Тогда как насчет того, чтобы слетать с нами в Норвегию? – Энт взглянул на Винсента. Тот поджал губы, видимо, взвешивая предложение.

Каждый год, сколько я себя помню, в этот период Винсент и Эмер покидали страну. Это были единственные разы, когда моего личного телохранителя заменяли более чем на день-два. Эмер – частично родная тетя Энтони, Винсент – фактически ее сын, так что их присутствие объяснимо.

Но впервые на это семейное мероприятие зовут меня. Конечно, было бы здорово развеяться, я ни разу не была в Скандинавии. Однако одного предложения Энтони мало, и я сложила руки в умоляющем жесте, обратившись к Винсенту.

– Я спрошу у Эмер и твоих родителей, – сдался Винс.

– Понятно, что последнее слово не за нами... А зачем у моих родителей?

Винс и Энт подозрительно переглянулись – и этот короткий обмен взглядами снова заставил мое сердце пропустить удар. Да, мама с папой всегда скептически относились к моим рабочим командировкам, особенно за тысячи миль от дома. Я знала, сколько сил было потрачено и пройдено врачей, чтобы я появилась на свет, но это первый раз, когда речь зашла о разрешении на путешествие от них...

Устав от недомолвок и этих молчаливых диалогов между ними, я сделала вид, что принимаю все как данность. Думаю, небольшой отпуск в Норвегии поможет отвлечься от странностей. Особенно обрадовала мысль, что смогу увидеться с двумя кузинами Энтони – их я вживую встречала только тогда, когда они прилетали к нам на большие праздники.

– Уверен, они не будут против, – махнул рукой Энт. – Так что готовьтесь – вылет через неделю.

– Надеюсь, теплые вещи не пригодятся? – наивно поинтересовалась я.

Парни вновь переглянулись и усмехнулись – в этой усмешке мне почудилось обещание прохладных ветров и частых дождей, от которых не скроешься даже в самой уютной куртке.

Вся неделя пролетела в предвкушении грядущей поездки. Мама с папой не высказали ни слова против, однако внутри меня намертво, точно лоза винограда, закрепилась уверенность в том, что этому поспособствовали уговоры мисс Валь, Винсента и, возможно, родителей Энтони – миссис Ингрэм и мистера Бьоргульв. Но я не хотела заикливаться на этом, поэтому сосредоточилась на сборах.

Вылет назначен на раннее утро. Пока город неспешно поглощала ночная мгла, я решила еще раз перепроверить содержимое чемоданов. Синоптики обещали высокую влажность и температуру ниже двадцати градусов, так что следовало удостовериться, что свитеров и флисовых кофт взято достаточно.

– Не забыла термобелье? – раздался голос мамы, которая бесшумно вошла в комнату.

Я, не поднимая глаз, на мгновение задумалась, но быстро припомнила, куда сложила купленные комплекты (спасибо мисс Эмер – на неделе она прошла со мной по магазинам и помогла с выбором), и с гордостью расстегнула боковой отсек, демонстрируя аккуратно уложенные вещи.

Мама одобрительно кивнула, улыбнулась и опустилась рядом со мной на белый пушистый ковер. Она только что вернулась с работы и по пути решила заглянуть ко мне.

Отец, как обычно, задерживался в офисе – разбирал важные вопросы своей финансовой компании «Barlow Industries»⁶⁶, от которых я была безнадежно далека. Да и к маминому призванию – медицине, директорству в частной детской клинике – я была ни на фут ближе, хотя всегда восхищалась ее самоотдачей.

Когда содержимое обоих чемоданов было наконец проверено, между мной и мамой повисла неловкая, непривычная тишина. Мы возвышались над городом на десятки этажей, и ни уличный шум, ни мерцание огней не могли разогнать эту гнетущую паузу. Задача нарушить молчание ложилась на одну из нас.

– Помнишь тот вечер, когда ты вернулась из Франции и принесла за ужином ту фотографию? – как бы невзначай спросила мама, пока прочесывала пальцами снежно-белый ворс ковра. Ее карие глаза – точные копии моих – не отрывались от этого незамысловатого занятия.

Я мельком взглянула на ее ладонь. Как всегда, безымянный палец украшало помолвочное кольцо из серебра с бриллиантами и тончайшей гравировкой, а на указательном сияло другое – из белого золота с бордово-алым камнем и затейливым узором. Кажется, его тоже подарил

⁶⁶ «Барлоу Индастриз» (англ.). Название является авторским вымыслом и не имеет отношения к реальным объектам.

папа, но не припоминала, при каких обстоятельствах. Оно казалось неотъемлемой частью ее облика на протяжении всей моей сознательной жизни.

– Откуда она у тебя? – Мамин пронзительный взгляд, за которым она искусно прятала истинные чувства, переместился на мое лицо.

«Проболтаюсь, что была в Страсбурге, в том тайном коттедже Винса и Эмер, – и сегодня же придется искать нового телохранителя, а этого совсем не хочется...»

– А это важно? – с самым невинным видом поинтересовалась я.

– Анисса. – В ее голосе проскользнула едва заметная строгость, но за ней пряталось нечто иное, робкое, как самый первый подснежник, пробивающийся сквозь снежные руины пережитой зимы.

– Мама, – не сдавалась я, скрестив руки на груди. Защищаться до последнего! Ради Винсента!

Она, не сводя с меня того самого родительского взгляда, привычным жестом принялась перебирать пальцы. Касаясь одного из колец, она на пару мгновений задерживалась, поворачивая драгоценность. Я подметила это давно: маму что-то серьезно тревожило, тяготило, и нервозность проявлялась именно так.

Связано ли ее беспокойство с этим брюнетом с фотографии? Я дала себе слово забыть о нем, хотя бы на время, но тему заново разожгла не я. Однако маму срочно следовало отвлечь. И подсказка сама собой блеснула на ее указательном пальце.

– Ты, кажется, ни разу не рассказывала, откуда у тебя это кольцо, – кивнула я, указав подбородком на украшение.

Мама растерянно хлопнула ресницами, удивленная резкой сменой разговора, затем поднесла правую руку к лицу, рассматривая кольцо.

– Его подарил мне твой папа на нашей самой первой прогулке... Помнится, это был январь. Улицы красиво переливались от снега, мы неторопливо бродили, узнавая друг друга все ближе...

Пока она говорила, воспоминания вспыхивали живыми искрами в ее глазах, а губы тронула легкая улыбка. Тревога таяла под знойностью тех давних чувств, которые я могла лишь вообразить. Удивление захлестывало меня, заглушая ее рассказ. *Такой* подарок на *первом* свидании? Вот это да! Похоже, я знаю, о чем в срочном порядке должна буду расспросить у папы.

Мамину романтическую историю мы решили продолжить на кухне за чаем. Вернее, я заварила ей любимый черный чай с лесными ягодами – всегда держала на полке баночку-другую про запас, зная, что это будет точным попаданием в цель. Сама же, несмотря на скорый сон, приготовила слабый латте: кофейного привкуса в нем почти не ощущалось.

Мы как раз подходили к финалу рассказа, когда с работы вернулся папа. И не один, а вместе с Винсентом. Это показалось мне странным: сегодня у телохранителя был выходной, и я не ждала его в столь поздний час.

– Я уже ухожу, не буду мешать, – бросил Винс, едва я успела приблизиться и раскрыть рот, чтобы поздороваться.

– Винс, успокойся, ты нисколько не мешаешь...

Родители, будто почувствовав, что мне нужно поговорить с Винсентом наедине, бесшумно скрылись в глубине квартиры. Перед этим папа лишь коротко кивнул ему, а мама сердечно улыбнулась.

– Что вы обсуждали с моим отцом? – перешла в наступление я.

– Твою безопасность в незнакомой стране, разумеется, – ответил он чересчур поспешно и тут же шагнул к выходу.

Я в два прыжка оказалась у двери, загородив ему путь.

– Скажи, который день подряд вы это обсуждаете? – устало вздохнула я. – Напомню, однажды и Франция была для меня незнакомой страной. Но почему-то Норвегия беспокоит вас всех куда сильнее. В чем причина?

Мы буравили друг друга взглядами. На этот раз я не собиралась уступать, заставляя себя ни на миг не отводить глаз. Винсент недавно снял пластырь, и на месте, где когда-то красовался след от удара «качка», теперь была ровная, светлая кожа – ни желтизны, ни розоватости, словно ничего и не происходило в галерее. Чудо, на которое я предпочла закрыть глаза, как в случае с губой.

Но сегодня Винсент выглядел иначе. Его кожа казалась необычно бледной, на виске пульсировала тонкая жилка. Зрачки расширены, хотя в прихожей горел мягкий свет, а пальцы правой руки нервно сжимались в кулак и разжимались – будто он с трудом удерживал себя от какого-то внутреннего порыва. Глубокий вздох, который он издал, прозвучал почти как сдерживаемый стон, и я заметила, как мелкая дрожь пробежала по его плечам.

– Твои родители переживали, как тебя примут родственники Энтони. Но теперь все улажено, можешь сама у них спросить, – Винс мотнул головой в сторону кухни.

Слова звучали правдоподобно – в конце концов, это моя первая встреча с семьей Бьоргульв, не считая кузин Энтони, его тети Мален и отца, мистера Уильяма, – однако смутная тревога не отпускала меня. Та злополучная командировка в Париж сделала меня подозрительной до крайности. Казалось, каждый из близких что-то недоговаривает, утаивает нечто жизненно важное, словно часть меня самой.

– Мне срочно нужно уехать, но на завтрашние планы это никак не отразится, – отрывисто продолжил он и сделал шаг вперед, надеясь, что я посторонюсь. – Вы позволите, мисс Барлоу?

Куда это Винсенту понадобилось *уехать* на ночь глядя? Он же жил буквально в нескольких шагах от нас... Еще пару недель назад я бы не придавала этому значения, но теперь меня цеплял любой намек на странность.

– Анисса... – Его голос вдруг дрогнул, в нем послышалась такая глухая, тягучая боль, будто внутри разверзлась рана, которую он отчаянно пытался скрыть. По моей спине пробежали мурашки. Винсент шумно втянул воздух, но сведенные брови и плотно сжатые челюсти выдавали напряжение – нет, не просто напряжение, а почти физическое страдание. – *Пожалуйста.*

Я отступила раньше, чем успела осознать это. Его вид парализовал мою волю – в нем было что-то первобытное, нечеловеческое, что заставляло инстинктивно подчиниться. И когда я обернулась, дверь за телохранителем уже захлопнулась.

На пути к кухне, откуда доносились приглушенные голоса родителей, я попыталась успокоить дыхание. Завтра обязательно извинюсь перед Винсентом – может, он и правда приболел или просто вымотался, а я, поглощенная своими бесконечными подозрениями, только задерживала его. Он же ясно сказал, что все решено.

Проходя через гостиную, я задержалась у окон. Небо над городом раскинулось густой чернильной гладью, сквозь которую просвечивались одинокие звезды. Но все это великолепие затмевала полная луна – пока что лишь ее краешек, выглядывающий из-за серебряных облаков.

Стоило переступить порог кухни, как родители мигом застыли – будто их коснулись параличом. Ни звука, ни движения. Я наблюдала за этой застывшей сценой, и только пар, поднимавшийся от их чашек к потолку, подтверждал, что время не остановилось. Подойдя ближе, я широко распахнула глаза: на столе лежала та самая фотография. Как она у них оказалась? Я же спрятала ее в спальне и не доставала последние дней семь.

Я безотрывно вглядывалась в снимок, медленно опустившись на стул, затем сделала глоток заметно остывшего латте, чтобы смочить пересохшее от напряжения горло.

Мама перевернула фотографию и протянула мне обратной стороной. Я нахмурилась, увидев перед собой не пустое белое поле, а текст, выведенный знакомым почерком любимой начальницы:

«Долгожданный отпуск с Страсбурге! Р. С. Ник до сих пор просто на дух не переносит фотографироваться! Еле с моим отцом заставили его сделать несколько несчастных снимков на найденный полароид. Высылаю из трех самый удачный. Р. Р. С. Поцелуйте малышку Аниссу за нас!»

Ошарашенная, я сначала уставилась на сидящего напротив отца. Он внимательно смотрел на меня, уперев подбородок в сцепленные в кулак ладони – абсолютно статичный и невозмутимый, в отличие от мамы. Она медленно потирала лоб, устало прикрыв веки. Интересно, почему они вспомнили о фото именно сейчас? Или все это время готовились и наконец решились? Думаю, так и есть – раз мама принесла свой снимок.

Я вздрогнула, когда отец сменил позу: вальяжно откинулся на спинку стула и закинул правую руку на нее. Пальцами левой он принялся мерно постукивать по столешнице. Обычные движения, но в эту секунду они казались мне пыткой – словно плети, рассекающие душу.

– Вы были в Страсбурге, – начал отец, констатируя факт.

Медленно кивнула, опустив взгляд.

– Эмер не посылала вас туда, – продолжил он все тем же спокойным тоном. – И какая причина побудила отправиться в этот город?

«Спрашивал ли он об этом Винсента? Что будет, если я солгу, но во благо?»

Папа шумно выдохнул. Стук пальцев прекратился.

– Не нужно сочинять историю, которая, как ты думаешь, успокоит нас с мамой. – Его голос оставался мягким, располагающим, будто мы обсуждали планы на выходные. – Винсент все рассказал.

От этих слов кровь ударила в виски, в ушах зашумело так, что на добрых секунд десять я просто забыла, как дышать. Сердце колотилось с бешеной скоростью, перед глазами поплыли темные круги. Собравшись с силами, я постаралась вернуть контроль. Винс хотел уберечь меня от опасности, которую я сама не разглядела. Да еще и угодила на глаза тому рыжему незнакомцу, с которым у них был конфликт. Я не позволю, чтобы из-за моей глупости Винс лишился работы!

– Точно *все*? – уточнила я, наконец обретя голос.

Папа приподнял бровь, и я затараторила, чувствуя, как паника заливает каждую клетку:

– Не сомневаюсь, что Винсент, как обычно, взвалил все на себя! Но он знатно переволновался за мою безопасность, вы просто не представляете как! Все было бы в порядке, если бы я просто послушалась его! – Я резко вскочила из-за стола, хлопнув ладонями по столешнице. – Скажи, что ты не собираешься его увольнять? – Внезапное озарение обожгло меня. – Может, поэтому он сейчас был сам не свой? Такой бледный, нервный...

– Анисса, милая, – ласково вмешалась мама, – все хорошо, правда. – Она обернулась к мужу: – Тристан, просила же не нагонять...

Я вопросительно изогнула брови, вновь впившись взглядом в папино лицо.

– Нет, я не увольняю Винсента. Более того, не отстраняю его от сопровождения вас в Норвегию. Просто провел ему сегодня... воспитательную беседу. Назовем это так.

Мама положила ладонь на его руку и крепко сжала. Они обменялись короткими, но полными любви друг к другу взглядами.

– Просто попрошу впредь не утаивать подобного, договорились?

– Договорились, – пообещала я и выдохнула с облегчением.

Но тут мой взгляд снова упал на фотографию – на ту самую зацепку, что привела родителей к правде, которую мы с Винсом так усердно скрывали. Молодая мисс Эмер и этот... Ник.

Родители, конечно, заметили, куда я смотрю.

Мамино лицо мгновенно помрачнело, точно небо Нью-Йорка сейчас, а папа, в знак поддержки, накрыл ее ладонь своей второй. В ее глазах метались сомнения: рассказать мне об этом брюнете или нет?

– Мой брат... Доминик... – с тоскливым вздохом произнесла мама, будто само имя вырвалось с болью. – Мы все любили его, но... – Секундная пауза растянулась в целую вечность. – Но его больше нет в наших жизнях, Анисса.

Холод пронзил меня с головы до ног. Слова о том, что человека с этого снимка больше не существует, никак не укладывались в голове. Сознание отчаянно противилось факту смерти дяди Доминика – и я не могла объяснить, почему. Новая загадка упала в бездонную копилку вопросов. Почему я только сейчас узнала о существовании родственника?

Ни бабушка Агнес, ни дедушка Фред ни разу не обмолвились о сыне. Младшем сыне, как я подозревала: маме на момент моего рождения было почти двадцать восемь, а дяде на этом фото явно меньше лет – не больше двадцати пяти. Максимум, они могли быть ровесниками.

Почему о нем все позабыли? Очевидно, он был небезразличен мисс Эмер – и Винсент тоже его застал, раз признал по фотографии.

Родители молчали.

«И это все? Даже не скажут, где он похоронен?»

Что-то здесь было не так. Однако мама с папой ясно дали понять: это все, что мне позволено узнать. Что ж, всяко лучше, чем ничего.

Я подошла к маме и крепко обняла ее. Эта история была усеяна подводными камнями, и давила на нее тяжелее всех прочих. Мне оставалось лишь поддержать ее, показать, что я рядом. Папа последовал моему примеру, а затем мягко поцеловал ее в висок.

Мы посидели еще немного, обсуждая нейтральные темы, чтобы дать всем прийти в себя. И уже под самый конец, после едва заметного кивка отца, мама сняла с указательного пальца то самое кольцо с рубином и вложила его мне в ладонь. Драгоценный камень тускло блеснул в свете кухонной лампы.

На мой удивленный взгляд она ответила лаконично, но с такой теплотой, что у меня защемило в глазах:

– Пусть частичка нас бережет тебя, где бы мы ни были.

Глава 12. Адмет

Б

лагоухание крови пропитало за последние дни каждый квадратный сантиметр коттеджа де Лекён. Тягучее, медово-сладкое... оно въелось в обивку кресел, пропитало страницы книг в библиотеке и, казалось, сочилось даже из каменных стен подвала. Именно по этой причине я предпочитал утолять свою жажду на открытой местности, где порывистый ветер вмиг уносил бы за собой эту дразнящую, выворачивающую нутро ароматику.

Здесь же, в четырех стенах, поневоле задумываешься о его примечательной терпкости, отчего клыки предательски зудят, едва ли не требуя впиться в чью-нибудь сонную артерию, чтобы насытиться тем горячим источником, что из века в век поддерживает мое существование.

Впрочем, подобные мысли давно меня не пугали, да и вообще не трогали. Мы, такие как я, свыклись с голодом. Это чувство лишь притуплялось, но никогда не исчезало окончательно, сродни старым шрамам от вражеских копий и мечей, покрывающим мое тело. Эти отметины – все, что осталось у меня от тех далеких человеческих лет; и, по правде говоря, я был даже рад, что они сохранились и после моей фактической смерти.

– Он еще не вернулся с *прогулки*? – поинтересовался я у соклановца, что шел ко мне навстречу по длинному, увешанному картинами коридору.

Тот отрицательно мотнул головой и, не произнеся ни слова, бесшумно скользнул дальше.

Было отчасти странно видеть весь наш клан почти в полном сборе. В плане управления мы с Деметрием кардинально расходились во взглядах. Дем никогда не позволял своевольни-

чать и требовал, чтобы каждый находился от клана не далее чем на расстоянии слышимости. Мне же и без того хватало забот со времени его таинственного исчезновения, потому считал ввязывание в тотальный контроль над каждым вампиром – делом хлопотным и, сказать честно, утомительным.

К черту. Я ни на мгновение не сомневался в преданности тех, кто сейчас находился под этой крышей. Прибыли сюда по первому же требованию. Правда, не все: мы по-прежнему ожидали нашу младшую, Делайлу. Именно она первой изъявила желание передохнуть от бесконечных межклановских дрызг и политических интриг, и я без раздумий позволил ей эту маленькую слабость. Клодетт, как всегда, в своем репертуаре, тотчас попыталась высказать мне свое недовольство, намекая на опасность подобного попустительства. Однако я быстро пресек ее попытки тотальным игнорированием – старый, проверенный метод, который действовал на нее безотказно.

Уже которое десятилетие она пытается подпортить репутацию Делайлы, и должен признать, однажды ей едва не удалось казнить соперницу руками самого Деметрия. Я уже приготовился, как обычно, заступиться за нее, понимая, что вина Делайлы – обращение Тристана Барлоу в одного из нас – по всем законам тянула на ежесекундную казнь.

Однако в тот раз Деметрий так и не нашел в себе отваги решиться на этот шаг. Хотя за долгие века я не раз становился свидетелем того, как он казнил соклановцев за куда менее серьезные проступки. Делайла в самом деле была любимицей Дема, чуть ли не приемной дочерью, и Клодетт это, разумеется, безумно злило.

Меня же в данный момент злило только одно – странное спокойствие Оберона. Ликанпир не удосужился предоставить нам никакой дополнительной информации: он лишь сухо посоветовал мне поскорее собрать клан воедино и терпеливо ждать. Смешно, право слово.

Обещанный акт возмездия от Колетт ориентировочно запланирован на конец недели, которая уже наступает нам на пятки, а мы даже не знаем, в какой именно стране предстоит этому воспрепятствовать! Упускать столь прекрасную возможность захватить противницу не хотелось.

Бесцельно бродя по коридорам в ожидании Делайлы и Оберона, я сам не заметил, как уперся в тупик – а именно во вход в злосчастную гостиную, ту самую, где больше недели назад испустила дух Жад. Будоражающий все мое естество аромат свежей крови сочился из щелей и под дверным проемом. Кто-то из клана, судя по всему, привычно утолял жажду за счет прислуги.

– Не желает ли наш достопочтенный глава присоединиться к пиршеству? – раздался из-за двери вкрадчивый голос Микаэля.

Я лично обратил его по приказу Деметрия незадолго до нашего отбытия в Америку, где позже мы и повстречали Делайлу. Сынишка-виконт⁶⁷ нашего давно почившего фамильяра – итальянского графа Соломона Дамори – поначалу не вызывал во мне ни малейшего интереса; однако, к моему удивлению, он оказался ищейкой поистине выдающейся, а его способность скрытно добывать информацию не раз выручала нас в самых щекотливых ситуациях. По силе он не блистал, но другие способности с лихвой компенсировали данный изъян.

Компанию ему, как я почувствовал еще до того, как переступил порог, составляла Клодетт – на то намекал узнаваемый шлейф ее дурманящих духов. Мне в любом случае нужно было побеседовать с этими двоими, а потому я без колебаний принял приглашение.

Картину, представшую передо мной, я застал куда более... увлекательную, нежели все те изученные полотна на стенах дома, оцениваемые в сотни тысяч евро. Микаэль, неизменно предпочитающий хлопковые рубашки, расшитые жилеты и безупречно отутюженные класси-

⁶⁷ Виконт – почетный дворянский титул в Западной Европе, стоящий в иерархии выше барона, но ниже графа. В прошлом такие люди помогали графам управлять землями или заменяли их.

ческие брюки, стоял ко мне спиной. Его черные, уложенные гелем волосы блестели, словно отполированные лоферы на его ногах.

Стройные ноги уже хорошо знакомой мне русоволосой горничной были уверенно скрещены у него на уровне талии. Ее разорванная рубашка – мелкие перламутровые пуговицы от нее валялись чуть ли не у самых моих ног – местами пропиталась бордовой кровью. Микаэль жадно припал к ее шее, и я отчетливо слышал каждый его глоток – долгий, полный животного наслаждения. Горничная тихо постанывала, ее закрытые глаза изредка содрогались в такт пульсирующей вене; руки, которыми она опиралась о столешницу, почти не держали ее, но Микаэль уверенно придерживал молодую женщину за макушку одной рукой и за тонкую талию – другой, не давая сползти на пол.

Вдоволь насмотревшись на это зрелище, я медленно повернул голову направо.

Клодетт с невозмутимым, почти скучающим видом стояла у окна, откуда открывался вид на часть оранжереи, бликующей от еще нежарких лучей восходящего солнца. Она лениво потягивала из хрустального бокала для вина очевидный напиток – густую, темно-алую жидкость, взятую у другой прислуги. Понять это было незатруднительно: группа крови была иной, не той, что пил Микаэль. Более пряной и с иным металлическим оттенком.

– Советую поторопиться с завтраком, Адмет, а то ничего не останется, – с легкой, чуть ленивой иронией сказал Микаэль, не отрываясь от шеи горничной.

Я неспешно обернулся на его голос.

– Благодарю за беспокойство, но я уже подкрепился одним из охранников покойной де Лекён. Здесь я по другому делу.

Микаэль сосредоточился после последних слов и, резко высвободившись из ослабевших объятий женщины, ступил ко мне. Горничная, внезапно лишившись опоры, едва не рухнула с края стола – ее ватные, подкашивающиеся ноги отказались держать тело, и она бессильно осела прямо на паркет, судорожно хватая ртом воздух.

Впрочем, просидела она недолго. Микаэль полуобернулся, коротко и властно свистнул и едва заметно качнул головой в сторону выхода. Эйфория, в которой она пребывала всего минуту назад, испарилась без следа, уступив место ледяному осознанию всей ситуации. С выпитыми силами и опущенной головой, покачиваясь и стыдливо придерживая рукой разорванную рубашку на полуобнаженной груди, она поспешно покинула помещение.

Я проследил за ее паническим бегством, затем перевел взгляд на Микаэля.

– Надеюсь, вы не забыли, что я говорил по поводу людей? – спросил я, чеканя каждое слово. – Все они должны остаться в живых. Так что будьте добры, не переусердствуйте.

– Ты об этом хотел поговорить? – раздраженно бросила Клодетт. Я встал боком, поворачивая к ней лицо, и вопросительно изогнул бровь. – Может, лучше обсудим молчаливого волчонка Рони?

Микаэль усмехнулся, обнажив кончики клыков:

– А я все голову ломал, какую же кличку дать нашему дворовому псу... Grazie mille!⁶⁸

– Всегда пожалуйста, – закатив глаза, процедила она и залпом допила остатки жидкости из бокала, после чего с глухим стулом поставила его на подоконник.

Клодетт так вела себя, будто мне доставляло истинное удовольствие торчать здесь, пока ее сестрица плетет против нас искусные интриги, день ото дня вливается в доверие Совета и параллельно разжигает войну с ликанами, в ход которой мы пока не можем вмешаться. Вместо решительных действий мы только и делали, что бесконечно тренировались, предавались кровавым пиршествам да слепо ждали чуда от Оберона.

⁶⁸ Большое спасибо! (ит.)

Скажи о дьяволе – и он явится. Так и вышло: стоило вслух помянуть ликанпира, как за пределами гостиной мы отчетливо уловили скрип распахивающейся входной двери, а следом – мерные, вальяжные, чуть тяжеловатые шаги, неспешно приближающиеся к нам по коридору.

– Я снова с вами! – бодро, почти театрально, влетел Оберон, с грохотом распахивая дверь гостиной.

Остановившись у самого стола, он на мгновение прикрыл глаза, с явным наслаждением расправил плечи, глубоко шумно втянул ноздрями воздух и на протяжном выдохе проронил:

– Ах, чудесное утро всегда начинается с чудесного *завтрака*...

Выглядел он молодо, но на висках проглядывалась тонкая серебристая проседь, которая медленно исчезала. В этой комнате мы уже однажды лицезрели с Клодетт, какой такой «завтрак» способствовал этому. Оберон в общих словах пояснил ключевое о своей способности: чем больше крови и плоти он поглощает, тем дольше сохраняет эту цветущую форму. Без подобной подпитки он со временем превратится обратно в старика, едва волочащего ноги. А старик мне откровенно бесполезен, потому я позволял ему пользоваться людьми из коттеджа наравне с остальными соклановцами.

Под нашими пристальными взглядами Оберон ненавязчиво проследовал к низкому столу и принялся неторопливо перебирать граненые бутылки, придирчиво изучая этикетки, словно выбирал не просто напиток, а настроение на ближайший час. В конечном счете его пальцы остановились на тяжелой квадратной посудине с темно-янтарным коньяком – он с явным удовольствием откупорил пробку, плеснул себе добрую порцию в пузатый бокал и, прежде чем отпить, с наслаждением вдохнул терпкий древесный аромат.

– Поражаюсь тому, как непосредственно он держится в нашем присутствии, – не удержалась Клодетт, нарушая затянувшееся молчание. – Неужели такие еще встречаются?

– Встречаются, конечно, встречаются, – лаконично ответил я и, сложив руки за спиной, не спеша направился к окну, чтобы изучить обстановку снаружи.

Между плотных стволов старых дубов то и дело мелькали темные фигуры наших патрульных, бесшумно скользящих по влажной траве. Правее, в прозрачных стенах оранжереи, я заметил нескольких представительниц женской половины клана – они, судя по всему, искренне полюбили причудливые экзотические растения, выращенные с трепетной заботой.

Факт, что оборотни приходят в неистовство при одном лишь упоминании вампира, столь же тверд и непреложен, как сила притяжения. Однако мне довелось повидать и тех, кто выбивался из общего правила. Взять хотя бы лисицу Эмер Бьёр. Как старательно она держала лицо, казалась непреклонной и холодной, словно антарктический айсберг, хотя в душе, бьюсь об заклад, стгорала от животного страха, что внушал ей сидящий напротив Деметрий на давнем благотворительном вечере.

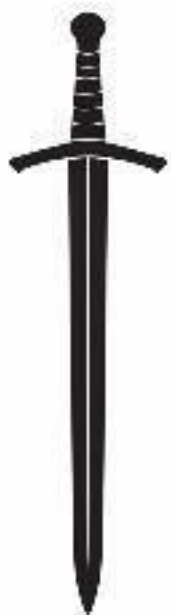
Или другой представитель стаи лис – Винсент Валль. Самонадеянный дурак, чья дерзкая попытка «вразумить» меня, поддеть острым словом, вызывала если не уважение, то хотя бы сдержанное любопытство. В нем чувствовалась затаенная сталь.

Новая мысль захлестнула сознание, и я полностью ушел в нее, перестав вслушиваться в оживленную дискуссию, которую за моей спиной затеяли Оберон, Клодетт и Микаэль.

Стая Валль значилась одной из первостепенных целей в списке Колетт. Этот самый Винсент наверняка окажется в эпицентре грядущей резни, и я ни в коем случае не должен допустить его гибели – хотя бы ради того, чтобы добраться до Аниссы. Ее фамилия беспощадно била по самым старым, полузабытым струнам памяти. Та ли она Барлоу или я вообразил себе невозможное?..

Я непроизвольно улыбнулся. Интересно, этот лис и впрямь думает, что их побег из парижского отеля остался незамеченным? Неужели он настолько наивен, что полагает, будто километры способны отвратить меня от желания докопаться до правды о необычной силе его спутницы? Я позволяю ему принимать меня за обведенного вокруг пальца идиота, но лишь

до того мгновения, когда поверженная Колетт падет к моим ногам. А тогда я возьмусь за эту загадку всерьез.

Пусть Колетт и преумножила свою армию, но наш клан был старше, а значит, сильнее и опытнее в бою. И все же на каждого нашего соклановца приходилось как минимум трое врагов, и, чтобы не тратить время попусту, мы обсуждали тактику. Во всех вопросах, касающихся сражений, я принимал непосредственное участие – и благодарить за это стоило суровую школу народных ополчений, которые мой вождь собирал всякий раз, когда требовалось совершить очередной опустошительный поход или отстоять племя от бесконечных вражеских набегов.

Сколько воды утекло с тех пор... Тогда моя родина – дикая, покрытая снегами и соснами Финляндия – представляла собой лишь разрозненные племена, грызущиеся меж собой за клочки замерзшей земли. А теперь это полноценное государство.

– Я буду действовать сам, – перебил мои раздумья Оберон своей категоричностью.

Мы втроем переглянулись, пока ликанпир, сидящий напротив вразвалку, лениво отпил очередной глоток коньяка.

– Ты хоть одного вампира сможешь одолеть? – не скрывая ядовитой усмешки, уточнил Микаэль. Он стоял по левую руку от меня и небрежно ткнул пальцем в один из листов с набросками позиций и расписанием сил. Смотрел на Оберона сверху вниз, с едва скрываемым высокомерием. – Понимаю, выпивка плохо влияет на концентрацию, поэтому подскажу, куда именно следует смотреть. И ты действительно настолько уверен в своих силах?

– Говорит мне один из самых младших в собственном клане, – усмехнулся Оберон, не сбрасывая этой дурацкой ухмылки с лица. – Да даже я прожил дольше тебя, как и большая часть наших противников. Так что пересмотри-ка *свою* самонадеянность, *rote*⁶⁹. – Он подался корпусом вперед, и его голос стал чуть тише, но от того лишь острее. – Кстати, все спросить хотел...

⁶⁹ Дружище (фр.).

Когда ты стал, ну, *этим самым*, у тебя хоть начинался пубертат? А то терпеть насмешки от с виду зеленого юнца мне, признаться честно, в новинку.

Клодетт, сидящая дальше всех, в левой части овального стола, издевательски-медленно, с расстановкой, хлопнула в ладоши. Ровно три хлопка. Кажется, это был первый раз за последнее время, когда уголки ее губ приподнялись вверх, а не искривились в привычной гримасе презрения. Похоже, дерзкий ответ Оберона пришелся ей по вкусу.

– Figlio di puttana⁷⁰, – пробурчал Микаэль, уставившись в столешницу.

Меня же вся эта перепалка откровенно утомляла. Внутри закипало желание оборвать их в один миг и напомнить о том, что положение нашего клана и благополучие Дема зависят от хладнокровия, а не от детских перебранок, – но я предпочел промолчать, сохраняя ледяное спокойствие. Слова были пусты; гораздо важнее оказалось то, что зацепило мой слух.

Подозрительный шорох, доносившийся откуда-то за пределами здания, мгновенно отвлек меня от разговора. Звук был странным – будто по земле волокли что-то тяжелое, неуклюжее, с трудом преодолевающее сопротивление гравия и корней. Я замер, прислушиваясь, и все посторонние голоса для меня померкли.

Долгой развязки ждать не пришлось. Еще на подходе к нам, за стенами, послышалось, как члены клана приветственно окликают кого-то по имени, а затем пропускают ее – Делайлу, – за которой, точно шлейф платья, волочилось нечто тяжелое.

Я решил выйти первым, чтобы собственными глазами увидеть, что же такого важного она притащила. От увиденного брови сами собой поползли вверх. Делайла, с виду такая хрупкая девушка, с невозмутимой легкостью вышагивала вперед, покачивая бедрами и звонко отбивая ритм тонкими шпильками, при этом одной рукой она без видимого усилия придерживала за шиворот бессознательного вампира.

«Стало быть, вывернула ему шею, – равнодушно отметил я, заметив неестественно запрокинутую набок голову незнакомца. – Да, вот даже позвонки в кожу упрутся».

Она остановилась в двух шагах от меня и приветливо улыбнулась.

– Здравствуй, Адмет.

Я ответил сдержанным кивком и легкой улыбкой, которая, впрочем, нисколько не умаляла той позабытой радости, что я испытывал при виде нее. Эта девушка, бесспорно, внесла живительное разнообразие в наш клан, когда около трехсот двадцати лет назад стала его частью. Она разбавила монотонное море порядка каплями шалости и здорового пренебрежения к отжившим, скучным правилам.

Помню, мы быстро нашли общий язык – едва успели привыкнуть друг к другу, как обнаружили массу тем для бесед и почти полное единодушие во всем, что касалось сверхъестественного мироустройства. Конечно, окружающие не были слепы. Соклановцы молчали, но я без труда улавливал эту тихую, въедливую зависть: самую младшую Дем никогда не наказывал с той же суровостью, что остальных, а его правая рука, то есть я, чуть ли не нянчился с ней. На то имелись свои резоны, но правда не всегда предназначена даже для приближенных. У них и без того была своя, выгодная им версия.

Клодетт стала первой и, по сути, единственной, кто осмелился открыто высказать недовольство по поводу «особенного» положения Делайлы. Сороковые годы девятнадцатого века, бал одного русского князя – тогда между девушками разразился громкий скандал, и разнимать их пришлось самому Деметрию и мне.

С тех пор, думаю, все усвоили одну истину: не стоит, по крайней мере в открытую, конфликтовать с Делайлой. Уважение ей, конечно, выказывали для галочки, когда Дем или я находились поблизости, но своими настоящими друзьями она могла считать лишь меня и, отчасти, Микаэля.

⁷⁰ Сукин сын (ит.).

– Мне дать распоряжение, чтобы... – начал я, бросив взгляд на бесчувственного вампира, но Делайла легким движением руки перебила меня, вновь привлекая внимание к себе:

– Не нужно, я сама.

Годы, проведенные вдали от клана, пошли на пользу даже бессмертной вампирше. Изменения были более чем заметны. Если раньше она напоминала выпцветшую фарфоровую куклу, то теперь буквально горела светом полярной звезды. Несвойственные для нее дерзкий макияж с акцентом на длинные черные ресницы, блестящий топ без рукавов, откровенно короткая кожаная юбка... Она даже добавила себе искусственные веснушки и затемнила брови с корнями волос, чтобы от природы седые пряди теперь казались частью продуманного образа, а не тем комплексом, который так долго ее мучил. Массивные бриллиантовые серьги и кольцо лишь подчеркивали ее серебристо-белую красоту.

– О, это же мой крестник! – Оберон, выглянувший к нам, то ли специально притворялся идиотом, то ли его удивление было в самом деле искренним.

Делайла вмиг посерьезнела и потащила бессознательное тело в гостиную.

– Простите за задержку, – бросила она на ходу, не глядя ни на кого, – пришлось отвлечься на шпиона.

Я зашел следом за ней и Обероном и плотно затворил дверь. Наконец все ключевые члены клана – и не только они – были в сборе.

– Что здесь делает Маэль де Лекён? – озвучила Клодетт вопрос, который вертелся на языке у каждого из нас.

Вернее, у всех, за исключением Оберона. Это было игрой с его стороны – ликанпир словно заранее знал, что его крестник рано или поздно объявится. Он опустил руку на колено рядом с Маэлем, запустил руку во внутренний карман своего пиджака и извлек брендированную флягу. Открутив крышку, поднес горлышко к приоткрытому рту парня. Темно-алая кровь тонкой лентой потекла из емкости, способствуя скорейшему восстановлению Маэля.

Ожидая, когда парень придет в себя, я вдруг вспомнил, как подруга Жад однажды перепутала меня с ним. Мы ведь совсем не похожи: лицо юного де Лекёна длиннее и с более жесткими, рельефными чертами, кожа еще хранит смуглый загар, в отличие от моей многовековой бледности, а про оттенки наших рыжих волос я и вовсе умолчу – они разнились, как медь и золото.

Когда фляга опустела, Оберон ловким, отработанным движением вправил крестнику шею, поднялся и отошел в сторону. И в тот же миг глаза Маэля распахнулись – светло-карие радужки вспыхнули алым пламенем, безошибочно выдавая статус новообращенного. Парень резво вскочил с пола, мгновенно оценил обстановку, число возможных противников – и уже собрался броситься на Делайлу, единственную, кого он узнал, но я моментально пресек его порыв. Схватив сзади за шею, я с достаточной силой впечатал его лицо в паркет, затем незамедлительно присел, уперев левую стопу прямо между его лопаток, продолжая держать за загривок.

– Спокойно, де Лекён. – Я чувствовал, как он отчаянно пытался вырваться, и потому холодно предупредил: – *Ne t'agite pas, sinon tu iras chercher ton échine dans les coins, comme des morceaux de puzzle*⁷¹.

Я ослабил хватку, чтобы он мог повернуть голову и говорить.

– *Qui êtes-vous, bordel?!?*⁷²

– Что вы возитесь с ним, – недовольно бросил Микаэль. – Он явно засланный казачок.

– Какой глава в здравом уме пошлет *одного новообращенного* на задание? – парировала Клодетт, скрестив руки на груди.

⁷¹ Не дергайся, иначе свой хребет будешь по углам искать, как кусочки пазла (фр.).

⁷² Кто вы, черт возьми?! (фр.)

– Я обучался в Манчестере и прекрасно понимаю вас! – проорал Маэль, и, уперев ладони в пол, еще раз попытался сбросить с себя мою ногу. – Где моя тетя? Крестный? Что вы сделали с ними?! ОТВЕЧАЙТЕ!

Я бросил короткий взгляд на Оберона. Ликанпир, с непривычно серьезным лицом, едва заметно качнул головой – так он просил меня не раскрывать мальчишке правду о том, что его любимый крестный вовсе не добрый дедуля, а оборотень-кровопийца, к тому же прикончивший его тетку Жад.

– Их больше нет, – тихо, но отчетливо произнес Оберон, подходя ближе и присаживаясь на корточки рядом с головой Маэля, чтобы тот мог видеть его глаза. – Твоя госпожа обманула тебя. Едва ты влился в ряды ее армии, как она отдала приказ избавиться от мадам де Лекён и месье Пети.

Пока Маэль ошарашенно и с тенью недоверия изучал непроницаемое лицо ликанпира, до меня наконец дошел весь рискованный замысел Оберона. Маэль явно поддерживал связь с остатками семьи, и когда мы с Клодетт впервые оказались здесь, ликанпир пошел ва-банк ради своей давней цели – уничтожения Колетт. Мальчишка, конечно, места себе не находил, когда родные перестали выходить на связь, и, видимо, сумел выпросить у госпожи разрешение на «отгул». Вот чего мы ждали все эти дни – прибытия Маэля, который по совместительству становился нашим информатором.

– А теперь послушай меня, – безмятежно продолжил Оберон. – Эти господа, – он обвел рукой помещение, указывая на нас, – помогут тебе отомстить, если ты поможешь...

– И зачем мне это?.. – перебил его Маэль бесцветным, пустым голосом. Даже тягу к сопротивлению потерял, и я отпустил его шею. – Вильруа нарушила уговор, и теперь меня ничто не держит в этом мире...

Уголки губ Оберона медленно поползли вверх – его ставка явно сыграла. Я готов был даже поплодировать ему, как недавно это сделала Клодетт.

– Ничто? Быть может... Но не *никто*.

Маэль нахмурился и с недоумением уставился на него.

– Понятия не имею, кто ты, но я слышу биение твоего сердца. Значит, если твой член функционирует также, как нужно, то тебе особого труда не составит оставить потомство. – Маэль горько усмехнулся. – Мои же шансы на это легли в могилу вместе со мной – и не так давно.

Странная усмешка все не сходила с лица Оберона.

– О, я представляю... да что там, знаю, сколько *шансов* у тебя было с горничными.

– Что?.. – вырвалось у де Лекёна.

Оберон перевел взгляд на меня. Я прищурился, пытаюсь угадать, что он выкинет дальше. Ликанпир жестом попросил поднять Маэля.

Что ж, будь по-твоему. Я убрал ногу, крепко схватил парня за предплечье и рывком поставил на ноги, не отпуская руки.

– Перед твоим отбытием с приспешниками Колетт и, соответственно, обращением, ты был весьма неравнодушен к... – Оберон сделал вид, что глубоко задумался, и для пущего эффекта пощелкал пальцами. Маэль шагнул ближе, но я лишь усилил хватку, не позволяя ему двинуться дальше. – Полин?

Разумеется, я успел ознакомиться с полным списком прислуги, который вела старшая горничная – та самая, которой недавно лакомился Микаэль. В штате действительно числилась некая Полин, но незадолго до нашего приезда в Сен-Клу она оказалась в больнице. Причина не уточнялась. Однако я уже догадывался, каким крючком этот хитрый ликанпир собирается подцепить юного Маэля.

– Мы и так ждали непозволительно долго, – махнул ладонью Оберон. – Поэтому томить не буду. Мадемуазель Полин в положении. – Он смело шагнул к ошеломленному Маэлю и хлоп-

нул его по плечу. – Поздравляю, будущий отец! Ставлю на девочку с прекрасными рыжими кудрями, как у тебя.

На несколько секунд в комнате воцарилась звенящая тишина.

– Если ты лжешь... – наконец обрел голос Маэль. – Я... даже представить не могу, что с тобой...

– Не успеешь, – отрезал Оберон. – Теперь я, с твоего позволения, проговорю условия. С тебя – вся известная на данный момент информация о замыслах Колетт касательно атаки на оборотней. С нас – по большей части с меня, – в какой больнице находится Полин. Мы даже позволим тебе навестить ее ненадолго. А еще ты избежишь участи своих братьев по крови: они падут, ты же останешься здесь. – Он взглянул на меня. – Верно, глава клана Деметрия? Мы помилуем юного де Лекёна за его преданность нам?

«Как все интересно развернулось...»

– Я даю свое слово, – без колебаний согласился я. Оберон заметно вырос в моих глазах.

– Все здесь присутствующие – свидетели этого.

Оберон кивнул и вновь уставился на крестника.

– И что ты выбираешь? Оговоренное будущее или окончательную смерть здесь и сейчас?

Маэль, осознавая, что попал в тупик мастерски выстроенного Обероном лабиринта, прикрыл веки и после короткой паузы глухо ответил:

– Я все расскажу...

III. Эмер

Г

лоток обжигающе-терпкого кофе, сделанный на пустой желудок, прокатился по телу Эмер бодрящей волной, разгоняя липкий туман усталости. Дремота уступила место кристальной ясности: очертания предметов обрели резкость, а лица случайных прохожих в зоне вылета перестали расплываться в серых пятнах. Бессонная ночь полнолуния давала о себе знать тяжестью в затылке и ломотой в суставах. Едва лисица-оборотень завершила мучительное превра-

щение и вновь стала человеком – как реальность уже грубо втолкнула ее в суету утра, требуя немедленно мчаться в аэропорт.

Она устало выдохнула, с нарочито безмятежным видом пригубила еще один спасительный глоток и рассеянно повернула голову к огромному панорамному стеклу. Взгляд скользнул по оживленной взлетной полосе: вот по бетонному покрытию целеустремленно чеканили шаг бортпроводники в безупречной униформе, рядом с ними, активно жестикулируя, спорили о чем-то пилоты, держа в руках планшеты с маршрутами. Неподалеку неуклюже ползали желтые тягачи, загруженные горой разноцветного багажа, а где-то далеко в вышине, на фоне светлеющего неба, уже набирал скорость пассажирский лайнер. Гул его реактивных двигателей нарастал, превращаясь в оглушительный рев и заглушая привычные звуки терминала.

– Ей будет намного безопаснее с вами, – негромко, но твердо произнесла Мелисса. Круглый столик кафетерия, заставленный чашками, служил своеобразным барьером между супругами Барлоу и Эмер, но троица отлично слышала друг друга. – Не важно, что напавший на Винсента... – женщина на мгновение скривила губы, словно пробуя лимон, явно не желая произносить это слово вслух. Оно было слишком осязаемым, слишком реальным, подтверждающим, что ужасы этого мира не канули в Лету вместе с их поверженным врагом Деметрием, а всего лишь затаились в тени, ожидая удобного часа. – ...вампира, похоже, не проявил никакого интереса к их преследованию вместе с Аниссой. Пусть хотя бы неделю, но ее будут окружать не обычные люди и один Винсент. Если за это время здесь не случится ничего подозрительного, мы сможем выдохнуть с облегчением.

Эмер задумчиво покивала, машинально поглаживая пальцами горячую кружку, и перевела взгляд за спины Мелиссы и Тристана. В нескольких метрах от них, за точно таким же столиком, оживленно беседовали Анисса с Энтони. Молодые люди явно увлеклись разговором, то и дело перебивая друг друга, а Винсент, с нескрываемым любопытством поглядывая на них, размеренно потягивал свой эспрессо маленькими глотками, стараясь не пропустить ни слова.

– Если рассказ твоего сына точен, то этот кровосос может относиться к этакого рода «гурманам», – задумчиво протянул Тристан, понизив голос до доверительного шепота. – Чтобы внести хоть какое-то разнообразие в свое унылое, однообразное существование, подобные индивидуумы забавы ради выбирают одну-единственную жертву. Подолгу следят за ней, отказываются на этот период от других людей, чтобы в назначенный час получить извращенный экстаз от утоления голода той самой кровью, которую они так трепетно «вызревали». Если это действительно так, то наша дочь, по сравнению с первоначальной целью кровососа, просто не должна была его зацепить, будучи лишь случайной деталью в его плане.

Мелисса непроизвольно провела кончиками пальцев по участку своей шеи, скрытому густыми темно-каштановыми кудрями. Там, под прядями волос, хранились две тонкие полоски шрамов – укус Деметрия, оставленный в тот зимний, пропитанный ужасом вечер много лет назад. Да, со временем рубцы побледнели и стали практически неразличимы на светлой коже, но стоило ей вновь сконцентрироваться на них, как разум тотчас наполнялся диким ужасом, а по спине пробежал холод. Она ни за что на свете не допустит, чтобы ее дочь испытала хотя бы малую толику того ада, который пережила сама.

– Я искренне хочу верить в это, – прошептала она, поднимая на мужа взгляд, полный боли и надежды. – Но лишняя предосторожность еще никому не вредила. Особенно когда речь идет о нашем единственном ребенке.

– Знаю, Лисса, – Эмер наклонилась вперед через стол и накрыла своей теплой ладонью сцепленные, побелевшие пальцы подруги. В ее жесте чувствовалась искренняя поддержка. – Но скажи мне, разумно ли было дарить Аниссе то самое кольцо?

В этот момент пространство зала прорезал шум активных шагов и звонкий перестук враждующих колесиков чемоданов. Все трое синхронно обернулись на звук. Уильям, младший брат Эмер по материнской линии, и его жена Мэй, вынырнув из потока пассажиров, бодро

подошли к их столику и бесцеремонно присели на свободные стулья, явно подслушав последнюю фразу.

– Мою тетю не раз выручал подобный амулет, – вмешалась в разговор ведьма Мэй, бегло оглядывая старых друзей. – Кровь бессмертного, из которой состоят защитные камни, вампиры и энергопиры могут распознать, только если сильно сосредоточатся и будут целенаправленно искать источник.

– Да... – протяжно выдохнула Мелисса, подперев щеку ладонью. – Только вот брат при любом удобном случае жаловался, что это кольцо источает настолько сильную «вонь Тристана», что у него самого чуть нюх не отбивало.

Мэй тихо посмеялась, прикрыв рот ладонью, чтобы случайно не привлечь внимание подростков и Винсента, сидящих неподалеку.

– Думаю, это была исключительно его личная неприязнь и *особая* любовь к будущему зятю, – подмигнула ведьма Тристану, сверкнув озорным взглядом.

Обычно непроницаемое лицо мужчины наконец смягчилось в теплой, понимающей улыбке.

– На тот момент я был далеко не тем идеальным зятем, которого он хотел видеть, – хмыкнул Тристан, задумчиво почесав колючий подбородок. – Надеюсь, я не разбил ему сердце, безоговорочно предпочтя его сестру вместо него? – Он покачал головой. – Бедняга... Столько думал обо мне... Надо было подарить ему такое же кольцо на память. Для утешения.

Наступила короткая, но красноречивая секунда абсолютной тишины, когда все переживали сказанное. А затем пространство вокруг вдруг заполнил заразительный, неподдельный хохот всей пятерки, который звонко разнесся под высокими сводами зала. Этот взрыв веселья моментально привлек внимание не только Аниссы с Энтони и Винсентом, но и заставил обернуться удивленных пассажиров, спешащих на свои рейсы.

Рёсслюн⁷³ – всеми забытая норвежская деревушка. Вернее, таковой она оставалась до тех пор, пока волки стаи Бьоргульв вместе с лисами стаи Валль не были вынуждены покинуть насиженные места и искать новое пристанище. Так хвойные леса Салтдала сменились березовыми рощами Несбьена, на землях которого и приютилось это место. Домики подлатали и выкрасили в белые, красные, оранжевые, медовые и другие сочные цвета – теперь их аккуратные фасады яркими пятнами выделялись среди зелени берез и высоких горных хребтов, подпиравших небо. Широкое озеро обзавелось парой деревянных пристаней для любителей рыбалки.

⁷³ Рёсслюн (от норв. Røsslyng «вереск»). Название является авторским вымыслом и не имеет отношения к реальным объектам.

Вид этого места всегда поражал Эмер, будто она видела его впервые. И пусть время сейчас принадлежало предночью, здесь было заметно теплее, чем в том же Салтдале. Но разделяли это мнение далеко не все. Урожденная норвежка понимала это по Аниссе, Мэй и племяннику, привыкшим к душному, жаркому лету Нью-Йорка.

Компанию встретили несколько гамм волчьей стаи. Они тут же принялись – на ломаном, но вполне бойком английском – рассказывать о свежем ремонте в гостевых домиках. Анисса и Мэй с сыном внимательно слушали, пока волки провожали их. Уильям же не торопился нагонять остальных и жестом попросил сестру замедлиться. Винсент подметил это, тоже сбавил шаг, но, как истинный телохранитель, даже на дружеской территории не сводил взгляда со светлой макушки Аниссы.

– Ты ведь помнишь, что Аниссе придется уехать через неделю? Хотим мы этого или нет.

– Помню, Уильям, – вздохнула лисица. – Она сможет узнать об Альянсе только в том случае, если вы начнете размахивать перед ней когтями или грызть кости.

Ее брат прыснул.

– Эрнст всех предупредил, за это можешь не волноваться. Для девочки наши оборотни – обычные деревенщины, ненавидящие городскую цивилизацию.

– Да, на это очень даже смахивает, – усмехнулась она в ответ.

Уильям прибавил шаг и, поравнявшись с женой, приобнял ее за талию, шепча что-то ей на ухо. Мэй посмеялась и прижалась виском к его плечу.

Эмер задержала на них взгляд. Крепкие объятия Уильяма, темные кудряшки Мэй, прыгающие на его плече... Лисица была искренне рада за них, за Мелиссу с Тристаном, но найденное не так давно фото с ней и Домиником предательски вставало перед глазами. Он тоже мог обнимать ее и шептать на ухо ободряющие шутки, поддерживать, когда на разум обрушивались горестные воспоминания из далекого и не очень прошлого. Но этому не бывать по многим причинам. Казалось, Эмер давно свыклась с одиночеством, забыла, как когда-то сама находилась на месте Мелиссы и Мэй, наслаждаясь обществом Доминика. Интересно, как он сейчас? Вспоминает ли так же о ней или уже давно вычеркнул свою прошлую жизнь?

Эмер слегка покачала головой, отрезвляя себя, и спокойно шла за остальными. Сердце лишь разок защемило от этого положения вещей.

Деревушка тянулась вдоль озера примерно на километр. Пройдя дома, где проживали члены двух стай, компания добралась до гостевых домов. Эмер оценила косметический ремонт: цвет стал на порядок ярче, значит, не так давно обновили краску, черепицу очистили от налета мха.

– Для вас шестерых подготовили эти дома, – сказал один из гамм, указав большим пальцем позади себя на два строения: красный, отдающий кирпичным оттенком, и горчичный. Оба в два этажа с двухкаскадной крышей. Из дымоходов валил густой дым. О гостях хорошо позаботились, отопив дома заранее, чтобы не пришлось мерзнуть первую ночь. – Кто куда – решайте уже сами. Если что-то понадобится – обращайтесь к ночным патрульным.

Эмер заметила, как Анисса непонимающе вскинула бровь, но решила промолчать. Женщина поспешила ей тихо разъяснить, пока Уильям уточнял у гаммы что-то другое.

– Здесь нет полиции, поэтому деревню днем и ночью охраняют местные. Да, от ближайшего города до нас приличное расстояние, плюс все знают друг друга и соблюдают правила, но... так просто необходимо.

Девушка чуть улыбнулась.

– Мне стоило самой догадаться. Долгие перелеты... Отосплюсь, и буду соображать лучше.

– Конечно, – ласково согласилась Эмер и ободряюще погладила ее по плечу.

Пусть Доминика нет рядом, частички его все еще были в жизни Эмер – его сестра Мелисса и племянница Анисса. Она любила их обеих, как часть семьи, и в который раз, точно мантру, напомнила себе защищать их и оберегать.

Когда гаммы ушли, компания почти не сговариваясь выбрала, как будет делиться. Мэй, Уильям и Энтони поселились в горчичном доме. Эмер, Винсенту и Аниссе оставался кирпичный. Он располагался дальше всех от озера – к северу и горам. Эмер такой вариант устраивал. Винсента, кажется, тоже. Риск, что Анисса засечет оборотней за необычными тренировками или разговорами про Альянс Ликанов, был равен нулю: пока она доберется до ближайших волков или лис, те заметят ее запах или услышат шаги.

Будучи здесь не первый раз, Эмер и Винсент провели девушке небольшую экскурсию по дому, приготовили быстрый ужин – норвежское тако очень выручило от голодного обморока, как они пошутили, – и отправились спать.

Глава 13. Анисса

У

тро началось с небольшого дождя. К счастью, он прекратился сразу же после завтрака, оставив на деревянных перилах мелкие капли и запах мокрой земли. Едва морось перестала сеяться с неба, Энтони предложил прогуляться и зайти в гости к его родственникам.

Я охотно согласилась, зная, что первым же делом мы навестим миссис Мален и ее дочерей. Для них троих я прихватила символические подарки – средства по уходу и декоративную косметику от кое-каких знаменитых брендов: они показались мне очень кстати. Я накинула легкий плащ, сунула подарки в сумку и поспешила на выход.

– Ты точно не обижаешься на то, что тебе придется улететь раньше нас? – решил, наверное, в сотый раз переспросить Энтони, пока мы шли вдоль берега и вдыхали сырой озерный воздух.

– Точно, – дружелюбно ответила я, но не могла не закатить глаза. – У вас же планируется какое-то семейное мероприятие, если я ничего не путаю.

– Ага, что-то вроде того, – кивнул он.

Причин расстраиваться или обижаться у меня не было. Меня же предупреждали, и не раз. А так как времени у меня было меньше, чем у остальных, я поставила себе четкую цель: как следует здесь оторваться. Соглашаться на любые предложения – пусть даже безумные: вскарабкаться на гору без страховки или устроить плавательные соревнования прямо в этом озере. Хотя, думаю, Винсент не позволит мне заниматься подобными вещами.

– Расскажи об этом месте, – попросила я, решив отбросить старые темы и раствориться в Рёсслюнге. Чтобы хоть ненадолго, но заглушить навязчивые мысли о дяде Доминике, в смерть которого я все еще не могла поверить.

Энт призадумался. Он посмотрел на горы, потом на воду, словно искал слова.

– Здесь... прохладно, а еще... есть высоченные горы! – Он резко вскинул руки, едва не задев меня.

– Дурак, – хихикнула я, ткнув кулаком ему в плечо. – А что насчет того, что не так очевидно даже мне?

– Особо и рассказывать нечего, – пожал он плечами, пряча руки в карманы ветровки, накинута на худи. – Население – человек сто. Больниц, супермаркетов и полицейских участков здесь нет. За жизненно необходимым местным приходится выбираться «в люди», а ближайшее такое место – одноименный городок Несбьен.

Я немного помолчала, разглядывая пейзаж и попадавшие по пути домики местных жителей. Так тихо и умиротворенно... Никакой суматохи, присущей мегаполисам. И воздух – такой свежий, чистый. Он ложился на кожу морозным велюром.

– Рёсслунг – это уголок интровертов, – заключила я.

Друг усмехнулся:

– Можно и так сказать.

По дороге все, кого мы только не встречали, так или иначе здоровались с нами. Больше с Энтони, со мной же после недолгого изучения. Взгляды скользили по мне, оценивали, но без неприязни, скорее с любопытством. После следовал немой кивок, краткие «*moen*»⁷⁴ или «*hei*»⁷⁵, а порой и почти полноценный разговор. Видимо, семью Бьоргульв здесь знали не понаслышке. Может, кто-то из них заседал в местном самоуправлении? Или вообще занимал пост старосты? Во всяком случае, лезть с расспросом я не стала. Энтони или его отец, вроде, о таком не заявляли. Да и, честно говоря, какое мне до этого дело?

Дом младшей тети Энтони почти не отличался от соседних или от гостевых, в которых нас поселили вчера. Разве что был чуть более вытянутый – за счет количества комнат. Выбивался и цвет досок: дерево выкрашено в графитовый, почти черный, и от этого дом казался строже. Перед входной дверью находилась терраса, закрытая стеклянными панелями.

Внутри, за столиком, неспешно пили чай и беседовали знакомые и не совсем люди: Эмер, Мален, Уильям и еще двое мужчин. Лиц их я не могла разглядеть – они сидели спиной к нам.

– А я думала, куда так рано ушла мисс Эмер...

– Семейное чаепитие в кругу братьев и сестер, – пояснил Энт, тоже наблюдая за ними. – Напротив Эмер – мой старший дядя, Эрнст. Справа от него младший – Ариан. Моих тетей и папу ты уже и так прекрасно знаешь.

Я покивала, впившись взглядом в затылки мужчин. Их темные волосы заметно разбавила седина, будто в них затерялся утренний туман. Но, несмотря на почтенный возраст – кажется, обоим уже под шестьдесят, – сквозь водолазки отчетливо проступали тугие мышцы и широкие плечи. Спины ровные, ни малейшей сторбленности; от них веяло спокойной силой, границы которой невозможно было понять. Настоящий пример для подражания.

В какой-то момент я поймала себя на мысли, как повезло лучшему другу. У него есть и дяди, и тети, с которыми выстроены теплые, прочные отношения. Полная противоположность тому, что творилось в моей семье, где о единственном дяде не проронили ни слова за все эти годы, будто он был серийным маньяком. Хотя даже о таких вырождаках вспоминают куда чаще. Но если бы мамин брат действительно был ужасным человеком, вспоминала бы она о нем с такой тоской во взгляде, а мисс Эмер признавалась бы, что любила его?

Ну вот, опять я об одном и том же... Нужно отвлечься. К счастью, в этом могли помочь вышедшие из дома кузины Энтони.

⁷⁴ Утро (норв.).

⁷⁵ Привет (норв.).

– Hei hei! – дружелюбно крикнула младшая из них, Катрине, и помахала нам ладонью. Яркая и открытая, как солнце, тепла которого не хватало этому месту, но одна улыбка на ее круглом личике с лихвой компенсировала непогоду.

Адела же, в сравнении с сестрой, походила на луну – строгую и статную. Чем-то она даже напоминала мадемуазель Клодетт, с которой мне удалось перекинуться словами на открытии галереи. Светлая кожа, утонченные черты лица, тонкие, чувственные брови. Только вот взгляд подруги переливался жизнью, когда как в глазах француженки будто бы застряла вечная и беззвездная ночь. Сами же сестры были схожи лишь золотисто-каштановыми волосами.

– С приездом, – сдержанно улыбнулась Адела, пока Катрине чуть ли не налетела на меня, желая поскорее обнять.

В последний раз мы виделись вживую весной, на ее двадцатидвухлетие, и чуть позже отпраздновали двадцать пятый день рождения уже Аделы.

– Я здесь лишний? – усмехнулся Энт.

Катрине повернула к нему голову, не спеша отпускать меня из своих теплых объятий, и ответила:

– Тебя, *min kjære fetter*⁷⁶, я вижу в разы чаще в тех же видеозвонках. Дай хоть на чуть-чуть взглянуть сперва на другое лицо.

– К тебе-то хотя бы подошли, – лукаво произнес взявшийся непонятно откуда Винсент. – А меня они со вчерашнего вечера избегают.

Адела фыркнула:

– Не выдумывай, Полярный Лис. В эту ночь мы были в патруле, а там не до разговоров, знаешь ли. Дуться такому взрослому мужчине уже не к лицу.

Винс приподнял руки в примирительном жесте.

«Не знала, что и Адела с Катрине патрулируют деревню по ночам... Похоже, это обязанность каждого здесь проживающего».

Сестры позвали нас домой. После недолгого чаепития и дарения подарков от меня нас ожидал укорененный в норвежской культуре фрилуфтслив⁷⁷. Знакомство с ним начали с пешей прогулки в березовом лесу. Протоптанная тропинка вывела впоследствии к небольшому подъему в гору. На самую высь мы не взбирались – натренированные опытом и выдержкой сестры и телохранитель пожалели «хлипких подростков» в лице меня и Энтони, – но даже с той невысокой точки, куда хватило взобраться сил, Рёсслунг оказался открытым, как на ладони: поле цвета старого бутылочного стекла, частично скрытое лесом и украшенное водами озера, отливающего оловом и бирюзой. Дополняло все дома – горчичные, темно-красные, беленые...

После небольшого пикника с чаем из термоса и наскоро приготовленными бутербродами мы отклонились от маршрута. На пути нам попались болотистые места, окруженные кустами с причудливыми зеленовато-красными листиками, в которых росли забавные ягоды, чем-то похожие на слипшиеся оранжевые икринки. Поначалу я отнеслась скептически к этой «морошке» (кажется, именно так ее назвала Катрине), но вкус приятно удивил: кисловато-сладкий, отдающий земляникой и облепихой, такими знакомыми мне благодаря разнообразным чайным смесям, которыми меня нередко угощал Энтони или его мама.

Во второй половине дня мы прошлись вдоль озера, изредка задерживая взгляд на рыбаках. Как же мастерски они вылавливали очередную рыбку, будто гладь озера была прозрачнее стекла, отчего водному жителю было невозможно скрыться от прозорливого рыбака!

После ужина, когда на Рёсслунг стремительно опускался вечер, к нашей компании у костра присоединились старшие Бьоргульвы, мисс Эмер, миссис Мэй и кто-то из местных.

⁷⁶ Мой милый кузен (норв.).

⁷⁷ Фрилуфтслив – скандинавская (преимущественно норвежская) философия жизни и образ мышления, дословно переводящийся как «свободная жизнь на свежем воздухе».

Пламя приятно отгоняло сырой холод, треск бревен дополнял очередную байку или наши идеи по завтрашнему дню. Особенно меня зацепили каякинг и рафтинг – их предложили дяди Энтони. Эти мужчины не торопились мириться со своими годами и активно выступали за подобные водные развлечения.

– А в чем разница? – чуть слышно поинтересовалась я, обращаясь к Аделе, сидящей слева.

– В рафтинге используются большие лодки и набираются команды до двенадцати человек. Дядя Ариан обожает соревнования. Дядя Эрнст, напротив, в последнее время полюбил более спокойный вариант – каякинг. Один человек в одном каяке. Сам себе хозяин, ни под кого не подстраиваешься.

– Думаю, так он может побыть наедине со своими мыслями.

– Это точно, – кивнула Адела, задумчиво глядя на огонь. Его ослепительный танец вырисовывался в кариx глазах подруги. – Слишком много ответственности возложено на его плечи...

Возникло ощущение, что она хотела еще что-то сказать, но в тот момент передумала договаривать и запнулась, бросив короткий взгляд на старшего дядю. Мне оставалось только похлопать ресницами в непонимании и сосредоточиться на начале нового рассказа.

– Казалось бы, дракон и мертвец, что может быть между ними общего? – спросил Ариан, обведя всех в кругу пронизательным взглядом.

– О каком конкретно мертвце идет речь? – вскинула бровь миссис Мален после молчаливой паузы, лениво наклонив голову набок и впившись взглядом в старшего брата. Подкрученный локон цвета молочного шоколада скользнул по ее бесстрастному лицу.

Забавляло то, как взрослые люди обсуждали существ из легенд, будто это реальные знаменитости, но было все равно увлекательно послушать их дискуссию, так что я затаила дыхание и пододвинулась на пне чуть ближе.

– Она права, – ухмыльнулся мистер Уильям. – О ком ты конкретно говоришь? О ревенанте⁷⁸? Нахцерере⁷⁹?

– Ветхале⁸⁰? – поддержала Катрине с ухмылкой.

– Их нет уже давно, – спокойно констатировал Энтони. – А вот...

Громкий и настойчивый кашель Эмер обратил внимание всех на нее. Серьезную и явно чем-то недовольную. Но что было не так? Просто обсуждались какие-то мифы и легенды, и каждый здесь присутствующий понимал, что это лишь вымысел. Энтони и его родственники точно ради «пощекотать всем нервы» преподносили это так, будто живые мертвецы в самом деле обитают среди нас.

– Я говорил о друге⁸¹, – все же решил дорассказать Ариан, проигнорировав предупреждающий взгляд мисс Эмер. – И объединяет их хранение сокровищ. Ну вот... Такой рассказ готовил, а ваши непрошенные комментарии сбили меня!

Почти все посмеялись над недовольным лицом мистера Ариана. Он не злился по-настоящему, но эта гримаса в самом деле заставила улыбнуться. Я посмотрела направо, где сидел Винсент. Из всей компании только он и Эмер оставались строгими и думали о чем-то своем.

– Все нормально? – спросила я у Винса, накрыв его ладонь своей.

⁷⁸ Ревенант – оживший покойник, который возвращается из могилы с конкретной целью. Имеет физическое, часто полуразложившееся тело.

⁷⁹ Нахцерер – своеобразный вампир-мертвец, начинающий пожирать свой саван и собственную плоть прямо в могиле, из-за чего живые родственники начинают чахнуть и умирать. Затем он может выбраться наружу.

⁸⁰ Ветхала – злой дух, который вселяется в человеческие трупы и заставляет их оживать. Ожившие тела не разлагаются и могут нападать на людей.

⁸¹ Друг – оживший мертвец, охраняющий сокровища в курганах. Обладает невероятной физической силой и способностью менять размер.

Он мельком посмотрел на нее, а потом сосредоточился на мне. Его лицо немного расслабилось, когда я ободряюще приподняла уголки губ.

– Да. Просто эти разговоры о живых трупах...

– Думаешь, я теперь не усну из-за них? – посмеиваясь, поинтересовалась я. – Я здесь не единственная девчонка, те же Адела с Катрине не трясутся от страха.

– Они слышали эти легенды уже тысячи раз.

– А я тысячи раз смотрела фильмы и сериалы про апокалипсис и зомби. – Я легонько похлопала его по ладони. – Поэтому расслабься. Мою психику оберегать не нужно.

Винс вздохнул и со смиренным видом покачал головой, прикрыв глаза.

– Я точно когда-нибудь потребую у твоего отца надбавку за это нескончаемое чувство беспокойства за тебя...

Его тон и смысл казались шуточными, но щеки предательски вспыхнули – я ощутила жар, поднимающийся откуда-то изнутри, а не от огня рядом. Я не подала виду – лишь улыбнулась чуть шире, чем следовало, и отвела взгляд. Ладонь я оторвала от его руки только тогда, когда все начали подниматься и расходиться, и в этом движении что-то внутри отозвалось болезненным щелчком.

Будто лишь присутствие Винсента питало мою смелость перед страшилками Бьоргульвов. И как только расстояние между нами немного увеличилось, тьма вокруг словно ожила – приняла очертания тех самых кровожадных мертвецов, о которых только что говорили у костра. Я передернула плечами и ускорила шаг, чтобы ни в коем случае не отстать от остальных.

Глава 14. Анисса

К

ак реставратор, удаливший с картины слой мутного покровного лака и возвращающий ее пигментам сочность, так и солнце разогнало студёные оттенки, окутавшие Рёсслюнг. Теперь зелень бликовала, будто в ней то тут, то там затерялись горсти хризолитов, а равномерно покачивающаяся поверхность озера заиграла бликами. Отсутствие пятен туч безапелляционно утверждало, что дождя – а он здесь частый гость – сегодня ожидать не стоило. И славно.

Старшие братья Бьоргульв сошлись на компромиссе: устроить гонки на каяках по реке Халлингдалсельве. Широкая и неторопливая, она несла свои прохладные зеленовато-голубые воды мимо Несбьена с восточной стороны.

Но вместо одного человека было решено садиться по двое. Думаю, неспроста: все-таки мы с Энтони и миссис Мэй ни разу не занимались подобным. А чтобы всем было весело и при этом сохранялся состязательный интерес, к каждому новичку приставили знатока. Так, после жеребьевки, мне в напарники достался – вот совпадение так совпадение! – Винсент; Энту – его отец, мистер Уильям; к миссис Мэй присоединилась моя начальница, мисс Эмер.

Оставшиеся каяки заняли мистер Эрнст с Аделой и мистер Ариан с Мален, а последний достался одной Катрине.

Ее одинокий вид защемил мне сердце. Уже и не помню, сколько точно лет прошло с тех пор, как скончался после серьезной травмы их с Аделой отец, мистер Доккен. Я не была знакома с ним, но знала, что Катрине унаследовала по большей части именно его черты, тогда как старшая сестра была чуть ли не копией матери в молодости. И если бы мистер Доккен был жив и здоров, то наверняка составил бы компанию Катрине...

– Может, займешь мое место? – ни капли не раздумывая, предложила я, коснувшись плеча подруги, одетой в небесного цвета гидрокостюм. Он здорово подчеркивал ее кри-

стально-голубые глаза. Я же еще в Нью-Йорке купила первый попавшийся: черный с розовыми вставками. Чуть не прибила Винса, когда он осмелился пошутить про «мрачную Барби». – Мне будет очень интересно даже просто понаблюдать за всеми вами! Правда! В конце концов, вы – семья, а я...

Катрине накрыла мою ладонь своей и бодро похлопала, прерывая слова.

– Все было продумано. – На ее щеках проступили очаровательные ямочки. – Обернись и лично убедишься.

Я выполнила ее просьбу с легким сомнением на лице. Но оно мигом рассеялось, как дождливые тучи сегодня, стоило зрению сфокусироваться на приближающемся внедорожнике. Пыталась припомнить, видела ли я его около одного из деревенских домов, но прервала попытку, как только стали различимы символы: на синей вертикальной полосе красовалась «S», а не «N», присущая норвежским номерным знакам. Значит, гости не местные.

Старшие из семьи Бьоргульв и мисс Валль направились к остановившемуся автомобилю. Из него вышли трое: стройная женщина в подпоясанном плаще, ее кудри отливали ледяным бликом; мужчина с суровыми чертами лица и черной бородкой, которая, как у моего модельера Поля, местами серебрилась от седины; и девушка. На вид – ровесница Аделы; невооруженным взглядом было件нятно, что она дочь этой пары: телосложение и треугольная форма лица матери, серые глаза и черные волосы от отца. Пряди цельным сатиновым полотном свисали до самих бедер.

– Это Берже Варгманн и ее муж, Дэниел, – кратко докладывала подруга, пока новопривывшие обменивались словами и рукопожатиями со взрослыми. – Он американец. Рядом – их дочь, Луна. Живут в Швеции, но иногда навещают нас.

– А-а, понятно.

– Только вот они должны были приехать на следующей неделе, а не сегодня, – вклинился в диалог нахмуренный Винс.

– Кажется, их рады видеть, – пожала я плечами. – Не вижу ничего катастрофичного.

Катрине закусилa губу и обменялась коротким взглядом с телохранителем. Но мое тело, наверное, уже выработало иммунитет к странному поведению окружающих, и я в который раз напомнила себе, зачем я здесь: развеять эти омрачающие настроение мысли и здорово провести время на природе в кругу близких друзей.

– Так, и с кем это я оказалась в одной лодке? – полюбопытствовала Луна, лукаво скользнув взглядом по нашим лицам. – Кат, ты? – догадалась она, хотя Катрине еще рта не успела раскрыть.

Мысли, что ли, прочитала? И только я успела усмехнуться про себя от этой бредовой теории, как заприметила, что Луна зыркнула на меня.

«Думай о природе и друзьях, отбрось все остальное, Анисса...»

Я вздохнула, прикрыв веки.

– Ты ведь Анисса, правильно? – прозвучал неожиданно близко голос Луны, из-за чего я мгновенно округлила глаза. – Луна Варгманн. Мы еще не знакомы, но я много слышана о тебе. Готова к каякингу?

– Спрашиваешь? – воскликнула я. Надеюсь, восторг получился натуральным, несмотря на неутрахающий привкус подозрений ко всему и ко всем. – Иначе бы меня здесь просто не было!

– Мне нравится этот настрой! – Она протянула мне ладонь, и я, усмехнувшись, дала ей «пять».

Через несколько минут, потраченных на разминку, мы приблизились к реке, на поверхности которой покачивались шесть каяков – узких лодок с острыми кормой и носом, – выставленных в ровный ряд.

Винс помог мне забраться, без лишних слов занял место впереди и взял двустороннее весло. Ноги оказались в полусогнутом положении. В принципе, от меня вообще ничего не зависело здесь. Все управление было в руках и ногах Винсента. Так что я еще раз перепроверила, все ли ремешки на спасательном жилете застегнуты, и завязала волосы в хвост, чтобы они не лезли в лицо.

Как тяжело оказалось не сосредоточиваться на широкой спине Винсента, пока он разминал шею и плечи. Литые мышцы двигались под облегающим материалом костюма. Опомнилась, когда мужчина накинул и на себя спасательный жилет. Разочарование было почти таким же, как когда в доме отключается электричество, а фильм только-только обрадовал интересной сценой.

Берже, оставшаяся с супругом на берегу, вызвалась быть судьей. Она давала обратный отсчет, и я хаотично замотала головой, ведь вместо того, чтобы проанализировать, кто какую полосу занял, наслаждалась спиной Винсента... Что поделать, если мне привился такой вкус? Папа, несмотря на работу, находил время для зала, поэтому мама бы меня точно поняла в этот момент.

Итак, правая полоса – первая, ближе всего к берегу. Ее заняли мисс Эмер и миссис Мэй. Слева мне подмигнула Луна в паре с Катрине. После них шли Энтони с мистером Уильямом, Мален с братом Арианом, а финальную занимали Адела со старшим дядей, Эрнстом.

– НА СТАРТ! – звонко донесся до нас голос миссис Берже. Винс замер, словно его поразили сонный паралич.

– ВНИМАНИЕ! – следом скомандовала она. Мышцы телохранителя будто ожили и взвились, точно пружины. Он развернул корпус, наравне с остальными каякерами, и вынес одну из лопастей весла вперед, к носу лодки.

– МАРШ!

Не успело это слово раствориться в воздухе, как все шестеро сидевших впереди синхронно вонзили подготовленную лопасть в воду, делая короткий стартовый гребок.

А дальше мое дыхание замерло. Я старалась выровнять его, концентрируясь то на одном, то на другом. Серия частых и силовых гребков взбивала воду в белесую крошку. Каждый старался попадать в свою струю, чтобы не сбиться с ритма и держать баланс.

Справа я не заметила лодки с начальницей и мамой Энта, зато вот по дороге мчался внедорожник семьи Варгманн. Гул мотора оглушал. Водитель (не знаю, кто точно был за рулем) посигналил нам, а после утопил педаль газа в пол и улетел далеко вперед, на финиш, где позже объявят победителей.

Мы обогнали Луну с Катрине и мистера Уильяма с Энтони, но три оставшиеся команды терялись где-то впереди, и из-за поворотов их было почти не разобрать. Только оранжевые жилеты выделялись среди воды и всплесков, когда полоса реки на время вновь становилась ровной и не была стиснута берегами.

– Я верю в тебя, Винс, – я наклонилась и провела ладонью по его лопатке. Это максимум, что могла сделать: расположение наших мест не позволяло двинуться ближе.

Сначала я списала это на качку и духоту: река, солнце, напряжение. Но по затылку словно провели мокрым льдом. В висках тонко зазвенело, и мир по краям начал темнеть, будто кто-то медленно задвигал невидимые шторы. Я еще слышала плеск весел и голос Винса, но звуки стали ватными, словно доносились из-под воды. Воздуха не хватало. Я вдохнула глубже, но грудь сдавило обручем; кожа под гидрокостюмом разом вспотела, пальцы онемели. Тошнота подкатила к горлу. Холод сменился резким, нестерпимым жаром. Я зажала пальцами черную ткань костюма Винсента и обессиленно опустила голову, пытаясь дышать глубже, но легкие не подчинялись.

– Анисса? – тревожно окликнул меня Винсент. Он миготом прекратил грести и обернулся ко мне настолько, насколько мог.

– Мне... жарко, – выдавила я, не понимая, что со мной. Страх почти парализовал голосовые связки. – Дышать... не могу.

Не ведая, что творю, я стала лихорадочно снимать жилет, словно это был давящий на внутренности корсет с китовым усом. Лодка тем временем дрейфовала по воле течения.

– Анисса, стой!

Где-то позади еще слышались обеспокоенные крики Энта, Катрине, Луны и мистера Уильяма. Но пульсация в висках заглушала их. Я, как замороженная, наклонилась к воде, загребла в ладони спасительный жидкий холод и ополоснула им разгоряченное лицо. А после послышался всплеск, бултыхание ног, и вот уже Винс, держащийся на поверхности за пределами лодки, придерживал одной рукой ее за корму, а другой прощупывал мой мокрый лоб.

Его брови почти изогнулись домиком. Может, это бред от горячки, но еще ни разу в жизни я не видела такой ужасающей тревоги, застрявшей в синеве глаз.

Далеко впереди, с небольшой разницей во времени, засвистел свисток – лодки, которыми управляли Эмер, Ариан и Эрнст, добрались до финиша первыми. Стоило заострить на этом внимание, как все стало постепенно приходить в норму. Винс убрал руку с моего лба только когда я наконец – за это казавшееся бесконечным время – сделала полный вдох и медленный выдох.

– Что стряслось? – раздался вопрос мистера Уильяма.

– Нисси, как ты? – следом спросил Энт.

– Просто затошнило... Бывает, – непринужденно ответила я, с трудом натянув улыбку.

А что еще я могла сказать? Я даже самой себе не могла объяснить случившееся. Никогда еще не испытывала подобного. Лишь во Франции разок разболелась голова, но тогда я была измотана, распереживалась из-за драки Винсента с тем рыжим незнакомцем...

Винс подтолкнул каяк со мной к берегу, а после, не спрашивая, подхватил меня на руки. Так легко, будто я весила всего ничего. Он такой теплый... хотя еще полминуты назад провел в прохладной реке.

– Я побегу навстречу остальным, нужно поскорее отвезти тебя назад, – бросил отец Энта и энергично побежал по дороге в сторону финиша, где, уверена, уже с волнением ждали нас «соперники».

В объятиях Винсента мне постепенно становилось лучше, хотя странная тревога и саднящая боль в сердце до сих пор не проходили. Но было еще кое-что – осознание одной действительности, которая томительно долго обретала форму в моем разуме: с первого же дня, когда мужчина стал работать на мою семью, моя душа заполнялась умиротворением, уверенностью и силой. Он заменял мне семью, когда родители пропадали на работе; был самым близким другом, когда Энтони и его сестры были далеко от Нью-Йорка. Однако Винс без конца штопал одну рану души, игнорировать которую стало невозможно с появлением фотографии дяди Ника. Я *знала* его, но по невообразимой причине забыла напрочь. Уверена, что это произошло восемь лет назад, аккурат перед знакомством с Винсентом. Что же тогда произошло? И почему все стало проявляться от одного триггера – фотографии?

Устало закрыв глаза, я сильнее прижала голову к груди Винсента. Телохранитель, на удивление, ответил, хотя рядом были Энтони, Катрине и Луна. Он прислонил подбородок к моему виску и молчал. Просто молчал. А может, его губы и шептали что-то, но разобрать этого я была не в силах – я погрузилась в зыбкое полуобморочное забытие.

Приступов больше не случилось – в чем я старалась убедить всех. Думаю, они нехотя, но поверили в версию, что меня просто укачало в каяке: за прошедшие с тех пор три дня я выглядела совершенно бодрой. Я в самом деле чувствовала себя отлично – настолько, что порой сама почти забывала о случившемся.

На следующий день после каякинга мы отправились в небольшой поход. Ночью, что легла между тем днем и позавчерашним, мы завершили его ночевкой в лесу, под открытым небом, посыпанным крупными звездами. Позавчера несколько местных под предводительством троих братьев Бьоргульвов отправились на охоту. Впервые попробовала оленину и мясо косули. Фрилуфтслив забирал много сил, и я начинала понимать, почему местные ели столько мяса. Вчера, после похода в горы и вполне успешной попытки взобраться на каменную стену, – ободранные костяшки и дрожь в коленях того стоили, – мы с Катрине, Луной и Аделой устроили девичник.

Девочки еще спали, пока фиалково-персиковый рассвет вливался через окна, разрисовывая мебель и стены и делая четче их тени. Сон не вернулся ко мне, хотя я лежала неподвижно, как мумия в саркофаге.

Уставившись в потолок, я размышляла о том, на что потратить последние два дня, ведь утром следующего уже буду на пути в аэропорт. Может, предложить друзьям выбраться в город за сувенирами? А еще побродить по лесу в поисках приглянувшейся мне морошки и чего-нибудь еще... О! Видела у пристани одну чудную лодку... Интересно, разрешат ли мне порыбачить или хотя бы просто понаблюдать за этим делом в центре озера?

Послышался шорох. Я повернула голову налево. Луна тоже проснулась.

– Не спится? – прошептала она.

– Типа того. – Я выбралась из спального мешка, села и потерла заспанное лицо. Мы все вчетвером решили спать в просторной гостиной, но диван один, поэтому, чтобы все было по-честному, расположились на полу возле серой каминной топки. Остатки пламени плясали на последнем почерневшем бревне и пепле. – Через пару дней меня уже не будет здесь. Может, поэтому подсознательно не даю себе лишнего часа поспать?

Девушка выбралась из своего мешка и подползла ко мне. Рассвет коснулся половины ее смоляных волос и окрасил пряди нежными пастельными разводами. Проницательный взгляд платиновых глаз сосредоточился на мне.

– А что об этом думает Винсент, твой, насколько мне известно, личный телохранитель? – задала она очередной вопрос. – Он так спокойно отпустит тебя одну?

Я чуть не поперхнулась воздухом от смущения при мысли о Винсенте. Почему одно упоминание о нем заставляло мои щеки пылать, как будто миру открылась моя самая постыдная тайна? Как это глупо... Но происшествие во Франции будто сблизило нас как никогда раньше. И я, и Винс в равной степени переживали друг за друга в тот злополучный момент. Особенно если учитывать, что мне ни разу не приходилось видеть его травмы и сталкиваться с потенциальной угрозой вот так просто, лицом к лицу – без стены охраны, без плана отхода, без всего того, что обычно создавало иллюзию безопасности. Да, я отдавала себе отчет, чем могли обернуться для меня последствия, если бы тот незнакомец не спас меня от падения. Но этих травм Винсента я ему простить не могла, пусть они и зажили неестественно быстро.

– Он... выполняет поручения моего отца или мисс Валь... – издали начала я.

– Только их поручения – и все? – с лукавинкой перебила Луна. – Неужели он ни разу не отступал от рабочего плана?

Я с пониманием и радушием улыбнулась ей.

– Ты хочешь выяснить, что я чувствую к нему, не так ли?

Луна тихонько посмеялась, чтобы ненароком не разбудить сестер.

– Я старалась, прости, но привыкла всегда спрашивать все в лоб. – Она еле сдерживала себя, чтобы не рассмеяться в голос, пока я боролась со смущением, приливающим к лицу новой пунцовой волной. – Видела бы ты себя со стороны, когда... давала оценку физической составляющей Винсента.

«Ничуть не удивлена: ведь перед стартом она ясно дала понять этим своим игривым подмигиванием, что наблюдала в тот момент за мной».

– Хочу прогуляться, – резко оборвала я тему под названием «Винсент». Почему она вдруг оказалась такой личной?..

Луна только успела похлопать ресницами, как я быстро поднялась, на цыпочках ускользнула в коридор и, накинув первую попавшуюся куртку, вылетела на улицу.

Контраст отопленного дома и промозглой улицы, напитанной влажностью, встряхнул получше кофеина. Персиковые лучи солнца, еще только поднимавшегося над хребтом гор, острыми копиями врезались в рассеянный туман, ползущий с озера. Жители Рёсслюнга еще спали – в окнах не было и намек на свет. Неспешно шагая по дорожке вдоль озера, я слышала криканье уток и гоголей, ближе к лесу – стук дятла по березовой коре или резкий клекот беркута, мгновенно студящий кровь. И все же, невзирая на его опасность, насколько же был прекрасен этот пернатый хищник, когда однажды пронесся на своих огромных темно-бронзовых крыльях над деревьями в сторону гор!

Я остановилась и глубоко вдохнула воздуха – такого промозглого, что легкие вмиг будто покрылись инеем. Жаль только, что он не мог остудить мою пылающую душу. И дело далеко не в Винсенте... Ну Луна! К чему вообще она завела о нем разговор? Он же старше меня на четырнадцать лет! Хотя по внешности так сразу и не скажешь. Как, в принципе, и про остальных здесь знакомых. Неужели этому так послужил отличный генофонд или здоровый скандинавский образ жизни? Старшим семьи Бьоргульв не дашь больше пятидесяти лет. Друзья тоже не выглядели на свой возраст; Катрине вообще сошла бы за мою бывшую одноклассницу. Да и в то, что Луна не сверстница даже Аделы и скоро отметит тридцатилетие, я поверила только после того, как она показала свой паспорт. Может, задуматься о переезде в Норвегию или Швецию?..

Я фыркнула. Мне только девятнадцать, куда я так спешу? Жизнь только обрела свое начало! Порой мысли, как кандалы, не дают сосредоточиться на ней: звенят стальными цепями и отбивают устрашающий ритм. И нечего заикливаться на дружеском подколе Луны. Будь на моем месте Винс, он бы не придал этому значения.

С этой мыслью я решила возвращаться. Я была в одной пижаме и куртке, и утренний холодок быстро проник сквозь эту слабую, даже скорее ничтожную защиту. Проходя снова

мимо озера, я невольно приостановилась, заметив скопление радостно кричащих уток у одной из пристаней.

Приблизившись к берегу, увидела одинокую фигуру: мисс Валль, постелив под себя тяжелый шерстяной плед, сидела на пристани и временами отрывала кусочки хлеба от взятых с собой сэндвичей, кидая их птицам. Ее медные волнистые пряди не были собраны, и потому свободно касались плеч, изредка подхватываемые ветром. Я будто смотрела на разрастающуюся жгучая пламя. На ней были джинсы и забавный вязаный кардиган: бледный круг, напоминающий слабое восходящее солнце на оранжево-персиковом, как рассвет, фоне; книзу он темнел, и на нем проступали зигзагообразные очертания гор, по которым гуляли и скакали... лисы. Интересно, а у Винсента есть такая же занятная кофта, но не с обычными лисами, а с полярными, под стать его позывному?

Представив телохранителя в такой одежде, я расплылась в улыбке. Надеюсь, Эмер поделится, где купила свой кардиган. В крайнем случае закажу у Поля: качеству его работ равных нет!

– Доброе утро, Анисса, – раздался голос начальницы, повернувшейся ко мне. Она сдвинулась вправо и похлопала по пледу рядом с собой, приглашая присоединиться. – Составишь компанию?

Очередной порыв ветра заставил меня вздрогнуть, и все же я, поблагодарив ее, приняла приглашение.

Проницательная мисс Эмер, заметив мою дрожь, молча сняла с себя кардиган, оставшись в одной плотной белой водолазке, и накинула мне на плечи. Материал был мягким, не колотся и еще хранил тепло ее тела.

– Спасибо, – отозвалась я, кутаясь сильнее, – но как же вы? Не замерзнете?

– У меня сильный иммунитет, не переживай, милая. – Она взяла небольшой термос, открыла крышку, налила в нее таившийся внутри золотистый напиток и протянула мне. Через секунду женщина вложила мне во вторую руку сэндвич с творожным сыром и форелью. – Одна гуляешь?

Я кивнула, пробуя здешний популярный травяной настой из листьев брусники, черники и цветов вереска. Эта легкая терпкость со сладковато-медовым вкусом и тонким сосновым ароматом стала неотъемлемой частью каждой трапезы, проведенной здесь. Обязательно возьму с собой хотя бы одну банку травяной смеси, чтобы угостить родителей. Их любовь к чаям, уверена, сильнее даже, чем у англичан.

– Не подскажите, откуда у вас этот кардиган? – решила не тянуть с вопросом я, переходя к интересующей теме.

Перед ответом мисс Эмер задумчиво взглянула на озеро, где туман медленно рассеивался, открывая гладь воды, и бросила птицам очередной хлебный кусок.

– Его связала моя мать, – коротко ответила она, ее взгляд на мгновение смягчился.

– Камилла Бьоргульв? – уточнила я. Энтони и его сестры редко упоминали в разговорах свою бабушку. Познакомиться с ней лично тоже не приходилось, только слышала, что она живет где-то уединенно.

– Да. После кончины Рейдара – ее мужа и моего отчима – она перешла к затворническому образу жизни. – Голос мисс Эмер казался даже каким-то сухим, отстраненным, будто речь шла о совершенно посторонних людях, но я осознавала: это лишь внешняя защита, тщательно скрывающая для посторонних боль, kloкочущую в сердце. – С тех пор мать только и делает, что вяжет, пересматривает старые турецкие сериалы двухтысячных и готовит вяленую рыбу и мясо, что приносят братья с охоты.

– Мне очень жаль... – вырвалось у меня.

Начальница вздохнула и натянула на лицо непринужденную, хоть и немного грустную, улыбку.

– Это жизнь. Белые полосы чередуются черными, как день и ночь. С возрастом проще к этому относишься.

Мы немного помолчали, вслушиваясь в шелест листьев, хлопанье крыльев накормленных птиц и шум прибоя. Ветер разгонял воду, и ее волны ударялись о сваи, разбиваясь на тысячи капель.

Зябкость перестала сковывать мое тело, когда сэндвич уже был почти полностью съеден, а согревающий напиток едва закрывал дно. Эмер подлила мне еще порцию травяного настоя и предложила еще угощений, но я отказалась. Утром я зачастую ела мало. Наверное, аппетит, в отличие от меня, просыпался только к обеду.

– Скажите, а миссис Камилла может связать похожий свитер, только какой-нибудь... серо-синий, да, подходящий цвет... И с белыми лисами? Могу даже заплатить, это вообще не проблема!..

Эмер тихонько хихикнула. Озорство вспыхнуло в ее необыкновенных серо-зеленых глазах. Я словно смотрела на чашу леса, окутанную легким туманом, который блуждал сейчас рядом с нами.

– Подарок Винсенту? – без усилий догадалась она, и ее улыбка стала шире. – Какая ты молодец, Анисса, я вот не догадалась... – Женщина задумчиво покивала головой. – Хорошо, я познакомлю тебя с Камиллой, а детали потом обговорите вместе.

– Чтобы сюрприз получился, нужно знать точные размеры, – осенило меня. Не на глаз же вязать? А если Винс подкачается сильнее? Тогда что, труды миссис Бьоргульв разойдутся по швам на этих безупречных мускулах?

Мисс Эмер накрыла мое плечо своей теплой ладонью.

– Моя мама знает внука как облупленного, – посмеялась она. – У нее отлично развит глазомер. Доверься.

Приятно было слышать, что о Винсенте заботились как о родном члене семьи. Даже ко мне за это время было проявлено столько трепетного внимания и искренней доброты... Я буду отчаянно скучать Рёсслунгу и с нетерпением ждать новой возможности посетить его.

Посидев еще немного, мы обе одновременно почувствовали, что пришло время возвращаться. Я предложила провести мисс Эмер до нашего гостевого домика, а после планировала вернуться к девочкам.

Мы шли в полной, но не неловкой тишине, нарушаемой лишь далеким пением птиц и шумом легкого ветерка. Когда кирпичного цвета домик показался совсем близко, набравшись смелости, я тихо спросила:

– Скажите, а вы были в хороших отношениях с Рейдаром?

Эмер пожала плечами, не сводя взгляда с тропы.

– Он кормил меня, одевал и не прибегал к рукоприкладству. Наверное, за это я должна быть благодарна ему до конца своих дней. – В ее голосе прозвучала нотка, которую я не могла точно определить – то ли горькая ирония, то ли притупленная обида. Она сложила руки на груди, и легкий прищур, появившийся в ее глазах, когда она посмотрела на меня, говорил о попытке понять мои мотивы. – С чего ты вдруг об этом спросила?

Я неосознанно пожевала губу. Ответить было необходимо, но слова застревали в горле.

– Несмотря на то, что вы не были особо близки, вы... скучаете по нему?

В этот момент мне захотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть без следа. Это была моя ошибка. Разговор, который я так тщательно планировала, должен был стать мостиком к моей собственной саднящей теме – к смерти дяди Ника. Но теперь я понимала, как наивна была моя надежда. Родители ведь уже ответили, и неважно, что их ответ совершенно не пришелся мне по душе. С чего я вдруг решила, что мисс Эмер вот так возьмет и скажет больше, чем они?

– Извините, вы не обязаны отвечать... – Я попыталась вернуть себе самообладание, но голос все равно звучал неуверенно. – Кажется, я только и делаю в последнее время, что лезу совершенно не в свои дела.

Начальница еще мгновение изучала мой удрученный вид. Затем она отвела взгляд, вновь сосредоточившись на дороге, и произнесла:

– Ты не представляешь, сколько еще всего тебя касается, милая, а ты даже не думала об этом. Однако мы – в том числе и твои родители – посчитали, что тебе просто незачем об этом знать. Или еще не настал подходящий момент.

– Значит... – задумчиво протянула я, – мне все же собирались рассказать о мамином брате, только позже? Или я так бы и не узнала о нем, если бы однажды не нашла ваше забытое фото?

– Конкретно в *этом* вопросе решение должны были принимать только Мелисса и Тристан.

В памяти вспыхнула яркая, словно молния, реакция Винсента, когда я показала ему то самое фото. Остекленевший взгляд, напряженные руки...

– Винсент знает от них о ситуации с дядей?

Эмер тяжело вздохнула.

– Нет. Он лично знал его. Твой дядя тренировал Винсента, чтобы убедиться, что тот сможет защитить тебя.

«Не верю своим ушам... Мне правда рассказывают что-то новое?»

– Доминик старался все свое свободное время посвящать семье, – продолжила мисс Валль мягким голосом. – Провожал тебя в школу, забирал с нее, играл с тобой, готовил, когда твои родители просто физически не успевали или были совсем вымотаны работой...

– Дядя Ник умел готовить?

Не знаю почему, но этот факт заставил меня улыбнуться.

– О, еще как! – живо подтвердила она. – Вкус его домашней стряпни я помню до сих пор. Его научил отец, а потом Ник передал этот навык Мелиссе.

Но эта крошечная искорка радости была тут же поглощена бездной печали. Образы, которые я пыталась выстроить в своем воображении, ускользали, не давая шанса ухватиться хоть за одно настоящее, живое воспоминание. Все знали его, любили его, помнили его... кроме меня. Это осознание обжигало, вызывая острое чувство обиды и растерянности.

– Но почему я ничего из этого не помню? – все-таки произнесла я вслух.

Мисс Валль приобняла меня рукой, ее прикосновение было теплым и успокаивающим, словно материнское. Мы еще немного прошли вперед, но через несколько метров она остановилась, ее рука сжалась на моем плече.

– Его... не стало, когда тебе было одиннадцать. Потеря для ребенка – огромный стресс, поэтому твои воспоминания о Доминике попросту заблокировались. Тогда твои родители и наняли Винсента. Твое внимание переключилось на нового человека, оставив дядю позади.

Я кивнула, стараясь не выдать своего замешательства. Ответ, вроде бы, был логичен. Но если это работало так, то почему бабушка и дедушка ни разу не упомянули своего сына? Тоже последствие «травмы»? С другой стороны, я глубоко признательна мисс Эмер за ее сегодняшние откровения. Если так рассудить, что она могла знать о родителях моей матери – и что знали они сами?

– С радостью послушала бы еще что-нибудь о дяде, – с непринужденной улыбкой произнесла я. – Когда вы посчитаете нужным. Но только это будет секретом, ладно? Не хочу лишний раз волновать маму и папу.

Мисс Эмер задумалась, ее взгляд вновь устремился вдаль, словно она взвешивала, что стоит сказать, а что лучше оставить невысказанным. Но через пару секунд она мягко погладила меня по правому плечу и, подмигнув, с легкой улыбкой ответила:

– Договорились.

IV . Адела

М

ногие из жителей и гостей деревни пребывали в глубоком сне.

Бодрствующую же Аделу окружали знакомые звуки сумеречной природы. Тихие колебания озерной воды, легкое шуршание березовой листвы, трепещущей на порывах промозглого ветра, и хор недремлющих обитателей леса – все это создавало умиротворяющую симфонию.

Периодически в эту симфонию врывалось потрескивание поленьев в небольшом костре, который девушка быстро разожгла привычными к этому делу руками. Дым от него поднимался ввышину, туда, где большую половину луны поглотил бездонный мрак; лишь меньшая ее часть еще отражала солнечный свет и разливала сказочное сияние в это любимое Аделой время суток.

Ведь именно в эти тихие часы, когда мир погружался в сон, она могла призывать своих самых верных, хоть и необычных, друзей.

– Как дела у Клыка и Рыка? – спросил Энтони, присаживаясь напротив и протягивая ладони к животворному теплу огня.

Еще живя на тот момент в Салтдале, однажды к стае прибились двое волчат. Они, скорее всего, отбились от волчицы или та вовсе сгинула, и девушка, обладая даром дружбы с животными, решила оставить их себе. Со временем эти крошечные создания превратились в могучих, величественных волков. Адела до сих пор прекрасно помнила ощущение их густой, теплой шерсти под пальцами: у Клыка она была светло-серой, а у Рыка – насыщенно-бурой.

Но несколько лет назад, когда на стаю впервые после долгого перерыва напали вампиры, оба ее верных волка бесстрашно вступили в бой и погибли. Дедушка Рейдар тоже отдал свою жизнь, защищая Маркуса Валля. Вероятно, это был его способ вернуть старый долг, искупить тяжелый грех, который он совершил в прошлом против исконной стаи Валль.

После этого события, прибывшие в Салтдал при первой же возможности Эмер, Винсент, Уильям и Энтони, вместе с еще живым тогда Маркусом и новым альфой стаи Бьоргульв, Эрнстом, немедленно принялись разрабатывать план переселения. Энтони, глубоко опечаленный вестью о гибели любимых питомцев своей кузины, решил прибегнуть к самому смелому решению – магии. Ген оборотня не передался ему по наследству от отца, но зато от материнской линии он получил дар ведьмака – и, стоит признать, весьма могущественного. Так, после проведения довольно опасного ритуала, о котором они до сих пор никому не проболтались, души Клыка и Рыка вернулись в этот мир. С тех пор они могли обретать плоть из самой ткани теней ночи, но были вынуждены растворяться в первых же лучах восходящего солнца.

Адела с нетерпением ждала каждого наступления сумерек, чтобы вновь увидеть своих призрачных друзей. Она нервно повертела головой, прислушиваясь, а потом, уставившись на Энтони, прошептала:

– Ты мог бы говорить потише? Я их еще не призывала...

– Расслабься, здесь только мы, – спокойно ответил он. – Я не ощущаю никаких других аур поблизости.

Только лично убедившись в этом, оборотень-волчица развела руки в стороны и прикрыла глаза, полностью сосредоточившись на ярких воспоминаниях: на том, как она играла с волчатами, как учила их первым командам, и как они вместе носились по бескрайним лесам во время полнолуний. Мгновение спустя тени возле нее зашевелились – как те, что отбрасывались пламенем костра, – а потом будто из-под земли выпрыгнули две полупрозрачно-черные фигуры волков. Одна – более взлохмаченная и крупная, как сам Рык; другая – с гладкой шерстью и меньшего размера, Клык. Адела без труда отличала их, и Энтони постоянно этому удивлялся. Даже глаза у этих теней одинаковые. Впрочем, на привычные глаза они уже не походили: скорее мелкие белые звезды спустились с неба и заняли их места.

– Идите порезвитесь, – с нежной улыбкой сказала девушка, нежно поглаживая дымчатую шкуру волков. Ее пальцы словно касались плотного, клубящегося тумана.

Волки, не раздумывая, умчались прочь, растворяясь в плотной стене леса, но не оставили за собой ни единого звука. В самом деле, они были лишь душами, добрыми духами, призраками, как Адела их только ни называла. Однако при огромном желании Рык и Клык могли принести в пасти из тени реальную палку. Схожей силой обладают ниссе⁸².

Однажды один такой поселился в доме старшего дяди. Тот, видимо, чем-то обидел невидимого гостя, и в отместку дух разбил всю посуду на кухне, разбросал одежду из шкафов и даже дергал своего обидчика за волосы, пока тот спал. К счастью, мама Энтони, будучи профессионалом в ведьмовском деле, подсказала, как мирно избавиться от незваного соседа. Дядя Эрнст подарил ниссе новый, красивый костюм взамен разорванных лохмотьев, и дух, кажется, добровольно покинул дом. По крайней мере, все искренне надеялись, что он ушел добровольно и не решил, что эта «подачка» была намеком на его неряшливость или нарушенным контрактом между ним и домом.

– А как они понимают, что пора возвращаться?

– За столько лет я научила их множеству команд, в том числе особым свистом, если речь идет о больших расстояниях, – пояснила она, глядя вдаль, куда еще минуту назад умчались призрачные волки.

Энтони задумчиво почесал затылок, чувствуя легкую неловкость из-за забывчивости.

– Точно, забыл.

– Ничего, – улыбнулась Адела, снова переводя взгляд на кузена.

⁸² Ниссе – дружелюбные мифологические существа из скандинавского фольклора, являющиеся аналогом славянского домового. Обычно описываются как маленькие человечки или гномы ростом с ребенка, с длинной седой бородой, в шерстяной одежде и остроконечных (чаще красных) шапочках. Если их уважать, то они будут помогать по хозяйству, присматривать за домом и домашним скотом.

Они поболтали еще немного обо всем и ни о чем, пока к ним не присоединилась Катрине. Интересно, кто из них двоих заметил ее приближение первым – невероятно тонкий нюх Аделы или цепкое сканирование аур Энтони? Впрочем, это было не так уж и важно.

– Я думала, ты спишь, – обратилась девушка к младшей сестре.

– Не могу, – вздохнула Катрине, облокотившись руками о поваленный ствол дерева, который они использовали вместо скамьи. Запрокинув голову, она устремила взор на нескончаемое полотно ночи. Кажется, в этот момент ей посчастливилось увидеть падающую звезду – редкость для этого времени года. – Ты снова вызвалась в патруль, и как прикажешь мне уснуть, зная, что моя сестра бродит одна-одинешенька, как какая-то загнанная омега?

Адела и Энтони сдержали легкие ухмылки, но перекинулись плутоватыми взглядами. Катрине ведь и не могла знать, что старшая сестра зачастую вызывалась на ночное дежурство и избегала напарников по одной причине: она хотела провести как можно больше времени со своими теневыми питомцами. Да, однажды ей придется отпустить их души, но точно не сейчас. Еще было слишком рано. Терять любимых, кем бы они ни были, невыносимо больно.

«Что у вас там за собрание?» – вдруг в голове прозвучал иной голос, но такой привычный, как местная погода. Это Луна в очередной раз прибегла к своей телепатии. Адела, возможно, уже перестала бояться этих внезапных «визитов» в свою голову, но легкая настороженность никогда ее не покидала – сила наследницы стаи Варгманн была чрезвычайно мощной и позволяла ей вдобавок прочитать последние мысли собеседника. Адела искренне надеялась, что Луна благородно решила не пользоваться этой возможностью и не узнала тайну о Рыке и Клыке.

«Присоединяйся, мы только начали», – мысленно ответила она Луне и только после этого напрягла слух: шведка неспешно двигалась к ним, находясь примерно в двухстах метрах. Чем ближе Луна была знакома с собеседником, тем на большем расстоянии она могла уловить активность его мозга и телепатически связаться с ним. Что-то поздновато, учитывая это, начала с ними разговор младшая из Варгманнов.

– Мои родители и ваши родичи тоже засели у костра, только в центре, – уже вслух продолжила Луна, присаживаясь рядом с Энтони и оказываясь напротив двух сестер Бьоргульв. – Почему вы не с ними?

– У меня началось дежурство, за остальных сказать не могу, – пожала плечом Адела. Чтобы занять руки, она провела пальцами по волосам. Слегка волнистые, они мерцали в свете костра так, будто в них запутались сотни тонких нитей древесной смолы.

Энтони повернулся к Луне.

– А сама?

Она фыркнула, закидывая ногу на ногу и перенося часть веса на левую руку.

– Хочу побыть среди ровесников, конечно же.

– Винсента уже относим к предкам? – пошутил Энтони.

– Он и Эмер проводили Аниссу до дома и не вернулись, – без промедления ответила Луна, со скучающим видом рассматривая ногти на правой руке. – Наверное, решили тоже лечь пораньше, чтобы не проспать. Утром она ведь уезжает в аэропорт.

Энтони и Катрине заметно погрузтели от этого факта.

Они всегда были очень близки с Аниссой – у них было больше общих тем для разговоров, они проводили вместе много времени и имели схожие увлечения. Кузен и Анисса буквально выросли вместе благодаря тесной дружбе их матерей. Когда они с сестрой прилетали в Штаты, Катрине, будучи экстравертом до мозга костей, с радостью соглашалась на любое предложение американской подруги насчет экскурсий по интересным местам. Когда же они собирались вчетвером, их совместные вечера часто включали просмотр постапокалиптических фильмов и сериалов. Адела же стыдливо скрывала – пусть и понимала, что все разные и вкусы тоже, но

ничего не могла с собой поделаться – что без ума фанатела от мелодрам, как бабушка Камилла, и уступала выбор компании.

– Все было бы так просто, если бы Аниссе рассказали правду о нас... – жалобно пробормотала Катрине. – Тогда бы она смогла быть здесь до конца, и даже на празднестве провозглашения Альянса...

– Да, ты права, – строго отрезала Адела, не глядя ни на кого. Только на пляшущее пламя. Краем глаза она заметила, как робко улыбнулась сестра, решив, что ее мысль поддержали, но девушка тут же оборвала росток надежды: – А вместе с этим не забудьте дополнить рассказ: ее дядя-вампир почти тридцать лет назад заколол могущественного упыря и тем самым навлек невообразимую опасность на всю их семью. Их скрытность перед вражеским кланом почти ничего не значит для таких могущественных существ. И если на них выйдут – не спасет никто. Смерть за содеянное покажется самым милосердным наказанием.

От этой неизбежной и пугающей правды показалось, что ночь стала еще чернее. Даже яркое пламя костра не могло прогнать тьму и страх, которые на короткий миг поглотили их разум.

– Чему быть, тому не миновать, – как-то меланхолично произнес Энтони, а после неспешно поднялся, с непроницаемым выражением лица. Кивнув на прощание, он ушел прочь, спрятав ладони в карманы куртки. Дорожка, по которой он шел, вела к центру деревни.

– Что это он... – тихо прошептала Катрине, с недоумением глядя ему вслед.

– Я не читала его мысли, поэтому мы, похоже, не узнаем, пока он сам не захочет рассказать. – Луна встала и сладко потянулась. – Ладно, что-то меня в сон клонит. Попрощаюсь со всеми и пойду к себе. Желаю спокойного дежурства.

– Спасибо, Луна, – Адела помахала ей ладонью на прощание.

Когда сестры остались одни, молчание первой нарушила Катрине:

– Я останусь с тобой. – Она сжала руку старшей сестры, вынуждая сосредоточиться на ее взгляде и словах. – Мне кажется, я понимаю, почему ты мало веселишься с нами. Ты либо накручиваешь себя из-за будущего, либо взваливаешь на себя работу почти как дядя Эрнст! Понять можно, ведь по линии наследования рано или поздно очередь вести стаю дойдет до мамы, а после – до тебя, ведь дяди не обзавелись наследниками... – Ладонь Катрине напряглась чуть сильнее, и Адела накрыла ее своей второй. – Но мне в таком случае достанется роль твоей беты, пока у тебя не появятся дети, поэтому не отговаривай меня! Я обязана тебе помогать, и я буду... Я хочу этого! И сегодняшняя ночь не исключение!..

Слова сестры казались простыми, но откровенность в них вызвала настоящие слезы. Они не текли, но пощипывали глаза.

– Ты ведь знаешь, что ты моя лучшая сестра?

Обаятельная улыбка появилась на миловидном личике Катрине.

– Конечно, – усмехнулась младшая, – ведь других у тебя-то нет.

Адела обняла ее, прижимаясь щекой к макушке.

– Других мне и не нужно.

Протоптаные и извилистые тропинки, привычные, как дыхание, вели сестер по хорошо знакомым маршрутам, которые они могли пройти даже с завязанными глазами.

Сегодняшняя ночь, однако, дышала иной, тревожной прохладой. Бледно-голубое, почти призрачное свечение луны, просачиваясь сквозь плотную, шелестящую листву, выхватывало из мрака все, что таил вековой лес.

– Следующую неделю дежурят лисы, наконец-то отдохнем. – Катрине протяжно зевнула, прикрывая рот тыльной стороной ладони. – Нет, все-таки нужно попробовать перетянуть тебя на дневное дежурство. И так хватает ночных походов в полнолуние.

Аделе оставалось только промолчать, неловко натянув вверх уголок рта. Наверное, получилась кривоватая, жалкая гримаса, но Катрине, занятая осмотром, не обратила на нее внимания.

Она сосредоточенно осматривала периметр, ее взгляд скользил по теням, пытаясь уловить малейшее движение. Сестры шли медленно, тщательно всматриваясь сквозь строй берез, чьи стволы разрезали ночной пейзаж своей мертвенно-белой корой. Все чувства работали на пределе, обостренные до крайности: слух был готов уловить малейшее трепыхание травинки, заглушаемое учащенным биением собственного сердца; зрение – засечь подозрительную фигуру, затаившуюся за стволом дерева, а нюх – учуять запах, чуждый их родному лесу. Все как всегда, но сегодня «как всегда» ощущалось совсем иначе.

Старшая из сестер знала, что Рык и Клык гуляют далеко и не приблизятся, пока она не подаст свист. Но что-то неуловимое, проникающее под кожу, все равно напрягло Катрине. Она дернулась, резко повернув голову направо, туда, где величественно возвышались темные громады гор. И затормозила.

Ее выразительные, широкие брови вмиг нахмурились, подчеркивая растущую нервозность, словно мрачные тучи, предвещающие бурю. Адела, чувствуя изменение в сестре, взглянула на ее руки: та незамедлительно выдвинула когти. Длинные, черные и острые, они гнулись книзу, словно серпы, готовые разорвать любую опасность.

Внезапный, ледяной поток ужаса пронзил сознание.

«ЗДЕСЬ УПЫРИ! – крик Луны, переданный телепатически, оглушил изнутри, раскаленным клеймом обжигая мозг. Сестры непроизвольно зажали виски, словно пытаясь удержать рассыпающееся сознание, но быстро пришли в себя, собрав остатки воли. – Основной удар пришелся на нас, центр. Патрульные, как можете, держите позицию. Лисы Валль, просыпайтесь! Нужна по...»

Передача оборвалась, и сердце Аделы будто провалилось в ледяную яму, сковывая дыхание.

Она повернулась налево, к тому направлению, где сейчас сражались все ее родные, прислушиваясь к каждому шороху, каждой фантомной ноте битвы, всей душой надеясь, что пере-

вес будет на их стороне и Луна сможет снова выйти на связь. К счастью, между новым и прошлым сообщением не прошло и половины минуты:

«Повторяю: все, кто может, направляйтесь к нам! Лисы, волки. Кому враг не по силам, старайтесь попасть в свой дом – им не переступить порог без разрешения! Патрульные, это и вас касается. Не рискуйте лишний раз. Здесь полным-полно новообращенных, но попадают и черноглазые старожилы!»

Гнетущая тишина, сменившая резкий телепатический крик, зазвенела в ушах, как звон разбитого стекла. Адела и Катрине были далеко, отрезаны от эпицентра ужаса, и не могли слышать отголоски бойни. Или, быть может, это был лишь эффект стресса, парализующий слух и разум.

Снова вампиры терроризируют их. В прошлый раз эти твари забрали жизнь дедушки Рейдара, больше дюжины его верных гамм и безвинных питомцев Аделы. И кто сказал, что сегодня жертв будет меньше, а не напротив?

Там, в центре, сейчас ее дяди, мама, кузен, фруэ Мэй, Луна с ее родителями... Каждое имя отзывалось болью в сердце. Конечности Аделы затряслись, и она сжала вспотевшие ладони в кулаки, пытаясь отбросить нахлынувшие эмоции, которые сейчас были бесполезны, даже вредны.

Треск ветки – такой неожиданный и оглушительный в этой нависшей, звенящей тишине, как выстрел из одного из дядиных дробовиков, – резким эхом пронесся по лесу, прервав болезненные переживания Аделы и заставив ее сфокусироваться на реальности.

Она метнула взгляд туда же, куда безотрывно глядела Катрине, и в ту же секунду ее ногти удлинились, превращаясь в острые, как бритва, волчьи когти.

Адела поравнялась плечом к плечу с Катрине, вставая в оборонительную позицию: они выставили руки вперед, предплечьями прикрывая грудь, а ноги расставили для лучшей опоры, готовые к молниеносному прыжку или защитному выпад.

Упырь соизволил заявить о себе, намеренно издавая звуки ходьбы – тягучие, волочащиеся, словно шарканье об землю. Еще пара тресков, и из непроглядной тьмы, словно призрак из кошмара, мертвец выглянул на освещенный лунной участок.

Пугающе бледный оттенок кожи казался почти серо-голубым. Одежда заметно поношенная: простая клетчатая рубашка, выцветшая и местами порванная, и старые джинсы, испачканные грязью и чем-то темным, похожим на кровь.

Глаза – одновременно такие голодные, жаждущие, полные лютого, первобытного гнева, но при этом совершенно пустые, не выражающие ровным счетом ничего, словно вместе с телом умерла и вся эмпатия, вся человечность. Радужки переливались, как грани рубина, но в этом не было ничего прекрасного, только пугающая, чуждая красота. Белки вокруг них налились кровью, будто лопнувшие капилляры, придавая взгляду безумный, хищный блеск.

Подолы его выдавших виды ботинок были заметно стертые – этот мертвец добирался до Рёсслунга, применяя нечеловеческую скорость.

Но даже чудовищность его облика и леденящий ужас, сковывающий Аделу и, кажется, даже Катрине, не смогли скрыть от них осознание страшной правды: этот упырь, вернее, *гуль*, ведь умом и собственной волей он явно не блистал, будучи лишь марионеткой в чьих-то руках, еще годы назад был обычным человеком.

Эрландом Доккеном, которого во время командировки сбил пьяный водитель. В больнице из всех сил старались спасти его жизнь, однако шансы были тщетными, и мужчина скончался на глазах жены и дочерей в реанимации, оставив их жить с вечной болью утраты.

– Рарра?⁸³ – дрожащим, едва слышным шепотом выдохнула Катрине, и гуль, лишь носивший оболочку их любимого отца, метнулся к ним, уже целясь в самые уязвимые места, в ту точку, где тело было наименее защищено, в сердце, где таилась вся их боль и уязвимость.

V. Эмер

–О

на уснула, – коротко бросил Винсент, облокотившись со скрещенными руками о дверной косяк и вглядываясь в сосредоточенный профиль Эмер. Приемная мать стояла за порогом на крыльце и будто прислушивалась к восточной стороне, где у костра остались родственники и гости. В ее позе читалось напряжение: плечи чуть поданы вперед, словно она готова была в любой момент сорваться с места, а пальцы, лежавшие на перилах, побелели от сдерживаемой силы.

И тут с небольшим перерывом к ним пришли сообщения Луны о вторжении. А через считанные минуты мимо пробежало несколько патрульных. Кто-то уже был запятнан кровью – своей и вампирской.

Мужчина заметил, как непроизвольно его мать сжала деревянные перила, глядя в плотный мрак ночи и мелькавшие в нем фигуры. Ее дыхание на миг сбилось, а в глазах, обычно спокойных и уверенных, вспыхнула тревога.

– Я обязан защищать Аниссу и не побегу к ним сломя голову, – твердым тоном произнес он. – Кроме нас с тобой, поблизости нет никого, кто на это способен.

Эмер кивнула, сходясь во мнении, и обернулась к сыну.

– Мэй и Энтони станут для вампиров неприятным сюрпризом, – принялась размышлять она на полтона тише. – Они без труда воспламят их мертвую кровь изнутри с помощью магии, те и шевельнуться не смогут. Эрнст точно уже успел сплотить своих волков: он отличный стратег и явно знает, что делать. Помощь Берже в отдаче приказов, против которых не

⁸³ Папа? (норв.)

защититься даже упырю, тоже неоценима. Они справятся, я уверена. – Но голос ее дрогнул на последнем слове, и она сама это почувствовала.

Решив последовать совету Луны, Эмер и Винсент вошли в дом. Внутри было тихо и душно; тишина казалась неестественной, будто сам воздух застыл в ожидании.

«Мы сдерживаем их, – ментально докладывала Луна. – Адела и Катрине, что там у вас? Жду ответа».

Эмер и Винсент напряженно сидели на диване, тоже ожидая ответа от них. Казалось, оборотни-лисы не шевелились и даже не дышали. Эмер чувствовала, как сердце бьется чаще, отдаваясь глухими ударами где-то в горле. Она сжала подлокотник, чтобы не выдать дрожи.

«Адела? Катрине? – Тон Луны заметно напрягся. – Где вы? Ответьте!»

От волнения все сжалось внутри. Еще секунду Эмер буквально сверлила взглядом стену, а после решительно вскочила – уже готовая сорваться с места, – как вдруг приказ беты Варгманн остудил ее порыв:

«Я сканирую ваши последние мысли и знаю, что вы хотите сделать, Эмер. Но Эрнст четко попросил меня отдельно передать вам двоим: не рыпаться и сидеть в доме. При первой же возможности мы направим гамм девочкам на выручку».

– *Han driver jo og tuller med oss!*⁸⁴ – рявкнула она куда-то в сторону, словно там стоял ее сводный брат и неодобрительно качал головой. Женщина обернулась к сыну, резко взмахнув руками. – Мы на общей территории, мы оба вожаки, но я почему-то должна следовать его приказам, когда неизвестно, что с девочками?!

Винсент явно не знал, что ответить. Только опустил взгляд на сцепленные в замок руки и глубоко вздохнул. Но через ничтожные секунды улыбнулся и тихо посмеялся. Понимая, что это совершенно неуместно, он поднял взгляд на мать и объяснил свой порыв:

– Ты всегда учила меня прежде всего думать головой, не лезть на рожон. В Париже я ослушался тебя, пусть и осознавал последствия. А сейчас и ты хочешь нарушить собственное же правило?

– Ох, Винсент... – покачала Эмер головой, сложив на груди руки, будто защищая грудную клетку от холодного порыва ветра. – Я никогда не жалела себя. Целеустремленно шла, как ты выразился, на рожон. Мне не жаль отдать жизнь за любимых и родных. Тебе же я усердно вкладывала это в голову, потому что ты – мой сын и наследник нашей стаи. За тобой будущее, и, конечно же, я хочу, чтобы ты был в безопасности.

– Не такой уж я и особенный, каким ты меня делаешь, – пожал Винсент плечами. – Ты альфа, и любой, кого ты сделаешь оборотнем, может без труда занять мое место.

Горечь от слов Винсента подступила к горлу Эмер, но она не позволила себе даже судорожного вдоха. Как донести до него, что, пусть они и не родные по крови, он значит для нее куда больше, чем думает?

Когда семнадцать лет назад знакомые из модельного агентства шепнули ей, что ее бывший молодой человек, Кэмерон, скончался, она даже посетила его похороны – пусть расстались они в прошлом весьма паршиво. Тогда и оказалось, что мужчина еще до их знакомства нагулял ребенка, но бросил его с матерью, узнав, что сын болен неизлечимым заболеванием.

⁸⁴ Да он просто издевается! (норв.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.